

1

История Угреши

История Угреши

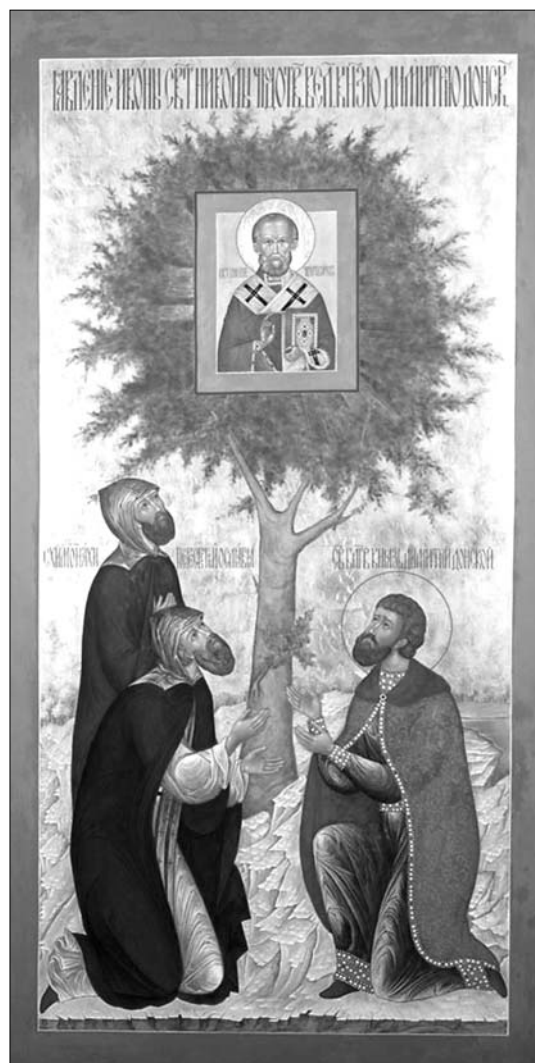
Выпуск 1

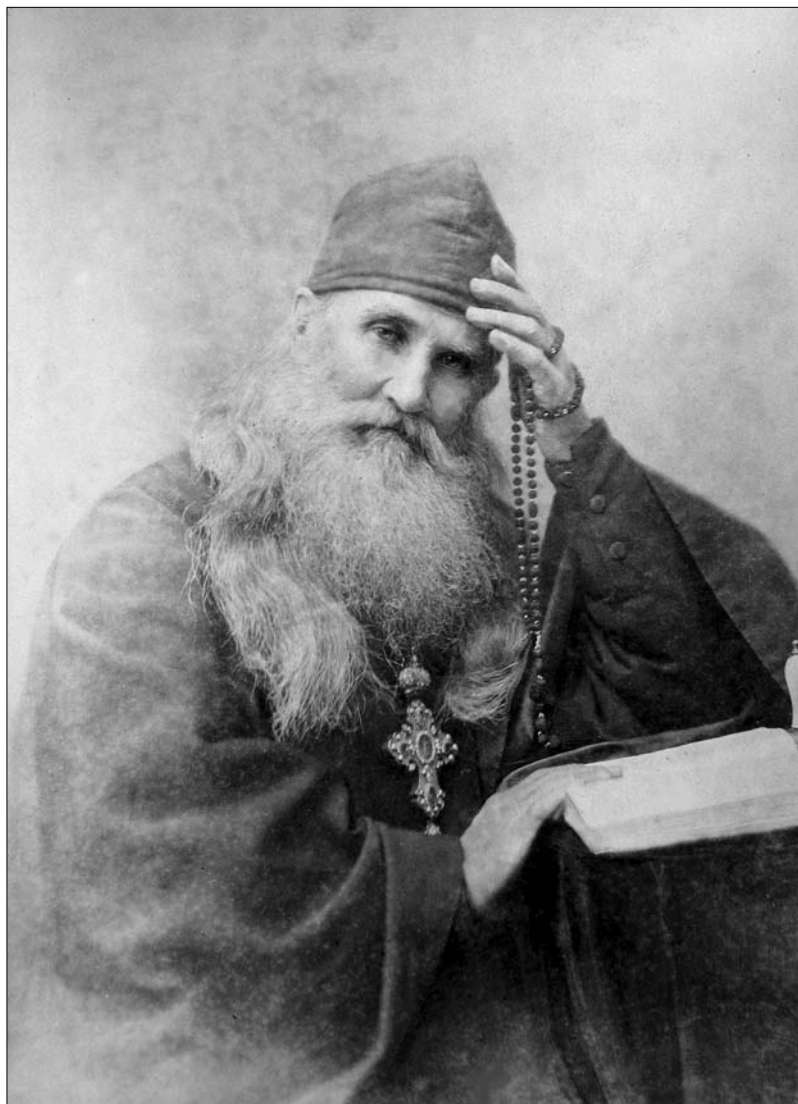

*Архимандрит Пимен (Благово). Фотография. 1890-е гг.
Семейный архив В.К. Журавлёвой*

*Краснослободцева Е.М.
Игумен Антоний (Бочков) на Угреше осенью 1871 года.
2009 г. Холст, масло
Музей-ризница Николо-Угрешского монастыря*

Преподобный Пимен Угрешский. Фото 1870-х гг.

*К 630-летию основания
Николо-Угрешского монастыря*

*К 200-летию со дня рождения
преподобного Пимена Угрешского*

История Угреши

Историко-краеведческий альманах

Выпуск 1

Москва
2010

УДК 271–055.1

ББК 86.372

И–90

История Угреши / Историко–краеведческий альманах. Выпуск 1 / Сост. Егорова Е.Н. — М.: Московская областная организация Союза писателей России; Дзержинский: ДМУП «Информационный центр»; Литературное объединение «Угреша», 2010. — 288 с., илл.

В первый выпуск альманаха вошли краеведческие очерки, посвящённые многовековой истории Николо–Угрешского монастыря и окрестных селений, находившихся на территории современного подмосковного города Дзержинского. Издание альманаха приурочено к 630–й годовщине основания Николо–Угрешского монастыря святым благоверным князем Дмитрием Донским в честь победы на поле Куликовом и 200–летию со дня рождения выдающегося религиозного деятеля XIX столетия преподобного Пимена, архимандрита Угрешского.

В разделе «Угрешский летописец» особое внимание авторы очерков уделяют личностям, деятельность которых оказала определяющее влияние на формирование духовной и природно–архитектурной среды Угреши и окрестностей: великому князю Дмитрию Донскому, преподобному Пимену Угрешскому, архимандритам Нилу (Скоронову), Валентину (Смирнову), Макарию (Ягрову), святителю Макарию (Невскому), а также поэтам и писателям игумену Антонию (Бочкову), архимандриту Пимену (Благово), Ярославу Смелякову, Сергею Красикову и другим. Завершает раздел краткая летопись Николо–Угрешского монастыря, охватывающая события 1380–2010 годов.

Два заключительных раздела «Поэтический венок Угреше» и «Духовный цветник Угреши» составлены из лучших поэтических произведений авторов литобъединения «Угреша». Стихи, публикуемые в авторской редакции, посвящены родному краю и духовно–нравственным проблемам современности.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Редактор–составитель выпуска *Елена Егорова*

Издание осуществлено при финансовой поддержке администрации г. Дзержинского

ISBN 978-5-900999-59-3

© Литературное объединение «Угреша»
Московской областной организации
Союза писателей России, 2010
© ДМУП «Информационный центр», вёрстка, 2010
© Егорова Е.Н., составление,
художественное оформление, 2010
© Авторы: произведения, 2010

УГРЕШСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

**Святой благоверный князь
Дмитрий Донской**

История Угреши тесно связана с именем великого князя Московского Дмитрия Ивановича, получившего прозвание Донского за славную победу над Мамаем в Куликовской битве. Это величайшее событие было, несомненно, самым главным в многотрудной жизни князя, но нам интересны и другие его свершения. О них повествуют «Задонщина», «Повесть о побоище на реке Пьяне», «Повесть о битве на реке Воже», «Летописная повесть о Куликовской битве» и «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича». Эти произведения, летописи и сохранившиеся грамоты тех далёких лет служили и служат первоисточниками для историков и литераторов. В небольшом очерке я расскажу о деяниях Дмитрия Донского, основываясь на древнерусских повестях и трудах Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва и Ю.М. Лошица.

Князь Дмитрий Иванович родился 12 октября¹ 1350 года в семье Ивана Ивановича, среднего сына великого князя Московского Ивана Даниловича Калиты, и княгини Александры, вероятнее всего, сестры тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, который фактически имел полномочия московского градоначальника. Младенец получил имя, скорее всего, в честь греческого святого Дмитрия Солунского, воина и покровителя воинов: с днём его памяти 26 октября совпадают именины князя.

Тогда в Москве княжил Симеон Иванович Гордый, дядя маленького Дмитрия и старший сын Ивана Калиты. Трудный это был период для Руси, страдавшей под татаро-монгольским игом. Русские князья были вынуждены собирать большую дань и везти её ханам в Сарай-Берке, столицу Золотой Орды². Малейшее неповиновение приводило к разорительным и кровопролитным набегам на русские вотчины. Все князья получали в Золотой Орде грамоты на княжение — ярлыки, которые ханы небрежно бросали им, словно кости собакам, придерживаясь правила: «Разделяй и властвуй». Главным «яблоком раздора» был ярлык на великое княжение владимирское: владимирский князь считался старшим по отношению ко всем остальным князьям, потому что Владимиро-Суздальское княжество, куда входила и Москва, в домонгольской Руси было самым крупным. С запада постоянно грозили русичам литовцы, предводимые воинственным князем Ольгердом, ливонцы и шведы. Междоусобицы русских князей

приводили к не меньшему разорению и очень ослабляли Русь экономически и политически, не позволяя собрать значительные силы для сопротивления завоевателям. В те годы военные действия, как правило, велись очень жестоко. Нападавшие жгли и грабили чужие земли, зверски мучили и убивали людей, уводили уцелевших в полон, часто не жалея ни женщин, ни детей, ни стариков. Это относилось не только к нападениям татар или литовцев, но и к княжеским междоусобицам. Особенно лютовали Святослав Смоленский и Михаил Тверской.

Когда Дмитрию было около трёх лет, Русь сильно пострадала от эпидемии чумы. Страшная болезнь не щадила никого — ни бедных, ни богатых. Вымирали сёла, пустели города. Умерли митрополит Московский Феогност, великий князь Симеон Иванович, которому было всего 36 лет, и два его маленьких сына. Умер и младший сын Ивана Калиты, князь Андрей, жена которого через 40 дней после его кончины благополучно родила мальчика, наречённого Владимиром. Этому мальчику суждено было стать верным товарищем и сподвижником двоюродного брата Дмитрия.

*Кошелев Н.А. Возвращение святителя Алексия,
митрополита Московского*

Великое княжение Владимирское и Московское перешло к отцу Дмитрия, Ивану Ивановичу Красному, который вёл осторожную и мудрую политику по отношению к Золотой Орде и русским удельным князьям. Задабривая татар, он не позволял ордынским послам бесчинствовать на Руси. Не вмешиваясь во внутренние дела удельных и великих князей, он был твёрд и суров с ними, если они ссорились и допускали взаимные грабежи. Княжение Ивана Ивановича внешне не было богато значительными событиями. Сподвижником его стал многоопытный святитель Алексей, митрополит Московский.

Святитель Алексей происходил из знатной боярской семьи. Он рано посвятил себя монашескому служению, обладал исключительной учёностью и мудрым государственным мышлением. Велика была любовь народа к своему духовному пастырю, прославившемуся чудотворениями. В 1357 году митрополит был вызван в Орду, где по его молитве исцелилась от слепоты мать хана, царица Тайдулла. Эта весть была встречена москвичами с большой радостью и ещё более укрепила их любовь к святителю Алексию.

В раннем детстве над двоюродными братьями Дмитрием и Владимиром совершили особо торжественный обряд княжеского пострига, во время которого княжичам состригали прядь волос и при большом скоплении народа сажали их на коней. Это было посвящение мальчика в воинский чин. Из женской половины дома ребёнок передавался в мужскую на попечение бывалого дядьки, которому предстояло привить воспитаннику все навыки, необходимые будущему мужчине и воину.

В 1357 году в Золотой Орде произошёл первый дворцовый переворот: место хана Джанибека занял Бердибек, убивший отца и заодно 12 своих братьев. По заведённому обычаю, великий князь Иван Иванович отправился с дарами в Сарай к нему на поклон. Бердибек встретил его с почестями и сохранил за ним великое княжение владимирское. Однако по возвращении Иван Красный прожил недолго и осенью 1359 года скончался во цвете лет: ему было всего 33 года. Причина смерти в летописях не упоминается: лекари тогда посмертных заключений не составляли.

Москва осталась без взрослого князя, а девятилетний Дмитрий осиротел. По духовному завещанию отца он унаследовал земли московские, Можайские, Коломенские и значительную часть фамильных ценностей, среди которых нагрудный крест с изображением св. Александра, возможно, принадлежавший прапрапрадеду Дмитрия, Александру Ярославичу Невскому.

*Святитель Алексий,
митрополит Московский
Икона. 1699 г. ГИМ*

Огромная ответственность легла на плечи малолетнего князя. Сам он, конечно, ещё не мог управлять княжеством и во всём слушался правительства — княжеского совета, в который вошли старейшие бояре, тысяцкий Василий Вельяминов и митрополит Алексий, вернувшийся из трёхлетнего заточения в Киеве, которое несправедливо учинил митрополит Роман, поддерживаемый литовцами. Митрополит Алексий стал духовным отцом Дмитрия и, по существу, заменил ему отца земного. Он воспитал его в любви к Богу и к отчизне. Из древнерусских источников известно, что великий князь Дмитрий Иванович был очень благочестивым, по возможности строго исполнял все правила церковной жизни, обращался с горячими молитвами к Богу и в горе, и в радости.

Весной 1360 года юный Дмитрий отправился по речным путям в опасное путешествие до Сарая-Берке, чтобы предстать перед очами грозного Бердибе-

ка. Московского отрока не могла не потрясти богатейшая ханская столица, намного превышавшая Москву своими размерами и населением. Дворцы ханов и мурз отличались великолепиям, на огромных шумных рынках продавались товары со всего света, включая и рабов, которыми становились люди, пленённые во время набегов. Никто не мог предположить, что существовать этому городу осталось всего 35 лет.

Когда Дмитрий прибыл в Сарай, место хана Бердибека уже занял убивший его царевич Кульпа, но и тот правил всего полгода. В Орде начался период междоусобиц и дворцовых переворотов. Власть постепенно прибирал в свои руки Мамай, хитроумный темник³. Мамай выгодно женился на сестре Бердибека, в ре-

зультате чего заметно возвысился и, по существу, руководил часто менявшимися ханами. Возможно, именно в этот приезд в Орду князь Дмитрий впервые встретился со своим будущим врагом.

По малолетству, Дмитрий не получил тогда ярлыка на великое княжение владимирское, который был отдан князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому, венчавшемуся на это княжение летом 1360 года. Однако ханское решение было принято на Руси прохладно. Многие князья, считавшие, что суздальский князь получил власть «не по отчине и не по дедине», молчаливо игнорировали указания Дмитрия Константиновича. В 1362 году в Сарае–Берке воцарился хан Аймурат, который решил дело о великом княжении владимирском в пользу юного московского князя. Однако Дмитрий Суздальский не захотел подчиниться ханской воле и добровольно отдать власть. Он даже захватил Переславль, чтобы преградить Дмитрию дорогу к Владимиру. Пришлось москвичам собирать войско. Под присмотром старших сели отроки–князья Дмитрий и Владимир на боевых коней в полном воинском облачении. Испугавшись московских дружин, Дмитрий Константинович без сражения оставил Переславль и затворился в Суздале. Вскоре во Владимире, в величавом белокаменном Успенском соборе, двенадцатилетний Дмитрий Иванович был венчан на великое княжение. Много раз потом пытались отнять у московского князя этот титул. Спустя всего год вновь претендовал на него Дмитрий Константинович. Однако, узнав о войске, уже по–настоящему предводимом рано повзрослевшим Дмитрием, суздальский князь вынужден был отказаться от своих претензий. На этот раз с ним обошлись строже и отправили княжить подальше от Суздаля, в Нижний Новгород. В дальнейшем он вёл себя благоразумно и стал союзником Дмитрия Ивановича. Помощь Москвы вскоре очень понадобилась Дмитрию Константиновичу. Его чуть было не сверг с нижегородского престола властолюбивый брат Борис Константинович. Понадобились увещевания преподобного Сергия Радонежского и помощь московских дружин.

Год 1364 принёс на Русь новое поветрие чумы. Не минуло страшное горе и великокняжеский дом: осенью умер младший брат Дмитрия, княжич Иван, а в конце декабря скончалась его мать, великая княгиня Александра. Из ближайших родственников осталась только старшая сестра Любовь, но она давно уже была выдана замуж за одного из литовских князей. Поэтому ещё ближе теперь стал ему двоюродный брат Владимир Андреевич, тоже рано повзрослевший.

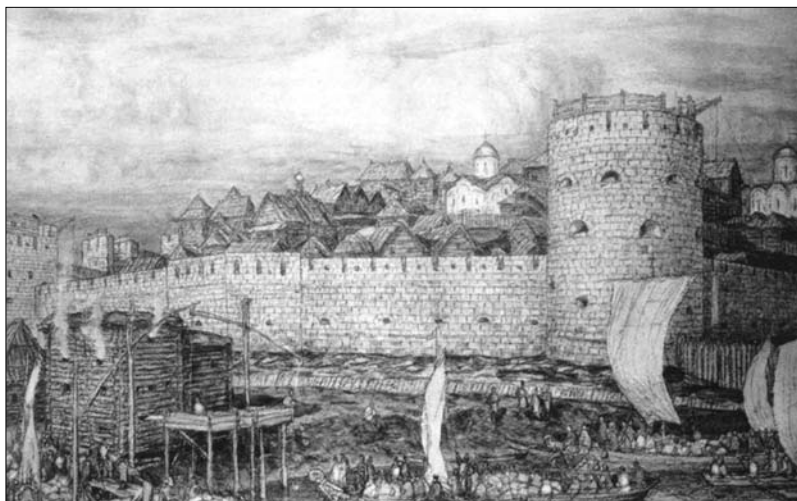
*Великий князь Московский
Дмитрий Иванович Донской
Портрет из «Типулярника»
1672 г.*

В семье Дмитрия Константиновича подросла дочь, красавица Евдокия. Именно она была выбрана в невесты шестнадцатилетнему Дмитрию Ивановичу. Венчание состоялось 17 января 1366 года в Коломне: жарким и сухим летом 1365 года деревянная Москва почти полностью сгорела. Несмотря на то что вначале преобладали политические мотивы этого брака, в великокняжеской семье царили любовь, верность и понимание. Княгиня Евдокия во всем поддерживала супруга. Родители они были очень чадолюбивые: у них родилось восемь сыновей и четыре дочки. Только два мальчика умерли малолетними, что

удивительно даже для княжеских семей, где до совершеннолетия редко доживало более троих детей. Дети Дмитрия Ивановича воспитывались в благочестии, почитании родителей и любви друг к другу.

Пользуясь междоусобицей в Золотой Орде, князь Дмитрий Иванович перестал возить туда собираемую дань и копил её у себя, но вовсе не для личного обогащения. Эти деньги оченьгодились для восстановления Москвы после страшного пожара. Вместо сгоревших деревянных стен Ивана Калиты были выстроены белокаменные с башнями, боевыми площадками, стрельницами и железными воротами. Очень скоро новые неприступные стены помогли выдержать осаду литовского войска под предводительством Ольгерда.

Великому князю Дмитрию Ивановичу приходилось быть третейским судьёй в спорах между удельными князьями. В 1366 году он разбирал нелады между тверскими князьями Еремеем Константиновичем, престарелым Василием Михайловичем Кашинским и его племянником Михаилом Александровичем, будущим великим князем тверским. Эти территориальные споры были обусловлены не только властолюбием князей, но и несовершенством наследственного права, когда удел преимущественно получал не старший сын, а старший их живых братьев умерше-

Васнецов А.М. Москва при князе Дмитрии Донском

го. Молодой и сильный Михаил не мог по этому праву наследовать тверской престол, но всеми силами хотел на нём утвердиться, надеясь на поддержку великого литовского князя Ольгерда, женатого на его сестре Ульяне. Дмитрий Иванович не поддержал этих незаконных претензий Михаила, чем приобрёл на долгие годы врага, который ставил свои личные интересы гораздо выше общерусских и при поддержке чужеземцев натворил много зла. Дважды малодушный Михаил Александрович бежал в Литву из занятой им Твери, убоявшись московского войска.

Князь Ольгерд, подстрекаемый мольбами Михаила Тверского и жаждой наживы, повёл на Русь большое войско. Литовцы разбили под Рузой небольшой полк, посланный неопытным ещё Дмитрием Ивановичем, но не взяли Можайск. Когда многочисленное войско подошло к Москве, его ошеломил полностью сожжённый посад и неприступные белые стены. Ольгерд был вынужден снять осаду через четыре дня и убраться восвояси, жестоко бесчинствуя по пути, чем снискал себе в русском народе дурную славу.

Однако эти события ничему не научили ни Ольгерда, ни Михаила. Последний летом 1369 года в третий раз бежал от московской рати в Литву. А Ольгерд предпринял новый поход на Москву. Летописцы окрестили эти нападения Литовщиной. Удача отвернулась от престарелого властителя. Бог был явно на стороне Руси. Попытка взять Волоколамск кончилась полным провалом.

Москва снова встретила неприступными стенами и сожжённым посадом. Испугала Ольгерда и сильная дружина, собранная князем Владимиром Андреевичем. Постояв несколько дней у стен Москвы, Ольгерд направил туда послов с предложением «вечного мира». Но князь Дмитрий Иванович уже знал цену этим предложениям и заключил с ним только перемирие на полгода.

Весной 1370 года разочаровавшийся в силе Ольгерда Михаил Тверской поехал с большими дарами к Мамаю искать ярлыка на великое княжение владимирское. Мамай не преминул использовать его в борьбе с осмелевшим московским князем, не платившим дани, и бросил Михаилу вождеденный ярлык, словно игральную кость. Узнав об этом, князь Дмитрий перекрыл вероломному тверскому князю путь во Владимир. Бояре большинства княжеств поддержали Дмитрия.

Князь Михаил Александрович понял бесполезность своих претензий и с досады направился грабить новгородские земли, а Дмитрий Иванович, оказав пышный приём ханскому послу Сары-хоже, сам собрался в Орду. Дмитрию шёл уже двадцать первый год. Внешне он стал поистине русским богатырём. Летописцы скупно описывают его могучее телосложение, густые чёрные волосы и бороду, называют огненными его светлые глаза. И эта величавая внешность, и мудрые речи князя, и богатые дары возымели на Мамаю благоприятное действие. Дмитрий Иванович вернулся в Москву с ярлыком на великое княжение владимирское. В Орде он великодушно выкупил томившегося там в заложниках Ивана, сына Михаила Тверского, в несбывшейся надежде, что хоть это обстоятельство смягчит вражду.

В Москве Дмитрия Ивановича встретила радостная весть. Желая укрепить перемирие, Ольгерд обещал выдать свою дочь Елену за князя Владимира Андреевича и обязался не поддерживать больше Михаила Тверского в несправедливых притязаниях на владимирский престол. Однако свадьба не помешала братьям Елены Ольгердовны весной 1372 года разграбить вотчины вокруг Переславля. Обнаглевший князь Михаил Александрович осаждал Дмитров и дважды занимал Торжок, принадлежавший Новгороду Великому, причём во второй раз его рать жестоко расправилась с народом, ограбила храмы и сожгла этот город.

Ни один год княжения Дмитрия Ивановича не проходил спокойно. В конце 1371 года из-за приграничного города Лопасни обострились отношения с властолюбивым рязанским князем Олегом Ивановичем, «самым упрямым русским человеком

XIV века», по словам историка В.О. Ключевского. Рать князя Олега осадила Лопасню, но была разбита московскими дружинами под командованием воеводы Дмитрия Михайловича Боброка. Летом 1372 года новую попытку нападения на Москву предпринял Ольгерд, стремившийся вернуть когда-то давно принадлежавшие Литве города Великие Луки, Ржев, Березуйск и Мценск. К тому же, Ольгерду не давали покоя два прежних неудачных стояния под Москвой. Третья Литовщина закончилась столь же бесславно. Войско литовцев остановилось на берегу глубокого оврага неподалёку от г. Любутска⁴ и, увидев на противоположном берегу мощную московскую рать под предводительством самого князя Дмитрия Ивановича, вынуждено было убраться воясыя через несколько дней.

Спустя два с половиной года Дмитрий Иванович получил неожиданный «удар в спину». Осенью 1374 года скончался его дядя, тысяцкий Василий Вельяминов, имевший на Москве большую власть, уже сравнимую с великокняжеской. Против ожидания Дмитрий Иванович не передал эту должность двоюродному брату Ивану Васильевичу Вельяминову, а вовсе её упразднил. Он учредил гораздо менее значимый пост наместника Москвы, который получил боярин Фёдор Свибло. Затаив глубокую обиду, честолюбивый Иван ранней весной 1375 года перебежал на службу к Михаилу Тверскому. Переход боярина от одного князя к другому был на Руси в порядке вещей, но делалось это открыто. То, что совершил Иван, красивый внешне, но подлый душой, считалось постыдной изменой. Он не просто сбежал, а вместе с Некоматом, купцом из Приазовья, подвиг князя Михаила вновь добиваться великого княжения владимирского и отправился послом в Мамаеву Орду. Сам Иван Вельяминов остался в Орде доверенным лицом тверского князя, а Некомат 14 июля 1375 года вернулся в Тверь с ханским ярлыком. В тот же день Михаил Тверской отправил в Москву гонца с объявлением войны и начал снаряжать войско.

Дмитрий Иванович быстро оправился от потрясения и тоже стал собирать рать при поддержке почти всех других русских князей. Такое возмущение вызвал на Руси вероломный поступок Михаила Тверского, что даже недавний враг Олег Рязанский поддерживал московского князя и согласился быть третейским судьёй. Ощутимую военную помощь оказали и гордые новгородцы, обиженные сожжением Торжка. Огромное войско подошло к Твери. После месячной осады упрямый Михаил сдался на великокняжескую милость Дмитрия Ивановича. Мирный договор в очередной

раз обязал тверского князя подчиняться московскому князю, не претендовать на его земли и владимирское княжение. История закончилась в 1378 году, когда был схвачен под Серпуховом вернувшийся из Орды Иван Вельяминов. 30 августа предатель был казнён в Москве при большом скоплении народа. Эта была первая и последняя публичная казнь в княжение Дмитрия Ивановича. Однако на других Вельяминовых его гнев не распространился, и они продолжали занимать высокие должности и пользоваться доверием князя. Воевода Микула Вельяминов впоследствии командовал переславским полком на поле Куликовом и сложил там голову.

Занимаясь ратными делами, великий князь Дмитрий Иванович не забывал и о созидании, изыскивая к этому всевозможные средства. Кроме белокаменного Кремля и деревянных великокняжеских палат было выстроено множество церквей. Каждый раз после набегов заново отстраивался посад. Росла Москва, всё больше народу селилось вокруг неё. Дмитрий Иванович проводил мудрую экономическую политику, говоря современным языком. Новые поселения назывались слободами, потому что новосёлы были на довольно большой срок, от 3 до 10 лет в зависимости от степени освоения земель, освобождены от податей. Более того, крестьяне и ремесленники получали ссуды на обустройство. Льготы и ссуды выдавались не только им, но и монастырским братствам, что тоже способствовало заселению новых пространств. Монастыри не только укрепляли веру в народе, но и способствовали просвещению и развитию искусства. Именно на тот период пришёлся расцвет деятельности святых Сергия Радонежского, Стефана Пермского, Елифания Премудрого, митрополита Алексия и начало творческого пути Андрея Рублёва. Всячески поощрялась князем и торговая деятельность. Впервые после нашествия татаро-монголов была выпущена серебряная монетка с изображением святого война с копьём (возможно, Дмитрия Солунского) с одной стороны и надписью «Великого князя Дмитрия Ивановича» с другой стороны. По боку монетки шла надпись на арабском языке, чтобы русские деньги принимались на восточных базарах.

К сожалению, внешние обстоятельства не давали много времени на созидание. Редко выдавался более-менее спокойный год. Весной 1376 года состоялся удачный поход русских войск на Булгарию (в районе современной Казани). В том же году умер великий литовский князь Ольгерд, оставив престол сыну Ягайло. Отношения между литовскими князьями обострились, что грозило Руси новыми бедами, но имело и положительные стороны.

Сблизился с Москвой князь Андрей Ольгердович Полоцкий, которому Дмитрий Иванович отдал в управление Псков.

Летом 1377 года ордынский царевич Арапша при поддержке Мамай предпринял поход на нижегородские земли. Мордовские князья помогли ему с войском тайно пробраться к речке Пьяне и застичь там врасплох сводную русскую рать во главе с Иваном Дмитриевичем, сыном нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Не зная о месте нахождения Арапши и разомлев от сильной жары, русское войско во главе с воеводами беспечно предавалось развлечениям: охоте, гульбе, пьянству. Похмелье было ужасным: 2 августа налетевшая ордынская конница почти полностью уничтожила русскую рать. Часть воинов, даже не успевших надеть кольчуги, была порублена, часть пленена, многие утонули в Пьяне. Это был страшный позор и горчайший урок. Разорив Нижний Новгород, Арапша убрался с наступлением холодов назад в Орду.

Зимой 1378 года скончался в глубокой старости митрополит Алексей, о котором скорбела вся Русь. Не оставил он достойного преемника. Смиранный Сергей Радонежский принять митрополичью кафедру отказался, и за неё шла борьба между несколькими претендентами. Больше не было рядом у Дмитрия Ивановича столь мудрого духовного отца. Поэтому и обращался он частенько в отдалённый Троицкий монастырь к игумену Сергию Радонежскому за духовной поддержкой.

Летом 1378 года сводная русская рать под предводительством князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича взяла реванш за позорное поражение у реки Пьяны. Снова предприняли ордынцы под командованием воеводы Бегича нашествие на нижегородские земли. Только на этот раз для них всё закончилось плачевно. 11 августа войско Бегича было наголову разбито сразу после переправы через речку Вожу. Эта победа укрепила в наших предках уверенность в своих силах, показала, что можно побеждать крупные силы ордынцев. В декабре того же года был предпринят удачный поход на Брянские земли, в результате которого заметно укрепились западные границы, и Русь приобрела ещё одного союзника — литовского князя Дмитрия Ольгердовича, получившего в управление Переславль.

Следующий 1379 год прошёл относительно спокойно. Но это было затишье перед бурей. Гордый Мамай был возмущён смелым поведением русских князей и собирал огромное войско, привлекая наёмников богатым жалованием и будущей наживой. Летом 1380 года он сам повёл войска на Русь. Предварительно про-

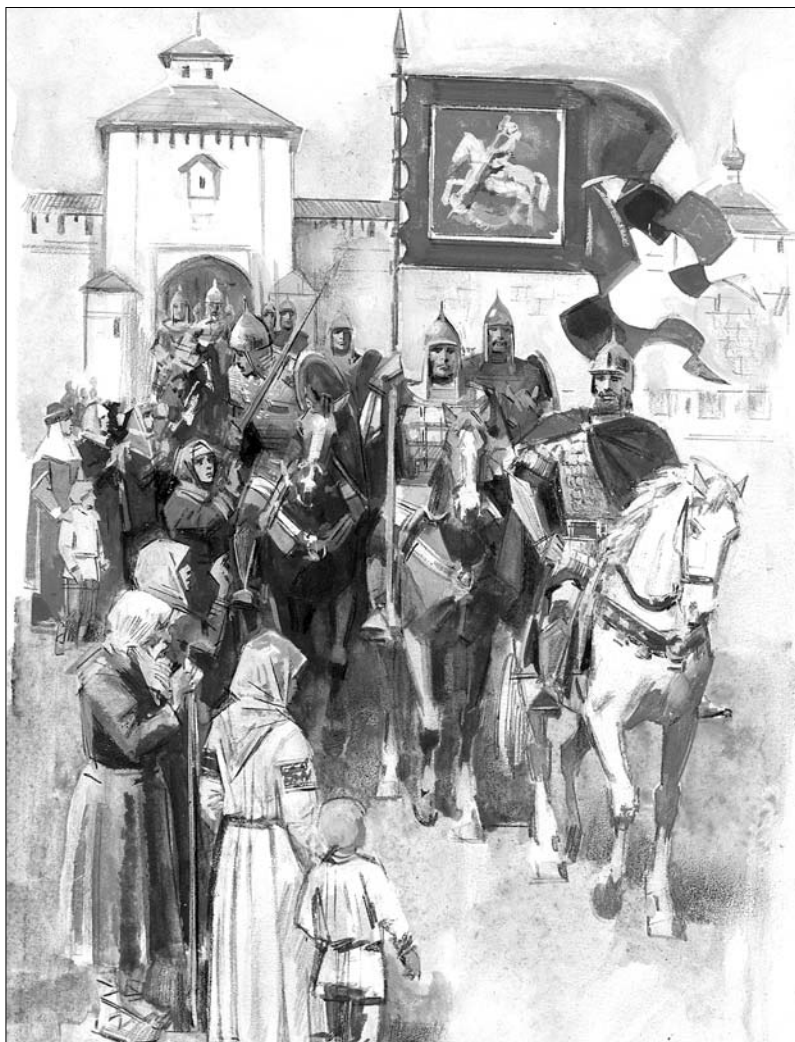

Преподобный Сергей Радонежский благословляет Димитрия Донского на битву с Мамаем. Стенопись. Спасо-Преображенский собор Николо-Угрешского монастыря. 2009 г.

водил хитрый хан переговоры с литовским князем Ягайло и с Олегом Ивановичем Рязанским. Последний был недоволен разорением своих земель ордынцами в ответ на поражение у Вожи. Но некоторые современные историки считают, что князь Олег не был явным предателем, как об этом говорят древнерусские повести, а вёл двойную игру, стремясь отвести опасность нового разорения от своей вотчины. Именно Олег первым сообщил Дмитрию Ивановичу о готовящемся нашествии, невиданном со времён Батыя.

Великий князь с тревогой принял это известие. «Господи, не сотвори нам, яко же на прадеды наши навёл еси злого Батыя...» — коленопреклонённо молился он перед святыми образами. И Бог помог. В короткий срок удалось Дмитрию Ивановичу собрать огромную для Руси рать. Он был поддержан почти всеми русскими князьями. Не прислали дружин только Олег Рязанский, Михаил Тверской и Новгород Великий. Перед выступлением поскакал Дмитрий Иванович к преподобному Сергию Радонежскому испросить благословения. По окончании обедни великий князь получил весть о новых продвижениях Мамае к Дону и хотел было возвращаться, но игумен смиренно попросил его помедлить и отобедать с монахами. За трапезой Сергей Радонежский как бы невзначай тихо сказал князю: «При сей победе тебе еще не носить венца мученического, но многим без числа готовятся венцы с вечной памятью». Это пророчество весьма ободрило князя. Благословив Дмитрия Ивановича на поход против ордынцев, преподобный Сергей послал с ним двух могучих иноков-воинов Александра Пересвета и Андрея Ослябю.

20 августа 1380 года русские рати покинули Москву. Часть войск под руководством Владимира Андреевича отправилась в направлении Серпухова на соединение с конными и пешими дружинами юго-западных областей. Главная часть под предводительством Дмитрия Ивановича направилась вдоль Москвы-реки к Коломне. На ночь войско остановилось в тихом месте на берегу, где великому князю придало уверенности чудесное явление об-

Гольдберг Л.М. Выход войск Дмитрия Донского из Кремля в 1380 году

раза святителя Николая. Старинное предание гласит (в переложении на современный русский язык): «Благоверный великий князь Дмитрий Иванович Донской вышел из града Москвы против нечестивого Мамаю, царя татарского, и, отойдя от Москвы на пятнадцать вёрст с воинством своим, установил шатры на месте, поросшем густыми травами, для отдыха. И явился ему на этом месте пречудный образ Николая Чудотворца, красками разукрашенный, звёздами светло окружённый и ярким светом осиянный, стоящий сам по себе в воздухе над древом, называемым сосною, здесь растущим, никем не поддерживаемый. Молящемуся ему великому князю Дмитрию Ивановичу сошла сама с высоты эта святая икона и далась в честные руки его...»

В Коломну прибыли русские войска со всех сторон. 25 августа сводная рать вышла к Лопасне, где соединилась с войсками, собранными князем Владимиром Андреевичем. Несмотря на то, что Литва была (или хотела показать себя) на стороне Мамаю, не подвели Дмитрия Ивановича и новые союзники, литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. Вскоре русские полки переправились через Оку и через несколько дней подошли к месту слияния Дона и Непрядвы. Решено было переправляться 7 сентября, накануне праздника Рождества Богородицы. За рекой воинство вышло на огромное Куликовское поле. Подход Мамаевой рати ожидался на следующий день. Русские сторожевые полки немало сделали для того, чтобы встреча произошла именно здесь. В походных церквях отслужили вечерню. Тысячи голосов подхватывали праздничное песнопение: «Рождество Твоё, Богородице Дево, радость возвести всей вселенной...»

*Явление образа Святителя Николая Чудотворца
Дмитрию Донскому на Угреше. Стенопись. Спасо-Преображенский
собор Николо-Угрешского монастыря. 2009 г.*

Утро 8 сентября выдалось туманное. Дмитрий Иванович об­скакал все полки, отдавая последние распоряжения и обращаясь к ратникам перед сражением: «Должно нам, братия, сложить го­ловы свои за правую веру христианскую, да не будут захвачены города наши погаными и не запустеют святые Божьи церкви, и не будем рассеяны мы по всей земле, да не будут уведены в полон жёны и дети наши, да не будем притесняемы погаными во все времена, если за нас умолит Сына Своего и Бога нашего Пречис­тая Богородица». Сам Дмитрий Иванович хотел биться на пере­довой линии, личным примером увлекая воинов, а не стоять по­зади войска, как полагалось полководцам. Вернувшись в средин­ный полк, Дмитрий Иванович переоделся в доспехи простого во­ина, а своё облачение передал боярину Михаилу Бренку и велел стоять ему непоколебимо под великокняжеским стягом. В этот момент московские гонцы передали великому князю последнее благословение от Сергия Радонежского и просфору, которой Дмитрий Иванович поделился с ближними.

Битва началась в полдень поединком Александра Пересвета с Челубеем. Когда богатыри пали, пронзив друг друга копьями, мно­готысячные войска сошлись. Сражение длилось до вечера. Настал звёздный час князя Дмитрия Ивановича. Его замечали то там, то здесь в самой гуще битвы. Видели, как он менял коня, как отбивал­ся сразу от четырёх ордынцев. Русские витязи сражались отваж­но, многие тысячи сложили

*Поединок схимонаха Александра Пересвета с богатырём-печенегом
Миниатюра из Лицевого
Летописного свода. XVI в.*

свои головы, но около трёх ча­сов дня превосходящие силы врага, казалось, стали уже одолевать наших, глубоко вклинившись в срединный полк. Михаил Бренок был убит, княжеский стяг подруб­лен. Мамай уже ликовал, видя это со своего холма. Но рано он радовался. В этот самый момент вступил в сражение резервный полк Дмитрия Ольгердовича, а затем и скры­вавшаяся в лесу конная рать под командованием князя Владимира Андреевича и ис­кусного воеводы Дмитрия Бо­брока. Лучшая кавалерия Ма­

мая была смята, и ободрённые русичи стали быстро наступать. Мамай едва успел собрать шатёр и унести ноги. Русская конница во главе с Владимиром Андреевичем, прозванным Храбрым за воинскую доблесть, преследовала Мамайа около 40 км до реки Мечи, но темнику удалось ускользнуть, часто меняя лошадей.

К сумеркам Владимир Андреевич вернулся на поле Куликово. Страшная картина побоища предстала перед ним. Казалось, вся земля, усталая горами трупов, была пропитана кровью и стонала. Никто не знал, где же великий князь Дмитрий Иванович, жив ли он. После настойчивых поисков двое простых ратников нашли на опушке леса израненного князя, укрытого кем-то подрубленной берёзкой. Воины сообщили радостную весть Владимиру Андреевичу, который тут же поспешил к брату. К счастью, раны Дмитрия Ивановича оказались неопасными, вскоре он пришёл в себя и даже попросил подать ему коня.

Победа на поле Куликовом была «радостью со слезами на глазах». Предположительно, погибла половина русской рати. В следующие дни копали братские могилы, хоронили погибших. Повсюду служились заупокойные молебны. Только тела знатных полководцев и героев битвы были привезены домой в деревянных колодах. Существует легенда, что тело Михаила Бренка было захоронено на Угреше, в часовне на месте чудесного явления иконы святителя Николая князю Дмитрию Ивановичу. Предание

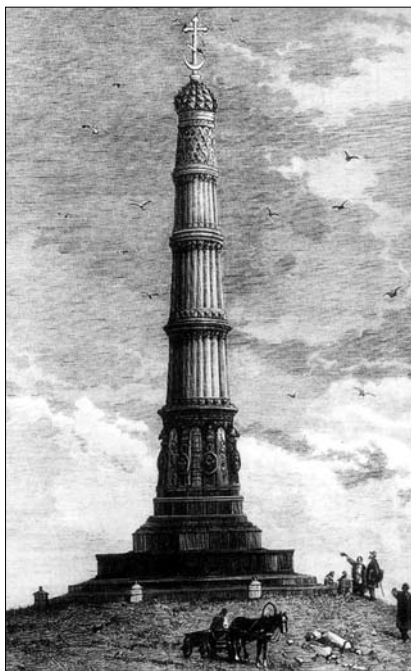

Кипренский О.А. Дмитрий Донской на Куликовом поле

гласит о том, что на обратном пути великий князь вновь остановился на Угреше: «...По возвращении же благоверного князя с битвы с преславною победою он достиг снова того места, где образ чудесно в честные руки к нему снизошёл, и о дарованной ему победе, благодарив Бога и Угодника Божия Николая, совершил молебен со своим воинством. И в то время сам благоверный великий князь Дмитрий Иванович с благоверными князьями и боярами нарёк это место именем Угреша, которым оно зовётся до сего дня, и повелел на этом месте соорудить храм во имя и в честь святителя угодника Христова Николая Чудотворца и воздвиг тут обитель славную и удовольствовал её щедро всем необходимым к пропитанию». Вскоре здесь возвели каменную Никольскую церковь, до наших дней не сохранившуюся.

Ежегодно русская православная церковь поминает погибших в Дмитриевскую родительскую субботу. Победа была достигнута очень дорогой ценой. Огромное напряжение битвы подорвало казавшееся богатырским здоровье Дмитрия Ивановича. Он был, по словам летописца, «вельми утомлён». На обратном пути великий князь четыре дня прохворал в Коломне, потом в Москве «почивал от многих трудов и болезней великих». Тяжким грузом легли на сердце благоверного князя горестные впечатления о страшном побоище. Он приказал выдать из великокняжеской казны щедрую милостыню вдовам и сиротам, раненым и калекам.

Поверженный Мамай бежал назад в Орду. Ягайло Литовский оказался ему ненадёжным союзником и не успел, а, может быть, и не очень спешил к главному сражению. Не дойдя 30–40 вёрст до Куликовского поля, он узнал о победе русских и повернул от Оки со своим войском назад. На обратном пути он не стал грабить оставшиеся

*Обелиск Дмитрию Донскому
на Куликовом поле*

почти без защиты русские земли. На этом некоторые историки строят предположение, что Ягайло вёл двойную игру и больше хотел уберечь своё княжество от разорения, чем помочь Мамаю покорить русские земли.

Мамай надеялся собрать войско для нового нашествия, но был наголову разбит ханом Тохтамышем, воцарившимся в Сарае–Берке. Хитрый Мамай ускользнул и от Тохтамыша со своей казной. Он попросил убежища в генуэзском городе Кафа (ныне Феодосия). Коварные генуэзцы приняли его, но потом убили, завладев несметными сокровищами. Так бесславно кончил свой жизненный путь гордый властолюбивый темник.

Десятилетие после Куликовской битвы выдалось нелёгким для русского народа. В 1382 году хан Тохтамыш с большим войском двинулся на Москву. О его походе узнали слишком поздно. Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич кинулись собирать русские дружины, но не преуспели в этом деле, потому что среди удельных князей уже не было такого единодушия, как в 1380 году. Олег Рязанский встретил Тохтамыша подобострастно и даже указал лучшие броды на Оке. Нижегородский князь Дмитрий Константинович послал с дарами к хану своих сыновей Василия и Семёна. Дмитрий Донской надеялся, что Москва, готовая к долгой осаде, не подведёт, что будет время собрать полки и разбить Тохтамыша возле неприступных стен города. Но он жестоко про-

Васнецов А.М. Оборона Москвы от хана Тохтамыша

считался. Коварный хан обманул москвичей, несколько дней успешно отбивавших атаки ордынцев под руководством посланного Дмитрием Ивановичем князя Остея, внука Ольгерда. Тохтамыш прикинулся, что не хочет кровопролития, не тронет город, если его примут с честью. За эти слова поручились князья Василий и Семён. Это подействовало безотказно. Москвичи ворота города открыли и во главе с князем Остеем и духовенством вышли встречать хана подарками. Сначала Тохтамыш приказал убить Остея, затем ордынские войска ворвались в город, жестоко расправились с жителями, ограбили великокняжескую казну и сожгли Москву. Дмитрий Иванович вернулся домой к пепелищу. По его приказу из казны были выданы деньги на захоронение 24000 человек. Таким страшным был урок русским князьям за доверчивость и разобщённость. Конечно, поход Тохтамыша не сравним с нашествием Батые или Мамае, однако его тьмы разграбили Коломну, Переславль, Юрьев, Владимир, Звенигород, и только под Волоколамском ополчение во главе с Владимиром Андреевичем Храбрым отбило вражескую рать.

Много унижений пришлось вытерпеть русским князьям. Снова надо было платить большую дань Орде. Да и внутренние дела оставляли желать лучшего. Опять поднял голову неугомонный Михаил Тверской: отправился с сыном Александром в Сарай просить ярлыка на владимирское княжение. Но он не получил его от Тохтамыша, как ни старался очернить Дмитрия Ивановича. По правилам того времени московскому князю пришлось отправить с дарами в Сарай одиннадцатилетнего сына Василия. А тут ещё снова дал о себе знать Олег Рязанский: в 1383 году совершил бандитский набег на Коломну и нанёс большой урон рати Владимира Андреевича. Увещевать строптивого рязанца отправился сам преподобный Сергей Радонежский. Не желая бессмыслен-

*Святой благоверный князь
Димитрий Донской. Стенопись. XIV в.*

*Памятник Дмитрию Донскому в г. Дзержинском
Московской обл. Скульптор В.М. Клыков. 2010 г.*

ного кровопролития, Дмитрий Иванович обратился именно к нему. Сергей Радонежский преуспел в своей миротворческой миссии. Между Олегом Рязанским и Дмитрием Донским был заключён «вечный мир и любовь в род и род», по словам летописца. Осенью 1386 года княжна Софья, старшая дочь Дмитрия Ивановича, была выдана замуж за Фёдора, сына Олега Рязанского. Вскоре произошло и другое радостное событие: 19 января 1387 года вернулся домой отважно сбежавший из орды наследник — юный князь Василий Дмитриевич, которого удерживали в Сарае–Берке целых три года. Спустя несколько месяцев пришлось опять собирать большую рать для умирения Новгорода Великого: отряды новгородцев бессовестно грабили другие княжества. На этот раз обошлось без кровопролития: испуганные новгородцы согласились выплатить огромную контрибуцию в 8000 рублей⁵.

В конце 1388 года здоровье Дмитрия Ивановича сильно пошатнулось. Не способствовала его улучшению и неожиданная ссора с двоюродным братом Владимиром Андреевичем, по-видимому, из-за порядка наследования московского престола. К счастью, этот конфликт был недолгим. Владимир Андреевич признал полное право юного князя Василия Дмитриевича на престол и в дальнейшем служил ему верой и правдой. Так утвердился новый порядок передачи власти — от отца к старшему сыну.

Весной 1379 года Дмитрий Донской смертельно захворал. В присутствии преподобного Сергия Радонежского и бояр княжеского совета составил он своё завещание. 16 мая великая княгиня Евдокия родила сына, наречённого Константином, а 19 мая великий князь Дмитрий Иванович скончался, не дожив до 39 лет. Перед смертью обратился он к ближним своим, завещая жене быть детям за отца и мать, укрепляя дух их и наставляя всё делать по заповедям Христовым. Детям своим завещал он почитать мать и хранить мир и любовь между собой, а также любить бояр своих и воздавать им честь по достоинству и по службе. Боярам же он сказал: «...Послужите княгине моей и детям моим от всего сердца своего, в часы радости повеселитесь с ними, а в горе не оставьте их. Пусть сменится скорбь ваша радостью. Да будет мир меж вами».

Похоронили Дмитрия Ивановича Донского в великокняжеской усыпальнице под сводами Архангельского собора. Вся Москва от мала до велика пришла проститься со своим любимым князем. Общее рыдание было таким громким, что временами заглушало голоса певчих. Неописуемо было народное горе. Спустя несколько лет было написано «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича», предположительно, Епифанием Премудрым, авто-

Церковь Димитрия Донского. 2008 г.

ром жития преподобного Сергия Радонежского. Дмитрия Донского стали почитать как местночтимого московского святого и изображать на иконах, древнейшая из которых написана знаменитым Дионисием в XV веке. В 1988 году, в дни празднования тысячелетия крещения Руси, состоялся акт общецерковной канонизации святого благоверного князя Дмитрия Донского и был установлен день его памяти — 19 мая / 1 июня.

Дмитрий Иванович Донской, заложивший на Угреше монастырь в честь явления образа святителя Николая и победы в Куликовской битве, тем самым, является основателем нашего города. 21 сентября 1997 года в г. Дзержинском был торжественно открыт памятник святому благоверному князю (скульптор В.М. Клыкков), а площадь названа его именем. В 2005–2006 годах на этой площади возведён храм в честь Димитрия Донского. Малое освящение храма 3 декабря 2006 года совершил наместник Николо-Угрешского монастыря владыка Вениамин (Зарицкий), епископ Люберецкий.

Связь времён восстановлена.

Ссылки и комментарии

¹ Здесь и далее даты до 1918 года приводятся по старому стилю.

² Сарай-Берке, столица Золотой Орды, находившаяся в низовьях Волги, в современной Волгоградской обл.

³ Темник, военачальник, командовавший туменом — войском численностью около 10000 человек.

⁴ Любутск, древний город на восточной границе Литовского государства. Ныне Любутское городище является памятником археологии федерального значения, находится на территории Ферзиковского района Калужской обл. на правом берегу р. Оки при впадении в неё реки Любутки.

⁵ Например, на 1 рубль можно было похоронить 80 простолудинов.

Библиография

1. Карамзин Н.М. История Государства Российского: XII томов. В 4-х кн. — М.: Рипол-Классик, 1998. Кн. 2. Т. IV–V.
2. Лошиц Ю.М. Дмитрий Донской. — М.: Новатор, 1996.
3. Морозова З. Прорись иконы «Явление Николы на древе князю Дмитрию Ивановичу перед Куликовской битвой» // Куликовская битва в истории и культуре. — М.: МГУ, 1983. С. 209–215.
4. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. Т. 3.
5. Храбрые русичи. — М.: Московский рабочий, 1986.

История Никольского собора Николо-Угрешского монастыря в свете новейших исследований

Главной святыней, историческим и композиционным центром Николо-Угрешского монастыря с древних времён был Никольский собор. Для всех исследователей, когда-либо касавшихся темы Угрешских святынь, этот древнейший храм представлял собой первостепенный интерес. Вот почему разрушение собора в 1930-е годы¹ нанесло обители непоправимый ущерб. Однако, несмотря на гибель памятника, его изучение продолжалось и во многом способствовало воплощению в жизнь идеи воссоздания Никольского собора в наши дни.

*Никольский собор на прориси
конца XVII в.*

Источниками исследования архитектуры храма являются его древнейшие изображения, сохранившийся проект реконструкции собора 1840 года, фотографии конца XIX и первой трети XX века, краткие архитектурные исследования и описания начала XX века. Наиболее важные сведения для изучения памятника получены при проведении летом 2004 года охранных археологических исследований в зоне воссоздания собора. Именно теперь результаты работы археологов позволяют обоснованно судить об истории создания важнейшей святыни Угрешы.

На момент выхода в свет первых публикаций о Николо-Угрешском монастыре во второй половине XIX века точного представления о времени строительства Никольского собора не было. Хотя А. Ратшин в своём известном историческом описании монастырей утверждает, что постройка каменного храма в обители произошла в XV веке², в самом монастыре в 1914 году отмечалось 300-летие храма. К празднованию этой даты был приуро-

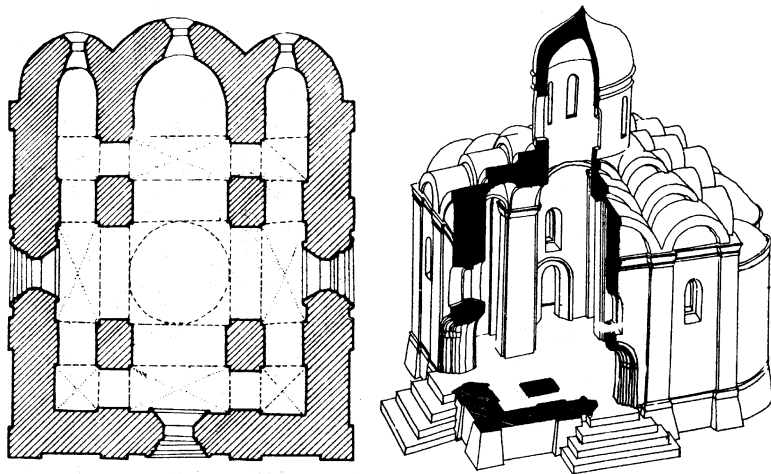

*Никольский собор на лубке
первой трети XVIII в.
«Кремль и монастыри Москвы»*

чен выпуск небольшой брошюры «В память 300-летия Николаевского собора в Николо-Угрешском монастыре». Таким образом, несмотря на ясные свидетельства древнерусских летописей о существовании каменного храма на территории монастыря в XVI веке³, в понимании насельников монастыря XIX — начала XX века создание собора было связано с фактом его освящения в 1614 году. О причине этого историчес-

кого несоответствия будет сказано ниже.

В 1932 году, незадолго до разрушения собора, архитектором А.Н. Некрасовым была предпринята попытка исследования архитектуры храма. Сделанная им реконструкция собора сохранилась в архиве П.Д. Барановского, хранящемся в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В. Щусева⁴. Она выполнена в виде двух эскизных чертежей: плана

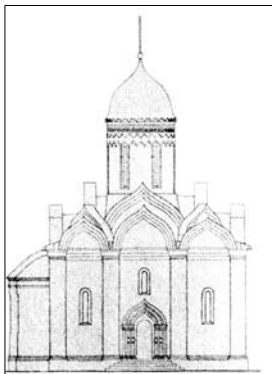

*Некрасов А.Н. План и реконструкция фасада
Никольского собора. 1932 г.*

и аксонометрии с частичными обмерами — и не может претендовать на безупречность. В частности, верхняя часть собора, реконструированная исследователем, домыслена в довольно свободной манере. Однако работа А.Н. Некрасова, несмотря на некоторые несовершенства, отмечаемые современными специалистами-историками древнерусской архитектуры, по праву может быть названа первым опытом археологического исследования памятника.

С сожалением высказывался о его утрате выдающийся исследователь древнерусского зодчества П.Д. Барановский, проявлявший большой интерес к историческим памятникам монастыря и, помимо документов Некрасова, сохранивший в своём архиве несколько последних фотографий Никольского собора. Сам Пётр Дмитриевич имел возможность лишь кратко визуальное обследовать памятник. В одной из своих записей он сообщает: «Собор Николо-Угрешского монастыря древний XV–XVI в. не существует свед. Инспект. Охр. Памятн. Моск. Области Тыдмана, который был на месте в июне 1954 г. К северу от Нового собора Каменского чистое место. Говорят, что он сломан ~ 1930 г. Получил сведения от Тыдмана. 20/1/1955 г.»⁵

Первая публикация по истории Никольского собора в наше время появилась в год 600-летия обители в альманахе «Памятники отечества». В своей статье «Первый храм-памятник» исследовательница Л.Г. Тудоси на основе изучения обмерных чертежей XIX века, находящихся в фондах Государственного исторического музея, предлагала датировать строительство собора концом

Тудоси Л.Г.
Реконструкция фасада
Никольского собора
1980 г.

XIV века⁶. Она также сообщает, что в конце 1970-х годов «...удалось разведочно расчистить небольшой участок остатков Никольского собора. Разведка показала, что храм был белокаменный, очень архаичной кладки, что укрепило предположение о возможности датировать его постройку 1380–1381 г.»⁷

Следующая по времени издания работа была опубликована известным исследователем памятников древнерусской архитектуры В.В. Седовым в журнале «Архив архитектуры». Материалом для изучения послужила упомянутая реконструкция А.Н. Некрасова, обнаруженная автором в архиве П.Д. Барановского. На

основании рассмотрения реконструкции автор приходит к выводу: «Наиболее близкими к собору Николо–Угрешского монастыря по стилю и композиции оказываются храмы 20–30-х гг. XVI в.»⁸ Однако при всех достоинствах статьи известного специалиста в области изучения памятников древнерусской архитектуры, каковым является В.В. Седов, некоторые положения в его работе неоспоримы.

Слабым местом двух упомянутых статей является недостаточная степень знакомства с объектом исследования. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ведь сам памятник на момент их написания уже давно не существовал.

В апреле 2000 года при проведении работ по благоустройству территории к северу от Преображенского собора на прежнем месте Никольского собора были обнаружены его фундаменты. Эта находка, позволившая с полной точностью определить место расположения древнего собора, побудила насельников монастыря и его Попечительский совет обратиться к идее воссоздания храма. И хотя раскопанные фундаменты были до времени скрыты под слоем песка, 22 августа 2000 года, в день празднования Явления образа Святителя и Чудотворца Николая святому благоверному князю Димитрию Донскому, здесь был установлен символический камень с надписью «На этом месте будет восстановлен Никольский собор».

Закладной камень Никольского собора. 2010 г.

Подле камня установили большой плакат с фотографией Никольского собора XIX века и справочной информацией о нем. Это радостное событие ознаменовало собой начало восстановления главной Угрешской святыни. На память о том дне закладной камень и поныне остаётся подле северного фасада воссозданного храма.

Работы по восстановлению Никольского собора начались в 2004 году. В июне–августе по настоянию Института археологии Российской академии наук (ИА РАН) на месте древнего собо-

Раскоп фундамента Никольского собора. 2004 г.

ра проводила работу Московская областная средневековая археологическая экспедиция. К исследовательской деятельности были привлечены ведущие специалисты: археологи, историки архитектуры и антропологи. Полевые работы продолжались с 16 июля по 1 августа

2004 года. Архитектурно-археологический надзор за ведением строительных работ вёлся до середины августа. Общее руководство осуществлялось С.З. Черновым, начальником Московской областной средневековой археологической экспедиции и региональным археологом Министерства культуры Московской области. Полевыми исследованиями руководил генеральный директор ООО «Кром» археолог М.В. Фролов.

В проведении архитектурно-археологических исследований помощь оказали заведующий сектором археологии Москвы ИА РАН, доктор исторических наук Л.А. Беляев; главный архитектор Московского Кремля А.Л. Баталов; старший научный сотрудник государственного музея-заповедника Московский Кремль, хранитель фонда архитектурного декора Московского Кремля А.В. Геращенко. Фиксацию белого камня и кладки проводили доцент Московского архитектурного института (МАРХИ) архитектор Л.А. Шитова; научный сотрудник Централных научно-реставрационных проектных мастерских (ЦНРПМ), аспирант МАРХИ архитектор Г.С. Евдокимов и другие.

Итог работы представлен в сборнике документов под названием «Охранные археологические исследования в зоне воссоздания Никольского собора

Белокаменные блоки портала в виде снопов Музей-ризница Николо-Угрешского монастыря

Николо-Угрешского монастыря в 2004 году» (далее Сборник). Именно эти материалы, находящиеся в ограниченном доступе в архиве ИА РАН, содержат важнейшие сведения по древнейшей истории Николо-Угрешского монастыря и его главной святыни — Никольского собора. Особую значимость Сборнику придаёт тот факт, что за всё время восстановления Николо-Угрешского монастыря упомянутая экспедиция была едва ли не единственным опытом археологического исследования подобного рода.

Сборник издан в двух томах. Наиболее важные результаты представлены в первом томе, содержащем отчёт об архитектурно-археологических исследованиях. Кроме текста отчёта в Сборник включены ведомости учёта каменных блоков, найденных при раскопках, экспертное заключение, иллюстрации, а также разнообразные документы, выпущенные в процессе работы экспедиции.

Белокаменные блоки вторичного использования. Музей-ризница Николо-Угрешского монастыря

Икона св. Иоанна Предтечи из Николо-Угрешского монастыря XVI в. Музей-заповедник «Коломенское» (ис 37)

Задача авторов исследования сводилась к следующему: «во-первых, детально зафиксировать остатки каменной кладки и выяснить её стратиграфию, во-вторых, извлечь максимальную научную информацию из профилей котлована»⁹.

Первым этапом работы археологов было выяснение размеров храма. В отчёте сообщается: «В результате работ установлено, что раскрытые кладки принадлежат белокаменному подклету церкви (14,2–19,8 м с апсидами; ширина стен от 2,4 до 3,6 м; внутреннее пространство в

ширину 9,2 м, в длину 13,3 м по оси центральной апсиды) <...> Храм крестово-купольный. Апсиды чётко выражены в уровне подклета (их ширина изнутри: 1,5; 2,2; 1,6 м) так же, как 4 квадратных подкупольных столба (2,4х2,4 м по булыжному основанию; 1,9х1,9 м — по белокаменной кладке). Ширина северного и южного нефов 1,5–1,6 м, центрального — 2,3 м, западного — 2,5 м¹⁰. Важной находкой археологов были две сохранившиеся дубовые сваи диаметром от 15 до 25 см и длиной до 1,5 м, служившие основанием стен храма. Все особенности расчищенного фундамента убедительно свидетельствовали о его принадлежности XVI веку.

Заслуживают внимания результаты работ по исследованию территории и захоронений около фундаментов собора. Как известно, древнейший некрополь монастыря располагался вблизи храма. Археологами было установлено, что «могилы кладбища пробили культурный слой поселения домонастырского времени. В профилях сохранились участки непотревоженного слоя и подстилающих его почвенных горизонтов. В слое встречена круговая древнерусская (курганная), а также серая керамика XII — первой половины XIII века. Некоторые фрагменты серых сосудов украшены «косой волной», это позволяет предполагать, что поселение продолжало существовать во второй половине XIII века. Найден фрагмент слабопрофилированного лепного горшка с вертикально стоящим срезанным венчиком роменского облика, позволяющий датировать возникновение поселения XI столетием. Культурный слой залегает на юрских глинах. Древнее поселение располагалось на краю первой террасы Москвы-реки при впадении в неё ручья. Можно предположить, что к этому поселению относилось вятичское погребение XII–XIII вв., обнаруженное на территории Николо-Угрешского монастыря в 1973 году (Музей истории Москвы. ОФ. 24654)»¹¹.

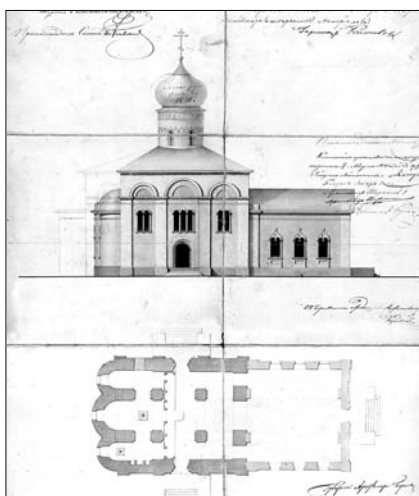
При раскрытии фундамента и подклетной части Никольского собора оказалось, что вся его конструкция в процессе многочисленных перестроек со временем превратилась как бы в монолитную плиту. Уже к XVIII веку весь подклет собора был плотно забутован. Эта особенность объясняется неустойчивостью болотистого грунта на месте строительства. По-видимому, с данным обстоятельством связаны и все значительные перестройки собора, которые многократно предпринимались с целью укрепления его конструкций. Забутовка подклета привлекла особый интерес исследователей. В ней в изобилии были обнаружены белокаменные детали вторичного использования, принадлежавшие одно-

му или даже нескольким храмам более ранней постройки. Подобные детали были также найдены и в кладке фундамента XVI века. В отчёте сообщается, что многие из них «...несут следы выветривания, патину, следы покраски, а также сильного пожара. Кроме камней встречаются редкие фрагменты кирпича (в том числе плинфообразного) и куски старого раствора, а в растворе, на котором велась кладка подклета, содержится огромное количество фрагментов фресок, возможно попавших в смесь не случайно, а как отошающая добавка–наполнитель»¹².

По мнению археологов, следы пожара на белокаменных блоках — это наглядное подтверждение летописного свидетельства о разрушении каменного храма Николо–Угрешского монастыря татарами Магмет–Гирея в 1521 году: «...а царь ходил повоевал до Угреши монастыря святого Николы, монастырь жжог, и у церкви у каменной верх завалися...»¹³. Этот храм, в отчёте именуемый храмом–предшественником, находился не на месте нынешнего, поскольку никаких следов основания постройки ранее XVI века на исследованной территории найдено не было. Среди обнаруженных в забутовке деталей вторичного использования есть несколько блоков портала, высеченных в виде снопов. Такие декоративные элементы встречаются в оформлении некоторых храмов конца XV века, в частности церкви Ризоположения Московского Кремля и Воскресенского собора г. Волоколамска. Таким

образом, храм–предшественник Никольского собора, сгоревший в 1521 году, мог быть построен в XV веке или даже на рубеже XIV–XV веков.

При возведении исследуемого Никольского собора, для которого было выбрано новое место, частично использован резной белый камень, обломки кирпича, фрагменты фресок, сохранившие следы пожара и остатки первоначального известкового раствора. Обнаружение археологами указанных предметов в ходе раскопок имеет исключительную важность. Тем са-

Борисов Д. Ф.
Обмерный чертёж и северный фасад
Никольского собора. 1838 г. ГИМ

мым, историчность предания об основании Николо-Угreshского монастыря святым благоверным князем Димитрием Донским приобретает дополнительное подтверждение.

Возведение каменного собора во имя небесного покровителя монастыря во второй четверти XVI века также имело особенное значение. Оно свидетельствовало о возрастании значения обители, которой в эпоху первого Московского государя Иоанна Васильевича IV суждено было стать «государевым богомолем». Известно, что Иоанн Грозный неоднократно бывал в обители. По его указу во второй половине XVI века в дворцовом селе

Борисов Д. Ф. Проект реконструкции Никольского собора. Северный фасад 1838-1841 гг. ГИМ

Никольский собор после реставрации 1840-1843 гг. Рисунок XIX в.

Остров была построена каменная шатровая церковь Преображения Господня. В собрании музея-заповедника «Коломенское» имеются иконы из Никольского собора, непосредственно связанные с личностью известного правителя Руси. Это образ «Спас на убрусе и «Не рыдай Мене, Мати» из иконостаса собора, который считается вкладом Грозного в память воинов, погибших в Казанском походе, а также патрональная икона госуда-

*Обезглавленный Никольский собор
Начало 1930-х гг.*

ря — образ святого Иоанна Предтечи¹⁴.

Исследователи отметили следы многочисленных ремонтов собора, самые ранние из которых — закладки в подклете алтаря — по-видимому, относятся к началу XVII века. В отчёте сообщается: «В ходе исследований был полностью очищен от забутовок южный неф. В прослойке между известью была

найдена монета Михаила Фёдоровича. Это подтверждает датировку ранних перестроек подклета в XVII столетии»¹⁵.

Можно предположить, что первые повреждения Никольский собор получил в начале XVII века, в так называемое Смутное время. Тогда, как известно, обитель оказалась в самой гуще политических событий. Побывал здесь и Лжедмитрий II в окружении поляков. Вероятно, освящение храма в 1614 году в присутствии государя Михаила Фёдоровича было «чином обновления», совершённым после ремонта, следы которого обнаружены в ходе раскопок. По всей видимости, тогда же к храму с трёх сторон были пристроены обходные галереи-гульбища.

Вид собора, который он приобрёл в ходе перестроек XVIII века, и одновременно самое древнее его изображение, если не считать условных изображений XVII и XVIII веков, — это его подробный чертёж, сделанный уездным архитектором Д.Ф. Борисовым в 1838 году как часть проекта реконструкции, которая была осуществлена в 1840–1843 годах. На чертеже видно, что к указан-

*Воссозданный Никольский собор
2008 г.*

Интерьер Никольского собора. 2008 г.

фасаде ещё сохранялись некоторые окна изначальной узкой формы, не были разобраны гульбища, шея главы сохраняла городчатый фриз и поребрик.

В ходе крупной перестройки 1840 года значительно переделано завершение и в очередной раз глава храма, некоторые своды перебраны, разобраны гульбища, изменены фасады собора. Наличники окон оформлены в стиле эклектики, характерной для XIX века. С западной стороны к храму пристроен неказистый притвор. В таком виде собор и просуществовал до своего разрушения в 30-е годы XX века.

Проект восстановления собора, выполненный в 2004 году архитектором А.С. Шапиным и доработанный в процессе строительства насельником монастыря иеромонахом Арсением (Усачёвым), был составлен в соответствии с результатами исследования археологов. По благословению Святейшего Патриарха Московского и

ному времени собор приобрёл главу сложной барочной формы и четырёхскатную кровлю. Окна фасада были растёсаны. Однако, несмотря на указанные перестройки, храм в целом сохранял черты своей изначальной архитектуры: под кровлей над закомарами угадывается ряд кокошников, на

Святейший Патриарх Кирилл совершает великое освящение Никольского собора 22 мая 2010 г.

всё Руси Алексея II возрождаемому храму приданы черты, характерные для московской архитектуры XIV — XV века, дабы подчеркнуть его историческое значение как памятника победы в Куликовской битве.

Таким образом, воссозданный в год 625-летия Куликовской битвы и Николо-Угрешского монастыря Никольский собор представляет собой реконструкцию первоначального каменного собора, элементы которого были найдены при раскопках фундамента более позднего храма XVI века. В то же время его размеры и местоположение соответствуют храму эпохи Ивана Грозного, когда обитель впервые возвеличилась как «государево богомолье».

Ссылки и комментарии

¹ Точная дата разрушения Никольского собора за неимением документально подтверждённых сведений на данный момент не может быть установлена. Старожилы хорошо помнят собор, по крайней мере, до 1933 года. По воспоминаниям А.Н. Головкиной (род. 1922), собор был разобран на кирпичи в 1933–1934 годах. П.М. Шелков (род. 1924) неуверенно относит это событие к 1934 году.

² Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях в России. — М.: Университетская типография, 1852. С. 234–235.

³ Владимирский летописец // Полное собрание русских летописей. — М.: Языки русской культуры, 2009. Т. 30. С. 145.

⁴ ГНИМА им. А.В. Щусева. Архив. № 231–232.

⁵ ГНИМА им. А.В. Щусева. Архив П.Д. Барановского. В этой записи упомянут известный историк искусства и реставратор Леонард Владиславович Тьдман.

⁶ Тудоси Л. Г. Первый храм-памятник // Памятники Отечества, 1980. № 1. С. 95.

⁷ Там же.

⁸ Седов В.В. О дате собора Николо-Угрешского монастыря // Архив архитектуры, 1992. № 1. С. 39.

⁹ Охранные археологические исследования в зоне воссоздания Никольского собора Николо-Угрешского монастыря в 2004 году. — М.: ИА РАН, 2005. Т. 1. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 3–4.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Владимирский летописец. С. 145.

¹⁴ При воссоздании иконостаса и храмовых икон Никольского собора в 2004–2005 годах выпускниками иконописной школы при Московской Духовной академии были выполнены копии указанных икон XVI века, которые заняли места в храме в соответствии с описями XVIII и XIX века.

¹⁵ Охранные археологические исследования в зоне воссоздания Никольского собора... С. 9.

Елена Егорова

Преподобный Пимен Угрешский и его последователи

*«Люди, подобные отцу Пимену,
великая редкость: это самородки золота».*
Архиепископ Ярославский
Леонид (Краснопевков)

Середину и вторую половину XIX века в истории Николо-Угрешского монастыря называют «серебряным веком». Своим возрождением и духовным расцветом обитель обязана плодотворной деятельности её архимандрита — преподобного Пимена Угрешского, 200-летие со дня рождения которого празднуется в 2010 году.

*Преподобный Пимен Угрешский
Икона. 2000 г.*

«Для людей даровитых, исполненных силы воли, ограничений нет — они сами устанавливают границы своей деятельности и по мере надобности расширяют их, отодвигают и, где бы ни были, действуют свободно и устраняют препятствия, могущие казаться людям обыкновенным неодолимыми», — писал в книге «Архимандрит Пимен», вышедшей в Москве в 1883 году, духовный сын и послушник преподобного, писатель Дмитрий Дмитриевич Благово, впоследствии принявший постриг с именем Пимен.

1. Преподобный Пимен — архимандрит Николо-Угрешского монастыря

Преподобный Пимен Угрешский (Пётр Дмитриевич Мясников) родился 10 августа 1810 года в Вологде в купеческой семье. На решение юноши вступить на путь иночества большое влияние оказала его беседа с о. Игнатием Брянчаниновым, будущим прославленным святителем, состоявшаяся в 1830 году. В июне 1832

Николо-Угрешский монастырь в 1840 году. Гравюра. XIX в.

года 22-летний Пётр поступил в Новоезерский Кириллов монастырь послушником, в сентябре 1833 года уже в Оптиной пустыни он стал келейником о. Илария¹. 13 марта 1834 года Пётр прибыл в Николо-Угрешский монастырь, чтобы на следующий день встретить там своего наставника, назначенного настоятелем монастыря. В число братии Петра зачислили 9 апреля того же года. За недостатком насельников помимо келейного он исполнял ещё послушания трапезного, свечника и погребничего. Пострижен с именем Пимен он был 26 марта 1838 года, посвящён в иеродиакона 23 февраля 1839 года, в иеромонаха — 25 апреля 1840 года.

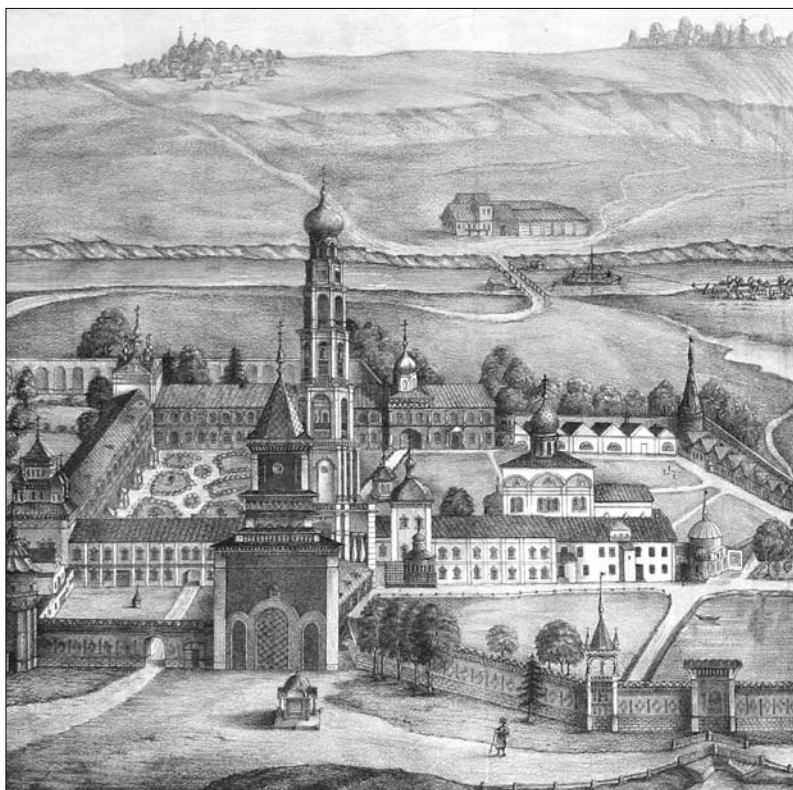
С марта 1839 года о. Пимен исполнял обязанности казначея, а утверждён в этой должности был 26 февраля 1844 года. Управляющим Николо-Угрешским монастырём он был назначен 17 ноября 1852 года, а 16 октября 1853 года, в день открытия в обители общежития, был посвящён в игумена. Сана архимандрита он удостоился 24 августа 1858 года². 18 июня 1869 года архимандрита Пимена назначили благочинным всех общежительных монастырей Московской епархии, что стало признанием его деятельности на ниве возрождения Угрешской обители и её процветания. Действительно, при архимандрите Пимене были построены или обновлены все монастырские здания и храмы, но самое главное — преобразилась духовная жизнь: обитель перешла на строгий общежительный устав, более соответствующий духу монашества, чем штатный.

Судьба и духовный опыт о. Пимена вдохновили писателя-теолога Д.Д. Благово, сочинившего в 1873 году автобиографическую поэму «Инок». Прототипом одного из главных героев, настоятеля монастыря, стал любимый наставник автора — архимандрит Пимен:

Безбрадым юношей в обитель
Он двадцати двух лет вступил,
И был он истины ревнитель,
Творцу и ближнему служил.
Он перешёл все послушанья,
Везде был дельный человек
И, чуждый зла любостяжанья,
Так прожил целый полувек.

<...>

Келейник прежнего игумна
(Когда он юношею был),
Он всё терпел благоразумно
И старца искренно любил.

*Вид Николю-Угрешского монастыря в 1873 году
Хромофотография. РГБ*

*Хоть тот и крут был в обхожденье
И часто бранивал его,
Он в полном жил повиновенье
И черпал мудрость у него.
Искусный, опытный в правленье
(Когда игуменом стал потом),
Он был хозяином во всём,
Но как монах в уединенье
Он помышлял не о земном³.*

Преподобный Пимен любил священнодействовать, чётко исполняя все каноны и требовал того же от других, со всей строгостью спрашивая за упущения. Его служба оказывала неизгладимое впечатление на паству:

*Игумен сам читал каноны
И по уставу положённый
Акафист Деве Пресвятой;
И старца голос так был внятн,
Так умирительно приятн;
С такою детской простотой
Читал игумен, что невольно
Тот голос в душу проникал,
Так сердцем всем овладевал,
Что вместе сладостно и больно,
Отрадн, грустно и легко
Душе и сердцу становилось,
И всё, что там на дне таилось
Неизъяснимо-глубоко,
При чтенье старца начинало
Из бездн как будто бы всплывать,
От тёплых слёз истаявать,
И грудь от гнёта облегло,
Давало ей простор дышать!⁴*

При архимандрите Пимене монастырь, достигший экономического процветания, славился широкой благотворительностью: содержал народное училище, больницу, странноприимный дом, две богадельни. Архимандрит Пимен имел несколько правительственных наград: орден св. Анны 2-й степени (20.04.1866), орден св. Владимира 4-й степени (20.12.1873), орден св. Владимира 3-й степени (6.05.1876), знак Красного Креста (31.12.1879) за попечение о раненых и больных воинах во время русско-турецкой войны, когда на Угреше была устроена для них лечебница.

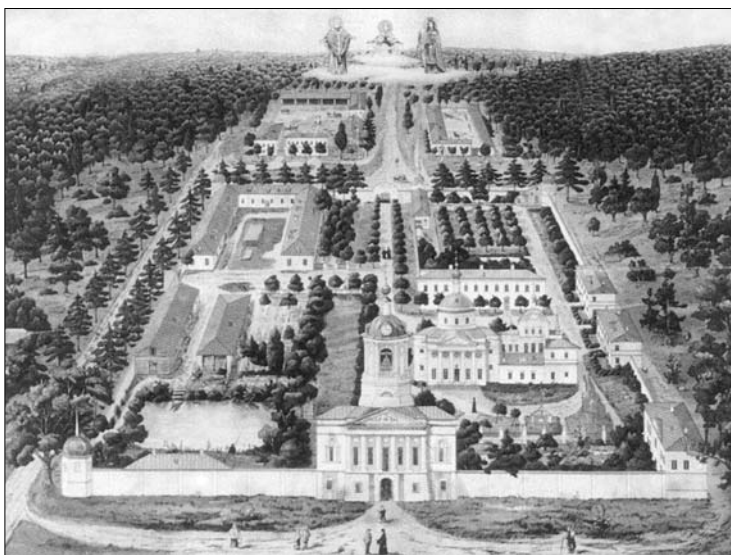
*Вид на святые ворота со стороны монастырского пруда
Рисунок неизв. художника. XIX в.*

Награды эти были весьма заслуженными, ведь только одна должность благочинного общежительных монастырей требовала много терпения, деликатности, твёрдости, внимания к людям. Благочинный отвечал и за строгое исполнение богослужебных канонов, и за духовную жизнь, и за состояние вверенных ему обителей, и отчасти за судьбы людей, там подвизавшихся. В компетенцию благочинного входило проведение собраний по выборам кандидатов на настоятельские должности, а если среди насельников оставшегося без игумена монастыря таковых не оказывалось, то подбор вёлся в других монастырях. Благочинному докладывали обо всех сколько-нибудь значительных происшествиях. Вот, например, какой случай пришлось ему разбирать в связи с трагедией в общежительной Екатерининской пустыни в 1870 году, которой тогда управлял строитель-иеромонах Варсонофий, ровесник преподобного Пимена. Судьба Варсонофия очень интересна и поучительна. Родился он в 1810 году в Калужской губернии в семье крепостных крестьян. Получив вольную, поступил в Московский Покровский монастырь 26 июля 1845 года, пострижен 27 февраля 1849 года, посвящён в иеродиакона 29 июля 1849 года, в иеромонаха — 9 августа 1852 года, переведён настоятелем в Екатерининскую пустынь 3 ноября 1865 года. В память Крымской войны 1853–1856 годов был награждён бронзовым крестом.

Иеромонах Варсонофий занимался благотворительной деятельностью для тюрьмы — Рогожского этапа, служил много лет в тюремной церкви, за что имел шесть благодарностей от митро-

полита Московского Филарета в 1855–1861 годах. Вскоре по вступлении в должность настоятеля Варсонофий обеспечил поступление в монастырскую казну дополнительных доходов в сумме 2603 рубля и покрыл долги монастыря, появившиеся при его предшественнике иеромонахе Ионе, за что 10 января 1866 года получил особое одобрение⁵ митрополита Филарета (Дроздова).

Настоятельством в Екатерининской пустыни он до лета 1870 года. Внешне дела при нём шли вполне благополучно: в документах отражены хозяйственные и строительные работы, в числе которых возведение келейного корпуса, текущие богослужения и молебны по особым случаям. Немалые хлопоты были связаны с оступившимися священнослужителями и мирянами, традиционно посылаемыми в пустынь на исправление. В 1870 году среди них был угрешский иеродиакон Ефрем⁶, отбывавший епитимью за нетрезвость с запрещением в служении на один месяц. 8–9 августа 1869 года Екатерининскую пустынь посетил святитель Иннокентий, митрополит Московский. Братия устроила ему торжественную встречу. Во время осмотра обители владыка сделал несколько замечаний по благоустройству, в частности, по застройке промежутка между двумя братскими корпусами. Строитель–иеромонах Варсонофий взялся за дело с присущей ему тщательностью и, кроме того, хотел открыть при монастыре училище для мальчиков...

Вид Екатерининской пустыни. Хромолитография. Конец XIX в.

Казалось, ничто не предвещало беды. Однако, будучи занят хозяйственно-административными делами, о. Варсонофий стал всё меньше внимания уделять вверенной ему пастве, очерствел душой. Его увольнение было связано с трагическим событием: 11 мая 1870 года пропал келейник настоятеля, 16-летний крестьянский юноша Григорий Иванов. О. Варсонофий проявил беспечность, никому не сообщив об этом. Спустя две недели, 25 мая, рясофорный монах Павлин и послушник Николай Ростовцев во время прогулки по берегу пруда увидели в воде утопленника, о чём тут же сообщили настоятелю. Однако о. Варсонофий торопился в Москву по делам и поручил дело казначею о. Арсению. Иеромонах Арсений немедленно сообщил о происшествии и об исчезновении юноши полиции и благочинному общежительных монастырей архимандриту Пимену. Оказалось, что пропавший келейник был убит и брошен в пруд неизвестными лицами. 27 мая судебный пристав прислал это сообщение на имя о. Арсения, поскольку строителя не было в обители несколько дней. Такое поведение настоятеля, противоречащее заповеди о любви к ближнему, возмутило архимандрита Пимена. При его участии 18 июля 1870 года было сделано соответствующее представление: митрополит Иннокентий распорядился об отстранении Варсонофия от должности строителя. Указом МДК от 15 сентября 1870 года он был уволен «ввиду полного равнодушия к печальному и возмутительному событию, произошедшему в пустыни». Указом митрополита от 29 сентября 1870 года о. Варсонофий переведён в Покровский монастырь на больничную вакансию при богадельне⁷. Это было очень мудрым решением дела, ведь служение больным и страждущим наверняка было душевспасительно для о. Варсонофия. На этой скромной должности он находился до своей кончины в 1874 году.

Совершенно иначе поступал его преемник — строитель-иеромонах, а позднее игумен Арсений⁸. Архимандрит Пимен любил вести с ним духовные беседы и очень тепло о нём отзывался. 26 ноября 1870 года в пустыни не ночевал пьянствующий иеродиакон Ефрем, присланный на исправление из Николо-Угрешского монастыря. О. Арсений на следующее утро послал работника Ивана Терентьева, который объехал на лошади окрестные сёла и нашёл беглеца. Однако Ефрем в пустынь возвращаться отказался, ещё два дня пьянствовал и пришёл к поздней литургии 29 ноября⁹. Об этом происшествии о. Арсений в тот же день сообщил архимандриту Пимену как благочинному общежительных монастырей. Это была не первая и не последняя отлучка пьяни-

*Деревянная часовня во имя
Знамения Креста на Небеси,
где был погребён прп. Пимен
1890-е гг.*

цы-иеродиакона из монастыря. В архивном деле имеется больше десятка докладных записок о нетрезвом поведении Ефрема¹⁰. Намучился с ним игумен Арсений, но всякий раз приказывал разыскивать «невозвращенца» по деревенским трактирам, чтобы не сгинул во грехе.

Особой заботой преподобного Пимена было духовное просвещение. Учреждение в 1866 году Николо-Уг-

решского народного училища привело к быстрому росту грамотности в окрестных сёлах. Например, в деревне Гремячево в 1869 году, по данным переписи населения¹¹, из 657 человек грамоте были обучены только 5,6% — 30 мужчин и 7 женщин, а в 1881 году из 642 человек грамотными были уже 19,6%: 102 мужчины и 24 женщины, а 13 мальчиков и одна девочка учились. Девочкам в округе было учиться тогда негде. Только в 1888 году открылось земское училище в Капотне, куда стали принимать и мальчиков, и девочек. В монастыре была также школа для послушников, в которой преподавал выпускник народного училища иеромонах Филофей¹², впоследствии архимандрит.

За годы правления преподобного Пимена Угreshа превратилась из духовно и материально оскудевшей полузабытой обители в процветающий монастырь, духов-

*Сень и рака со святыми мощами
прп. Пимена Угreshского
Спасо-Преображенский собор. 2008 г.*

ный и культурный центр не только Московской губернии, но и всей России.

Земной путь преподобного Пимена закончился 17 августа 1880 года, через 8 дней после празднования 500-летия обители и торжественной закладки Спасо-Преображенского собора, в которой он не мог уже принять участие по состоянию здоровья. Похоронили его на братском кладбище в деревянной часовне, построенной в 1868 году. Почитание его началось вскоре после смерти. На фотографии 1894 года запечатлелось необычное свечение от часовни с прахом преподобного.

*Храм во имя прп. Пимена Угрешского
2009 г.*

Причислен к лику святых Московской епархии архимандрит Пимен (Мясников) был 28 мая 2000 года, в день освящения возрождённого Спасо-Преображенского собора. 6 октября 2004 года установлено общецерковное почитание преподобного Пимена Угрешского.

10 августа 2002 года замироточила икона преподобного, на-

*Интерьер храма во имя прп. Пимена
Угрешского. 2008 г.*

ходящаяся в Спасо-Преображенском Соборе Николо-Угрешского монастыря. 22 сентября близ фундамента часовни, где был погребён преподобный Пимен, в его честь Святейший Патриарх Алексий II освятил храм, построенный в традициях древнерусского зодчества.

2. Записка преподобного Пимена

Уникальной архивной находкой последних лет стала сохранившаяся в РГАДА **рабочая записка**¹³ **преподобного Пимена** от 13 августа 1853 года. Обычно такого рода бумаги по окончании дел выбрасывали в корзину для мусора, но один листок размером 11х18 см случайно уцелел. Это тем более ценно, поскольку более значительные по объёму тексты, написанные рукой преподобного, пока неизвестны. Во множестве имеются краткие (1–2 слова) карандашные пометки о. Пимена на указах Московской духовной консистории (даты их получения), а также записи в черновиках ведомостей о монашествующих, касающиеся оценки поведения насельников, и подписи под официальными бумагами, составленными писарями: «Николаевского Угрешского монастыря архимандрит Пимен»¹⁴.

Известно, что преподобный Пимен в детстве и юности не получил регулярного образования. Он сам в шутку говорил, что учился «в академии у Пелагии Егоровны» — так звали вологодскую портниху, в конце 1810–х годов взявшуюся обучать мальчика из купеческой семьи, но не преуспевшую в этом деле. Доучивался преподобный Пимен у своего двоюродного дедушки Фёдора Ивановича Скулябина, человека грамотного, всю жизнь работавшего приказчиком и бывавшего по торговым делам в Китае. В то время он был 80–летним старцем, но успел многому научить внука Петра Мясникова, будущего преподобного Пимена¹⁵.

Духовный писатель Д.Д. Благово, много лет проживший в Угрешском монастыре на послушании, отмечал, что архимандрит Пимен затруднялся самим процессом письма¹⁶, но это касалось значительных по объёму «Воспоминаний преподобного Пимена», богословских трудов (записанных Д.Д. Благово) и длинных деловых бумаг, подготовленных в канцелярии обители. Короткие записи рукой о. Пимена (1–2 строчки) мы обнаружили в исходящих журналах¹⁷ Николо-Угрешского монастыря за 1858–1862 годы. Всего этих записей 31, в основном они касаются выдачи увольнительных билетов насельникам на деловые поездки, паломничества, свидания с родными. Видимо, о. Пимен не хотел затруднять канцеляристов и делал краткие записи собственной рукой. Но встречаются среди них и строки другого содержания. Так, 19 сентября 1858 года преподобный Пимен сделал сразу три записи под-
ряд:

● о письме по поводу постройки хозяйственных помещений на Мясницком подворье в Москве,

● представление на рукоположение иеродиакона Нила (Скоронова) в иеромонахи, а монаха Флавиана в иеродиаконы и двух послушников — в стихари;

● доверенность в банк казначею Сергию (Свешникову).

Все эти документы и рабочая записка преподобного Пимена свидетельствуют о том, что он имел довольно разборчивый, «энергичный» почерк, писал достаточно грамотно для своего времени, но знаков препинания почти не ставил. Приведём текст рабочей записки в пунктуации оригинала:

*«Милостивый государь
Никита Ильич прошу напи-
сать донесение в консисто-
рию что по назначению Коло-
менского землемера исследо-
вание по сему делу уже было
сего года 27-го июня При сём
прилагаю бумагу землемера
и донесение свяще<нника>
Иоанна <нрзб.> П.
С<инодальному> управлению
И. <еромонах> Пимен
1853 года
августа 13»*

Рабочая записка преподобного Пимена (тогда ещё иеромонаха) написана епархиальному чиновнику Никите Ильичу, много лет занимавшемуся земельными вопросами¹⁸. Дело касалось подтопления лугов, принадлежавших крестьянам деревни Ванилово Бронницкого уезда, «мельничной водой Николо-Угрешского монастыря». К письму прилагался неоконченный черновик док-

Прп. Пимен Угрешский. Стенопись
Спасо-Преображенский собор
2010 г.

82
 Милостиве мои
 Держи Милостиве
 Милостиве Милостиве
 Милостиве Милостиве
 Милостиве Милостиве
 Милостиве Милостиве
 Милостиве Милостиве
 Милостиве Милостиве
 Милостиве Милостиве
 Милостиве Милостиве
 Милостиве Милостиве
 Милостиве Милостиве
 Милостиве Милостиве
 Фавст Сааппа
 Август 13

Записка прп. Пимена. Автограф. 13 августа 1853 года

лада митрополиту Московскому Филарету, написанный не архимандритом Пименом¹⁹.

До 1764 года деревня Ванилово принадлежала Николо-Угрешскому монастырю, потом при секуляризации монастырских земель была пожалована графу А.Г. Орлову. После его смерти деревню унаследовала А.А. Орлова. В 1763 году по ревизской сказке в ней числилось 127 душ. Близ этой деревни, в 55 верстах от монастыря на реке Нерской, была монастырская мельница, которая находилась во владении монастыря по указу МДК от 22 июня 1730 года. В 1763 году мельница была передана Коломенскому архиерейскому дому. С 1796 года угрешский игумен Ионафан вёл обширную переписку с казённой палатой и МДК о возвращении мельницы, которая перешла к Ново-Голутвину монастырю. Хлопоты Ионафана в конце концов увенчались успехом: 15 июля 1800 года Коломенский уездный суд решил дело в пользу Угрешского монастыря: мельница вернулась в его владение и в последующие годы сдавалась в аренду²⁰.

Недостаточная пропускная способность мельничной плотины, видимо, и стала причиной подтопления крестьянских сенокосов летом 1853 года после обильных дождей. Коломенский уездный землемер Дагаров направил 18 июня 1853 года в монастырь отношение с требованием командировать депутата для решения возникших проблем²¹. Бумаги тогда шли по почте не менее недели. Сразу после получения отношения о. Пимен исполнил требование, поручив разобраться в деле священнику Иоанну. В записке говорится, что «исследование по сему делу уже было сего года 27-го июня». Крестьянам для покоса предоставили монастырские луга. Сложный вопрос был решён преподобным в максимально короткие сроки, тогда как указ духовной консистории на этот счёт вышел только 23 июля, а до Угреши дошёл лишь 12 августа 1853 года. Если бы о. Пимен помедлил до этой даты, крестьяне могли бы остаться без сена и понести значительные убытки. Формально дело было урегулировано только в ноябре-декабре 1853 года. Таковы были бюрократические процедуры того времени.

3. Последователи архимандрита Пимена

Итогом деятельности преподобного Пимена Угрешского стал не только возрождённый Николо-Угрешский монастырь, но и целая плеяда последователей, продолживших его дело на Угреше и в других монастырях епархии.

Одним из них был **архимандрит Сергей** (*Порфирий Петрович Свешников*)²², родившийся в 1830 году в семье московских купцов. В Угрешский монастырь он поступил 24 сентября 1846 года, был пострижен 25 сентября 1851 года, рукоположён в иеродиакона 1 марта 1853 года, в иеромонаха — 10 апреля 1853 года. В 1854 году о. Сергей был назначен ризничим, затем в 1855 году — казначеем, должность которого занимал до августа 1867 года. В этом качестве он несколько раз упоминается в «Воспоминаниях архимандрита Пимена». За время пребывания на Угреше о. Сергей получил две награды: набедренник (13.06.1859) и бронзовый крест на Владимирской ленте в память Крымской войны. 14 июля 1867 года иеромонах Сергей был назначен строителем Коломенского Богоявленского Старо-Голутвина монастыря, 23 мая 1869 года возведён в сан игумена. В 1871–1883 годах он был настоятелем Коломенского Свято-Троицкого Ново-Голутвина монастыря²³ и привёл эту оскудевшую обитель в цветущее состояние, преобразовав её в декабре 1871 года при поддержке святителя Иннокентия, митрополита Московского, из штатного монастыря (2-го класса) в общежительный. В сан архимандрита о. Сергей был возведён 14 марта 1873 года. В 1883–1896 годах он настоятельствовал в Иосифо-Волоколамском монастыре²⁴. С 14 июня 1873 года архимандрит Сергей был помощником благочинного общежительных монастырей архимандрита Пимена, после смерти которого был назначен на эту ответственную должность (31.08.1881) и исполнял ее до 1896 года. За свои труды архимандрит Сергей был удостоен нескольких правительственных наград: ордена св. Анны 3-й степени (16.04.1878), знака Красного Креста за попечение о раненых, ордена св. Анны 2-й степени (15.05.1883), золотой медали на Александровской ленте в память окончания и освящения храма Христа Спасителя (20.03.1884) и ордена св. Владимира 4-й степени (24.04.1888). Скончался он 17 ноября 1897 года.

Постриженником прп. Пимена был также строитель Коломенского Бобренёва монастыря **иеромонах Каллист** (*Никсифор Степанов*). Родился он в 1835 году в семье мещан, поступил в Борковскую пустынь Владимирской епархии 29 февраля 1856 года, перевёлся на Угрешу 11 июня 1857 года, где был пострижен 13 марта 1860 года. Менее чем через полгода о. Каллиста возвели в сан иеродиакона. 24 марта 1863 года его назначили экономом Владимирского Архиерейского дома, 2 июня того же года рукоположили в иеромонаха, 1 августа наградили набедренником. Должность эконома была не только ответственной, но и весьма

почётной, однако иеромонах Каллист в конце декабря 1864 года предпочёл вернуться на Угрешу на довольно скромное послушание смотрителя богадельни. 28 августа 1867 года он был назначен угрешским ризничим, а в 1873 году — настоятелем Богородице-Рождественского Бобренева монастыря, основанного в 1381 году героем Куликовской битвы Дмитрием Михайловичем Волынским, от прозвища которого Боброк и образовалось название обители. Прежде богатый монастырь, где располагалась летняя резиденция коломенских епископов, стал в 1764 году заштатным, оскудел и был приписан к Коломенскому Старо-Голутвину монастырю. Бобрень монастырь вновь стал самостоятельным в 1865 году и постепенно начал возрождаться, во многом, благодаря строителю о. Каллисту, который рачительно распоряжался довольно скудными средствами. При монастыре было открыто училище для мальчиков на 30 учеников, приходящих на занятия из окрестных селений, где собственных школ ещё не было. В 1870-е годы в обители проживало около 30 насельников²⁵.

Тогда в трёх из девяти мужских монастырей (Ново-Голутвине, Бобреньеве и Николо-Берлюковской пустыни), входивших, помимо Николо-Угрешского, в благочиние архимандрита Пимена, настоятелями были угрешские постриженники. В их числе строитель Берлюковской пустыни **игумен Нил** (Николай Лукич Скоронов), родившийся в 1824 или 1825 году в г. Скопине Рязанской губернии в купеческой семье. Он поступил в Николо-Угрешский монастырь 2 июля 1853 года, был пострижен 23 марта 1857 года, возведён в сан иеродиакона 28 июля 1857 года и вскоре в сан иеромонаха. Обязанности казначея о. Нил исполнял с 25 августа 1867 года около трёх лет, а 28 марта 1870 года его назначили строителем Николо-Берлюковской пустыни, которую он привёл в цветущее состояние.

За свои труды о. Нил был награждён золотым наперсным крестом 8 апреля 1873 года, возведён в сан игумена 27 апреля 1876 года. В 1879 году за организацию помощи раненым он был награждён крестом Общества Красного Креста. Являясь настоятелем Николо-Берлюковской

Архимандрит Нил
1880-е гг.

пустыни, игумен Нил часто бывал на Угреше, пользовался любовью и уважением насельников. После кончины архимандрита Пимена по желанию братии он 20 ноября 1880 года был назначен настоятелем Николо-Угрешского монастыря, 1 апреля 1887 года его возвели в сан архимандрита. При нём был построен и в основном отделан Спасо-Преображенский собор, а также Никольская часовня. К сожалению, до их освящения архимандрит Нил не дожил. Он скончался 6 мая 1893 года и был похоронен в крипте под алтарём Спасо-Преображенского собора.

*Архимандрит Валентин
Начало 1890-х гг.*

Следующий настоятель Угрешской обители, **архимандрит Валентин** (Василий Леонтьевич Смирнов), родился в 1834 году в семье священника. Окончив курс Николо-Перервинского духовного училища, он в 1849 году поступил в Синодальный хор малолетним певчим. С 1853 года он 11 лет исполнял послушания в разных монастырях Московской епархии. Сначала он стал послушником Симонова монастыря, 12 декабря 1855 года его перевели в Иоанно-Златоустовский монастырь, а 24 июля 1859 года — в Николо-Угрешский монастырь. Пострижен он был 22 июля 1865 года, возведён в сан иеродиакона 21 сен-

тября 1865 года, в сан иеромонаха — 11 февраля 1873 года. С 28 марта 1873 года он был ризничим. Той весной разразился голод в Самарской губернии, и в монастыре объявили сбор денег на нужды голодающих. Ризничий Валентин пожертвовал больше всех — 9 рублей. Казначей иеромонах Мелетий дал 5 рублей, а в основном монахи и служители обители жертвовали по 1 рублю, послушники — от 15 до 50 копеек. Всего было собрано 44 рубля 45 копеек²⁶, что немало для общежительного монастыря, где доходы, кроме штатного жалования, между членами братии не разделялись.

23 сентября 1877 года о. Валентин стал угрешским казначеем. Право носить наградной наперсный крест он получил 25 февраля 1885 года. Во время отлучек, отпуска и болезней архимандрита Пимена в 1870-е годы иеромонах Валентин управлял монастырём. 9 июля 1893 года его назначили настоятелем Нико-

ло–Угрешского монастыря с возведением в сан архимандрита. С 1880 года он входил в комиссию по строительству Спасо–Преображенского собора, и в самом начале его настоятельства, 24 августа 1894 года, этот величественный храм был освящён. 22 ноября 1896 года он стал благочинным общежительных монастырей Московской епархии, что говорит о большом авторитете архимандрита Валентина: он получил эту важную и ответственную должность, как некогда архимандрит Пимен. Ещё до высокого назначения ему доверяли освящение храмов в монастырях благочиния. В 1894 году архимандрит Валентин освятил обновлённый соборный храм в Екатерининской пустыни. Деятельность архимандрита Валентина получила правительственное признание. Он удостоился нескольких государственных наград: за отлично–усердную службу ордена св. Анны 3–й ст. (6.05.1897) и ордена св. Анны 2–й ст. (6.05.1900), знака Красного Креста (31.12.1879) за попечение о раненых и больных воинах, серебряной медали на Андреевской ленте для ношения в петлице в честь коронации Николая II (15.10.1896).

Архимандрит Валентин управлял Николо–Угрешским монастырём до своей кончины в 1905 году. Погребён он был в крипте Спасо–Преображенского собора.

При архимандрите Валентине казначеем монастыря сначала был **иеромонах Вассиан** (*Василий Назарович Смирнов*)⁷⁷, кото-

Вид на колокольню и храмы Николо–Угрешского монастыря с берега среднего пруда. 1890-е гг.

рый родился в 1837 году в крестьянской семье, обучался в народном училище и поступил в братство Николо-Угрешского монастыря 30 мая 1867 года. Постригли его 19 декабря 1870 года, возвели в сан иеродиакона 5 мая 1871 года. О. Вассиана назначили ризничим 10 июня 1876 года, возвели в сан иеромонаха 14 ноября 1876 года. После кончины архимандрита Пимена с 18 августа по 20 ноября 1880 года он управлял монастырём. Братским духовником о. Вассиан стал 19 марта 1886 года, а 12 ноября того же года его наградили набедренником. В казначейской должности его утвердили 25 августа 1893 года. С 15 сентября 1893 года он также был духовником Крестовоздвиженского Иерусалимского женского монастыря, что в Подольском уезде. Однако угрешским казначеем о. Вассиан пробыл недолго, потому что 17 декабря 1893 года его назначили настоятелем Свято-Екатерининской пустыни²⁸ в сане строителя-иеромонаха. За усердное служение он был награждён наперсным крестом 6 мая 1895 года, возведён в сан игумена 16 мая 1899 года. Игумен Вассиан настоятельствовал в Екатерининской пустыни до своей кончины весной 1902 года.

Следующим угрешским казначеем был **иеромонах Мартирий** (Александр Михайлов)²⁹. Родился он в семье мещан в 1847 году, проживал на Угреше с мая 1868 года, был принят в братию 11 апреля 1872 года, пострижен 18 марта 1878 года, рукоположён в иеродиакона 21 декабря 1878 года, в иеромонаха — 21 ноября 1881 года. Ризничим он стал 25 августа 1893 года, казначеем — 31 января 1894 года. Как казначей он вошёл в комитет по строительству Спасо-Преображенского собора. На Угреше о. Мартирий получил две церковные награды и одну светскую: набедренник (9.08.1892), наперсный крест (6.05.1897) и серебряную медаль на Александровской ленте в память почившего императора Александра III (1896).

Дальнейшая судьба иеромонаха Мартирия сложилась трагически. 20 мая 1902 года его назначили настоятелем Свято-Екатерининской пустыни и 9 июня того же года возвели в сан игумена. Накануне празднования 250-летия этой обители, 13 сентября 1908 года игумен Мартирий был убит из револьвера эсерами-«максами» при попытке ограбления монастыря. Убийцы не нашли в его келье ничего ценного и скрылись, бросив в монастырской гостинице свои паспорта.

Грабить у Мартирия было действительно нечего. Согласно сохранившейся описи имущества³⁰, в его личной келье числились такие вещи: образ Спасителя в металлической ризе с лампадкой, 3 ломберных столика, один раскладной дубовый стол,

простой диван (на нём он, видимо, спал), венские стулья, часы настенные в футляре, лампа настенная. На стене висели портреты: императора Николая II, основателя пустыни царя Алексея Михайловича, митрополитов Московских Платона, Филарета, Иннокентия, Иоанникия и Владимира.

Спустя два месяца у станции Лосиноостровская на одной из дач произошла перестрелка между сотрудниками охранного отделения и каким-то анархистом. Раненный и загнанный в угол молодой человек застрелился. У него нашли документы на имя подозреваемого в убийстве Мартирия бывшего послушника Лавра Ремизова. Опросив свидетелей, полицейские вышли на след его сообщников Сидоркина и Харламова, которые вскоре были задержаны и осуждены.

Похоронили игумена Мартирия в Екатерининской пустыни, установив беломраморное надгробие, которое сохранилось до наших дней, хотя в советское время кладбище было практически уничтожено. Надпись, высеченная на надгробии, гласит: «Под сим камнем покоится прах игумена Мартирия. Род. в Москве 28 июня 1840 года. 15-ти лет поступил в Николо-Угрешский монастырь. 38 лет прожил там, назначен настоятелем Екатерининской пустыни. Управлял 6 лет и 3 месяца. Убит в 9 часов утра 13 сентября 1908 года»¹.

*Надгробие игумена
Мартирия (Михайлова)
в Свято-Екатерининском
монастыре. 2010 г.*

Влияние преподобного Пимена Угрешского на духовную жизнь Московской епархии после его блаженной кончины приумножалось его духовными чадами, последователями и постриженниками, которые заботились о процветании не только Николо-Угрешского монастыря, но и других обителей.

Ссылки и комментарии

¹ **Игумен Илари́й** (в миру Илия) родился в 1792 году в г. Мологе Ярославской губернии в семье мещан. В 1817 году он поступил послушником в Белобережную пустынь Орловской епархии, потом некоторое время жил в Коневском Рождества Богородицы монастыре Вологодской епархии. 22 февраля 1820 года поступил в Спасо-Преображенский Соловец-

кий монастырь, где был пострижен 7 апреля 1823 года. В 1825 году перешёл в Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь, где 5 марта 1827 года был рукоположён в иеродиакона, а 20 ноября 1829 года — в иеромонаха и тогда же стал ризничим. В этом монастыре о. Иларию тесно сдружился с о. Игнатием Брянчаниновым, будущим архипастырем, ныне причисленным к лику святых. Оба они были учениками о. Леониды (Наголкина), в схиме Льва, впоследствии известного оптинского старца, прославленного в лике святых. О. Леонид перешёл в Оптину пустынь под Козельском. Туда же в 1832 году перевёлся вслед за своим духовным наставником и о. Иларию. В начале 1834 года он перешёл в Спасо-Каменецкий монастырь Вологодской епархии, но вскоре 8 марта 1834 года при содействии о. Игнатия Брянчанинова был назначен настоятелем в Николо-Угрешский монастырь. В сан игумена его посвятили 4 сентября 1834 года. В его послужных списках (РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 88–93) значится только одна награда — палица, которой он удостоился 3 сентября 1844 года при освящении обновлённого Никольского собора. Игумен Иларию был очень строг и выдержан в духовной жизни, добился отправления церковных служб в полном соответствии с монастырским уставом. Однако своими хозяйственными обязанностями он тяготился, предпочитая келейную жизнь. С годами он всё в большей степени отдавал бразды правления бывшему келейнику о. Пимену, который в свою очередь набирался у него духовного опыта. По собственному прошению 16 ноября 1852 года игумен Иларию был уволен на покой в Николо-Пешношский монастырь, где ему не понравилось, так как он не мог вести там уединённую келейную жизнь. Через месяц он переехал в Московский Покровский монастырь, а спустя ещё два месяца окончательно обосновался в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры. Там 20 марта 1854 года о. Иларию принял схиму с именем Илия. Бывший игумен не раз бывал в Николо-Угрешском монастыре, а с лета 1859 года прожил в специально устроенной для него келье в Петропавловском скиту, где тогда ещё не было церкви, около года. Скончался он в Гефсиманском скиту 9 июля 1863 года и похоронен на кладбище в соседней деревне Тарбеево.

² Здесь и ниже использованы данные из ведомостей о настоятеле и монашествующих. РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 88–93; ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 763. Ед. хр. 118, ф. 1371. Оп. 1. Ед. хр. 84.

³ *Благово Д.Д. «Инок».* Поэма. — Москва, 1874. С. 20–21.

⁴ Там же. С. 87–88.

⁵ ЦИАМ. Ф. 1323. Оп. 1. Ед. хр. 64.

⁶ Иеродиакон Ефрем родился в 1825 году в семье крепостных крестьян графа Шереметева, получив вольную, поступил в Николо-Пешношский монастырь, где был пострижен 23 марта 1850 года, переведён на Угрешу 10 ноября 1857 года, рукоположён в иеродиакона 16 февраля 1858 года. В его послужных списках были отметки о добропорядочном поведении, по крайней мере, до 1867 года (РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 91).

⁷ ЦИАМ. Ф. 1323. Оп. 1. Ед. хр. 59.

⁸ **Игумен Арсений** (Лука Егоров) родился в 1807 году в семье московских мясцов, поступил в Екатерининскую пустынь 18 июля 1849 года, пострижен 27 октября 1855 года, рукоположён в иеродиакона 25 декабря 1855 года, в иеромонаха — 13 ноября 1856 года, назначен казначеем 24 июля 1865 года. Указом МДК от 13 ноября 1870 года он назначен строителем пустыни как избранный братией, возведён в сан игумена 6 июня 1882 года. Имел награды: набедренник (17.01.1871), наперсный крест (8.04.1873), знак Красного Креста за пожертвования во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов, палицу (28.08.1888). Управлял обителью до своего ухода на покой с 18 января 1891 года, скончался в 1894 году на

87-м году жизни, похоронен в Екатерининской пустыни (ЦИАМ. Ф. 1323. Оп. 1. Ед. хр. 22, 59, 82, 89).

⁹ ЦИАМ. Ф. 1368. Оп. 1. Ед. хр. 14.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 1323. Оп. 1. Ед. хр. 1а.

¹¹ Статистические таблицы об экономическом положении селений Московского уезда. — М., год издания не указан.

¹² **Архимандрит Филофей** (Филипп Иванович Антипычев), родился в крестьянской семье в 1865 году в деревне Кишкино, в монастырь поступил 19-летним юношей в январе 1885 года, пострижен 10 декабря 1898, 14 сентября 1899 года рукоположён в сан иеродиакона, 22 октября 1901 года — в сан иеромонаха. В 1907–1910 годах он был благочинным обители, а потом стал законоучителем в братском училище. 6 мая 1914 года его наградили за службу наперсным крестом. Когда началась I мировая война, иеромонах Филофей ушёл на фронт полковым священником 209-го Богородского пехотного полка. За проявленную доблесть 24 января 1915 года он удостоился ордена св. Георгия 4-й степени (ЦИАМ. Ф. 1371. Оп. 1. Ед. хр. 84). После революционных событий 1917 года иеромонах Филофей вернулся в обитель. В списке насельников монастыря, датированном 20 марта 1920 года, он значился игуменом, а в более позднем списке — архимандритом (ЦГАМО. Ф. 2501. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 71, 71 об.). С 1927 года до середины 1930-х годов архимандрит Филофей служил во Владимирской церкви подмосковного посёлка Красково, где жили его родственники (по свидетельству правнучатого племянника Г.И. Ерастова).

¹³ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 31 л. 82.

¹⁴ Такие записи во множестве имеются, например, в документах: РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 88, 90–92.

¹⁵ Об этом см. подробнее: Воспоминания архимандрита Пимена. — Николо-Угрешский монастырь, 2004. С. 29–30.

¹⁶ *Благово Д.Д.* Архимандрит Пимен, настоятель Николо-Угрешского монастыря. Биографический очерк. — Николо-Угрешский монастырь, 1998. С. 108.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 34.

¹⁸ Сохранились два письма к нему архимандрита Иоакима, настоятеля Ново-Голутвина монастыря, датированные августом 1838 года (РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 47–48).

¹⁹ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 72.

²⁰ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 28.

²¹ Все документы по этому делу хранятся в РГАДА (ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 30).

²² Данные об о. Сергии (Свешникове) приведены из архивных дел: РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 91, 92, ф. 1192. Оп. 5. Ед. хр. 304.

²³ **Старо-Голутвин монастырь** основан в 1385 году св. благоверным князем Дмитрием Донским с благословения прп. Сергия Радонежского у места слияния Москвы-реки с Окой. В 1799 году после упразднения Коломенской епархии насельников перевели в опустевший Архирейский дом. В начале XIX века иноками Николо-Пешношского монастыря Старо-Голутвин монастырь был возобновлён. Упразднённый в 1929 году, монастырь возвращён Русской Православной Церкви в 1994 году. В 1996 году в обновлённые корпуса обители переехала Коломенская духовная семинария.

Ново-Голутвин монастырь основан в 1799 году, когда в Архирейский дом были переведены иноки Старо-Голутвина монастыря. Закрытый в 1920-е годы, монастырь возвращён Церкви в 1989 году и возрождён как женская общежительная обитель.

²⁴ **Иосифо-Волоколамский монастырь**, со строгим общежительным уставом, основан в 1479 году преподобным Иосифом Волоцким, служил боевой крепостью, был любимым местом богомолья царя Ивана Грозного. В XVI–XVII веках обитель стала одной из самых богатых на Руси. В XVIII веке после секуляризации земель монастырь оскудел, в XIX веке возродился вновь. В 1870–е годы здесь подвизалось около 30 насельников. В советское время в монастыре располагался музей, а иноческая жизнь возобновилась в 1989 году. В 1999 году Иосифо-Волоколамский монастырь стал ставропигиальным.

²⁵ В 1929 году Бобренёв монастырь был закрыт, использовался под жильё, потом был заброшен. Возвращён Русской Православной Церкви в 1992 году и ныне возрождается.

²⁶ В 1920 году Николо-Берлюковский монастырь был закрыт, а в его зданиях размещались дом инвалидов войны и труда, туберкулёзная больница, а в годы Великой Отечественной войны — госпиталь. С 1972 года здесь располагался интернат для страдающих туберкулёзом психических больных. Уникальные постройки обители находились в полуразрушенном состоянии (в чём мне довелось убедиться летом 2003 года во время посещения села Авдотьино). В декабре 2004 года монашеская жизнь в пустыни была возобновлена, часть строений возвращена Русской Православной Церкви и начато их восстановление. Настоятелем назначен иеромонах Евмений (Лагутин), ныне игумен. За пять лет отреставрированы центральные врата, древние стены, вокруг храма установлены строительные леса, открыты для паломников уникальные храмовые пещеры. В будущем интернат будет переведён из стен возрождающейся обители.

²⁷ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 95.

²⁸ **Свято-Екатерининская пустынь** была основана в 1658 году царём Алексеем Михайловичем Романовым на месте явления ему в сонном видении святой Екатерины, возвестившей рождение дочери. Этот небольшой загородный монастырь, расположенный в Подольском уезде, славился чудотворными образами святой Екатерины и святого Антипы. Архитектурный ансамбль пустыни сложился в основном в последней четверти XVIII века при игумене Мелхиседеке. Пустынь имела общежительный устав и входила в одно благочиние с Николо-Угрешским монастырём. В 1938–1953 годах в стенах упразднённой обители была устроена секретная политическая тюрьма НКВД, известная под названием «Сухановка». Ныне возрождённый Свято-Екатерининский монастырь находится на территории г. Видное. Настоятелем монастыря является преосвященный Тихон (Недосекин), епископ Видновский, викарий Московской епархии.

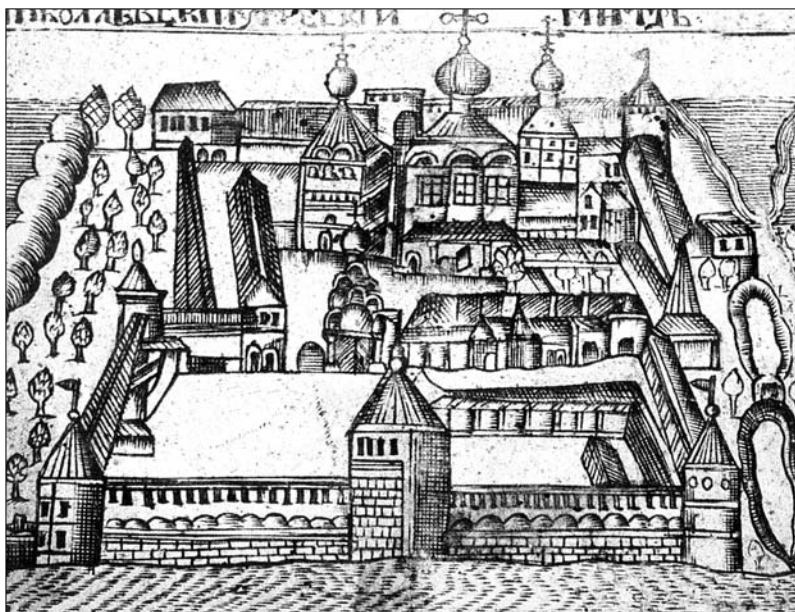
²⁹ ЦИАМ. Ф. 1323. Оп. 1. Ед. хр. 104.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 1323. Оп. 1. Ед. хр. 131.

³¹ Данные ведомостей о монашествующих противоречат надписи на надгробии о. Мартирия. Так, год рождения написан 1840, а по ведомостям (РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 92, ЦИАМ. Ф. 1323. Оп. 1. Ед. хр. 104) выходит 1847. Написано, что на Угрешу он поступил в 15 лет, а по ведомости выходит, что в 21 год; прожил он на Угреше по надписи 38 лет, а по ведомости получается 34 года. Вообще, в надписи на надгробии есть противоречия сами по себе. Например, если Мартирий родился в 1840 году, пришёл на Угрешу в 15 лет (то есть в 1855 году), то до 1902 года он должен был там прожить 47 лет, а не 38. Видимо, надгробие было заказано благотворителями, которые, не имея точной информации, сообщили каменотёсу неверные данные.

Новые архивные находки по истории Угреши

В последние годы ведётся активное изучение архивных материалов о Николо-Угрешском монастыре. Студентами и преподавателями Николо-Угрешской семинарии, а также другими исследователями найдено множество ценных документов, проливающих свет на малоизвестные факты истории обители. Однако архивы таят в себе ещё немало интересного.

*Николо-Угрешский монастырь на лубке первой трети XVIII в.
«Кремль и монастыри Москвы»*

1. Бунт монастырских крестьян в 1756 году

Игумен Илларион (Завалевич), управлявший Николо-Угрешским монастырём в 1753–1857 годах, был человеком умным и образованным: в 1743–1749 годах он преподавал пиитику в Славяно-греко-латинской академии, потом настоятельствовал в Николо-Перервинском монастыре. На Угреше при нём устроили часовню у святых ворот. Однако о. Иллариона отличало жёсткое,

доходящее до грубости и жестокости обращение с членами братии и крестьянами, что вызывало возмущение тех и других. Так, в мае 1756 года монахи Иннокентий и Евагрий подали в духовную консисторию жалобу на него «о причинении им и другим монашествующим изнурений, обид и оскорблений»¹.

Монастырские крестьяне зимой 1756 года взбунтовались². Причиной их нападений на монастырь явились так называемые «несносные налоги»: урезание пашенной земли, сборы оброка и барщина сверх обыкновенного уровня, штрафы без вины, взятки и тому подобное. Жалоба крестьян в Московскую духовную консисторию (МДК) была составлена старостами деревень Кишкино, Михайлово и Денисьево Иваном Саввиновым, Степаном Никитиным и Иваном Афанасьевым. К жалобе был приложен полный реестр учинённых поборов. Такие же жалобы написали крестьяне деревень Капотня и Хонятино. Дело рассматривалось в консистории довольно долго, а притеснения всё продолжались, и в январе 1756 года начались беспорядки.

11 января денисьевский крестьянин Иван Афанасьев Горохов нанёс побои находившемуся в монастыре копиисту МДК Александру Иванову, за что был наказан плетью.

Крестьяне окрестных деревень не раз приходили к монастырю с упрёками, освобождали находившихся там колодников. Игумен Илларион просил начальство срочно выслать отряд для обороны монастыря, так как нападавшие крестьяне не уходили и не слушали увещаний. В монастырь прибыл отряд солдат с одним офицером.

29 января 1756 года к бунтующим крестьянам вышел иеромонах Иосиф и с большим трудом сумел их успокоить. 30 января двух служителей монастыря Михаила и Ивана Козьминых отправили в кандалах в Московскую губернскую канцелярию. Они избили и едва не зарезали конюхов обители Якова Иванова и Фёдора Максимова. Публично грозились их убить. Офицер и солдаты задержали драчунов в их доме в Угрешской слободе.

В этот же день крестьяне, среди которых было много пьяных, грозились убить игумена Иллариона. Пришлось солдатам палить из ружей в воздух. Только тогда толпа разошлась. Установленный таким образом «мир» грозил взорваться в любой день новыми беспорядками, но обошлось без кровопролития.

В марте 1756 года жалобы наконец-то рассмотрели на полном Синодальном собрании и передали для разбирательства в московскую контору Священного Синода. Видимо, этот кон-

фликт стал причиной перевода из Угрешы в 1757 году игумена Иллариона в Ростовский Зачатьевский Яковлевский монастырь. На его преемников гнев крестьян не распространился.

Дело по жалобам крестьян на игумена Иллариона тянулось до 15 декабря 1760 года, когда указом МДК были установлены строгие суммы оброка — 1 рубль в год с ревизской души, время отработки барщины и строгое распределение пашенной земли.

2. Мирские имена настоятелей

При исследовании по записке прп. Пимена найден документ³, позволяющий установить правильную **фамилию архимандрита Нила**, управлявшего обителью в 1880–1893 годах. Это запрос при поступлении его в монастырь о свидетельстве, что «купеческий сын **Николай Лукин Скоронов** холост и до настоящего времени в браке не состоял». Фамилия Скоронов весьма редкая. В многочисленных ранее известных документах времени послушничества⁴ будущий архимандрит упоминался как Николай Лукин. Такова была традиция: фамилии употреблялись редко не только в общении между насельниками, но даже в официальных документах, например, в ежегодных ведомостях о монашествующих⁵. Чаще всего ограничивались именем и отчеством. Так, в документах периода послушничества Порфирия Петровича Свешникова, впоследствии архимандрита Сергия, благочинного общежительных монастырей Московской епархии, он значился как Порфирий Петров. Его мирская фамилия известна из книги Д.Д. Благово «Архимандрит Пимен»⁶. В архивных документах нам попала единственная запись в исходящем журнале за 1858 год⁷, где указана мирская фамилия о. Сергия, тогда угрешского казначея: это отметка о выдаче ему доверенности на получение денег в частном банке.

Исходящие журналы обители за 1833–1843 годы⁸ помогли уточнить мирское имя угрешского постриженника архимандрита Галактиона⁹, наместника Саввино–Сторожевского монастыря в 1856–1887 годах, много сделавшего для процветания этой обители. В документах Николо–Угрешского монастыря времени его послушничества он значился как Егор Егоров, а в «Воспоминаниях архимандрита Пимена» как Егор Егорович¹⁰. В исходящем журнале найдена отметка о получении письма от 3 апреля 1840 года об оплате Егором Егоровым **Апаршиным** стоимости гербовой бумаги для оформления его в братство монастыря. В журнале сохранилась также запись о выдаче ему в се-

редине января 1840 года увольнительной записки для поездки во Владимир по монастырским нуждам. Как следует из «Воспоминаний архимандрита Пимена», Егор Егорович тогда ездил нанимать искусных каменщиков для восстановления Никольского собора. Октябрём 1843 года помечено прошение Егора Егорова о постриге. О себе он писал, что происходит из московских цеховых (то есть ремесленников), от роду ему 31 год, не женат. 24 апреля 1840 год он был уволен из Московского цехового общества и принят в Угрешский монастырь. Однако, как помечено в исходящем журнале за 1844–1849 годы¹¹, игумен Иларию представление на постриг Егора Егорова подписал только 8 июня 1844 года, а пострижен с именем Галактион он был 10 июня 1844 года, возведён в сан иеродиакона 18 марта 1845 года. Уже 5 апреля 1846 года последовало представление на возведение его в сан иеромонаха, что и было осуществлено 24 апреля того же года. 4 февраля 1848 года иеромонах Галактион подал прошение о переводе в Саввино–Сторожевский монастырь. Игумен Иларию препятствий к переводу не нашёл, и в октябре 1848 года о. Галактион перебрался на новое место служения, но нередко бывал на Угреше, служил с архимандритом Пименом, который отзывался о нём очень тепло. В сентябре 1876 года они вместе посетили несколько монастырей в Ростове Великом и окрестностях.

Исходящие журналы Николо–Угрешского монастыря за 1833–1843 годы содержат интересные сведения об **игумене Израиле**¹², лишённом сана, а впоследствии и монашества, за соучастие в крупной краже¹³ из ризницы обители 2 июля 1825 года. У него было изъяты и положены на хранение в духовную консисторию билеты Сохранной казны на сумму 58000 рублей. Позднее эти деньги весьмагодились и были в основном истрачены на восстановление Николо–Угрешского монастыря. Так, 8 декабря 1843 года игумен Иларию направил в консисторию письмо о необходимости исправления обветшавшего иконостаса Никольского собора со сметой затрат в размере 12000 руб. и просьбой о благословении взять эту сумму из денег бывшего игумена Израиля. Ранее, в 1841 году, в суд было направлено требование о взыскании с виновника двух билетов Сохранной казны стоимостью 15000 руб. каждый. В этом требовании указано его мирское имя, которым он снова стал называться после лишения монашества — Иван Фёдоров. В данном случае «Фёдоров», скорее всего, отчество, а не фамилия.

3. Криминальные происшествия

Громкое ограбление ризницы 2 июля 1825 года было не единственным криминальным происшествием в обители. Кражи случались и раньше, и позже этой даты, но благодаря Богу, без жертв и ущерба здоровью насельников.

Так, 15 января 1789 года игумен Варнава направил в консисторию рапорт о похищении жемчужного убруса и ожерелья с образа Владимирской Богоматери. 27 декабря 1837 года во время утренней службы украли деньги, вещи и печать из кельи, где остановился строитель московского Успенского монастыря иеромонах Сергей¹⁴.

В ночь с 24 на 25 августа 1862 года была ограблена беседка при настоятельских кельях¹⁵. Пропало 2 больших ковра, 2 скатерти, 2 подушки и колокольчик. Пришедшие утром в монастырь богомолки рассказали, что видели на дороге двух мужиков с большими мешками. Послали работника на лошади, который нагнал одного из подозреваемых. Им оказался 18-летний крестьянин из Рузского уезда Карп Юдин. Он показал, что работал подённо в Москве и жил на Солянке в доме купца Комарова вместе с Московским мещанином Василием, фамилии которого не знает. Тот уговорил его поехать на богомолье в Николо-Угрешский монастырь и по дороге рассказал, что знает всё в монастыре и хочет ограбить настоятельскую беседку, поскольку туда легко проникнуть и есть что взять. Василий и Карп приехали в монастырь вечером 23 августа и остановились в странноприимном доме. Целый день 24 августа они ходили по церквям и молились, а ночью Василий тайно пробрался в монастырь. Карп с ним не пошёл и якобы даже не знал, где он. Украденных вещей при Карпе не было, но, видимо, он лукавил, так как богомолки видели двух человек с мешками. Вор влез в беседку через окно, не взламывая двери. По приметам, описанных Карпом, архимандрит Пимен узнал бывшего послушника монастыря Василия Смирнова, который за 2–3 года до происшествия покинул монастырь, а до этого жил в обители около года и ни в чём плохом замечен не был. Можно предположить, что грабитель с вещами пересел на какую-нибудь подводку и поехал в Москву уже без Карпа Юдина, которого втянул в воровское дело. Документов о результатах следствия нам обнаружить не удалось, но велика вероятность поимки вора, так как имелось много улик и свидетельских показаний.

В 1-ом часу ночи с 20 на 27 июня 1877 года из кельи, в которой остановился строитель коломенского Бобренёва монастыря

иеромонах Каллист, были украдены вещи: монастырская печать, золотые карманные часы на цепочке, медная посеребрённая подставка для лампы¹⁶. Келейник о. Каллиста спугнул вора, выпрыгнувшего в выходящее на пруд окно со 2-го этажа. Часть краденого преступник бросил, унёс только вышеперечисленное. Второпях он оставил и свои вещи: синюю поддёвку, картуз и железный шкворень, которым открывал окно. Иеромонах Каллист (Никифор Степанов) подвизался на Угреше в 1857–1873 годах и был здесь пострижен архимандритом Пименом. С 1873 года он настоятельствовал в Бобренёве монастыре,

Беседка-ротонда, которая была ограблена в 1862 году. 2008 г.

но часто приезжал на Угрешу. Результаты следствия по ограблению о. Каллиста в архивном деле нет, но, возможно, вора поймали, поскольку он оставил много вещественных улик.

4. Строения и земельные угодья

В выписках, сделанных Д.Д. Благово при составлении монастырской летописи¹⁷, содержатся некоторые факты, не упомянутые духовным писателем в своих исторических трудах. Из них мы узнаём, что по указу Петра I от 31 мая 1706 года при игумене Дионисии (Воробьёве) в 1706–1708 годах велись работы по постройке на Успенском храме каменной главы и покрытию её белым железом, также чинили кирпичом и камнем стены и папер-

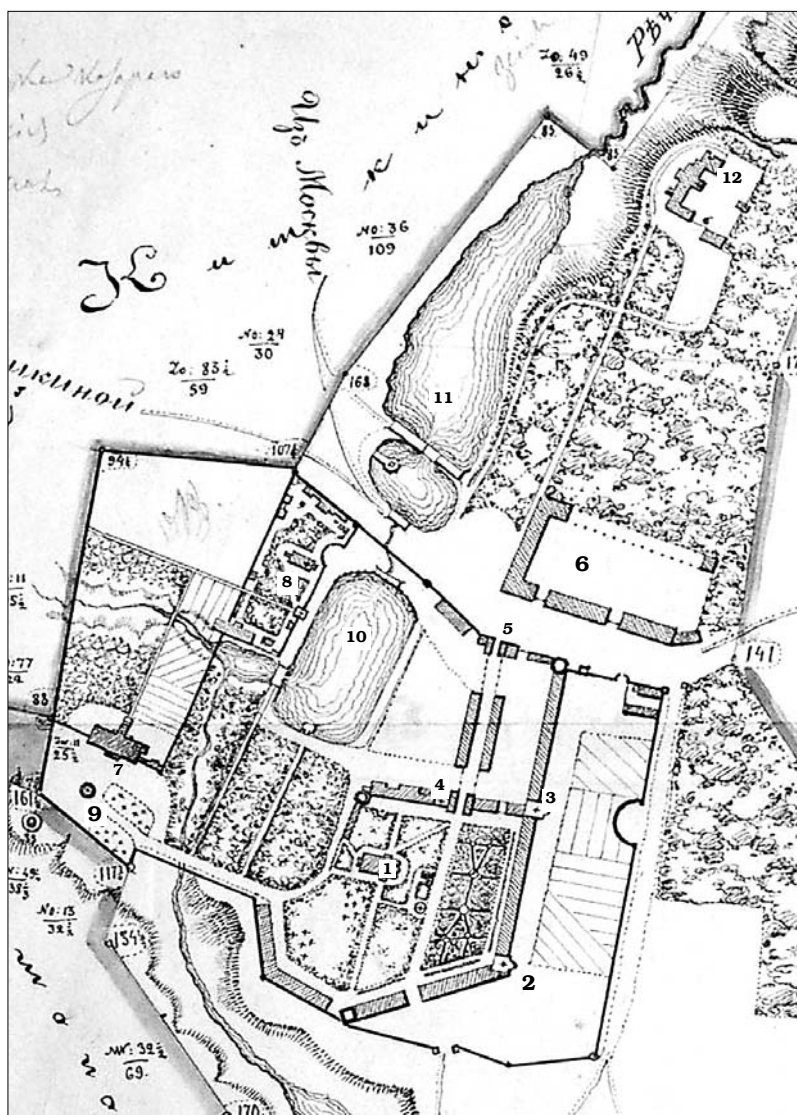
ти Успенского и Никольского храмов. Денег на это было выделено 25 рублей — значительная по тем временам сумма.

Д.Д. Благово успешно продолжил и в 1872 году довёл до публикации¹⁸ работу по изучению истории обители, которая началась задолго до его прихода на Угрешу. В 1853 году были сделаны выписки из многочисленных приходно-расходных тетрадей¹⁹, охватывающие период 1736–1830 годов. Из них следует, что 14 августа 1736 года вышел указ МДК о перестройке ветхого двухэтажного братского корпуса. Этот корпус со временем снова обветшал, а 1824 году пострадал от сильной бури. Указом МДК от 24 мая 1827 года было дозволено разобрать это здание, а кирпич использовать на починку башен и стен монастыря. Корпус был разобран, но кирпич настоятель Аарон продал, присвоив себе выручку²⁰. Справедливости ради отметим, что при этом настоятеле, в 1833 году отрешённом от должности за нерадение и пьянство, некоторые работы по поддержанию строений обители в порядке всё же проводились. Так, в 1828 году исправляли колокольню, красили соборную церковь, в 1830 году перестилали пол в Никольском соборе и поправили плотину на среднем пруду. С назначением игумена Илария восстановление монастыря началось с расчистки стен и покрытия башен тёсом²¹.

Земельные угодья обители после акта секуляризации земель в 1764 году были очень невелики и в основном ограничивались её стенами, что очень препятствовало развитию оскудевшего монастырского хозяйства. Спустя 15 лет положение улучшилось. Указом МДК от 26.11.1779 года в пользование монастыря было передано три пруда за его стенами для разведения рыбы и рыбной ловли²².

В 1796–1803 годах угрешский игумен Ионафан терпеливо вёл переписку²³ с Казённой палатой, МДК и разными судебными инстанциями о возвращении отобранных у обители земель. Ему удалось вернуть более 40 десятин земли и некоторое другое имущество, в частности, мельницу в деревне Ванилово.

Позднее владения монастыря увеличивались за счёт богатых пожертвований купцов, завещавших обители каменные дома в Москве, и пожалованных казной лесных дач в Рузском и Александровском уездах. Из трудов Д.Д. Благово известно, что у крестьян деревни Гремячево монастырь приобрёл земли на пригорке для строительства народного училища. Переписка по этому вопросу хранится в РГАДА²⁴. Прижимистые и несговорчивые гремячевские мужики тогда хотели продать землю подороже. Однако в другом случае крестьяне окрестных селений Капотня,

План владений Николо-Угreshского монастыря. 1877 г. Фрагмент.

РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 62

Обозначения: 1. Никольский собор. 2. Казанская церковь. 3. Скорбященская церковь. 4. Колокольня, Успенский храм, настоятельские кельи. 5. Святые ворота. 6. Гостиницы. 7. Архиерейский дом. 8. Скит с Петропавловской церковью. 9. Кладбище. 10. Средний пруд. 11. Верхний пруд. 12. Народное училище.

Кишкино, Гремячево, Рязанцево и Алексеевка проявили щедрость: в конце 1861 — начале 1862 года они пожертвовали монастырю неудобные для сельскохозяйственных работ земли близ его стен площадью 2 десятины 845 саженой и даже согласились платить подати за эти земли, находя их необременительными для общин²⁵.

Плохое состояние российских дорог всегда было «притчей во языцех». Не минула эта проблема и Николо-Угрешский монастырь. Дорога от обители в Москву пришла в плохое состояние, поскольку земство не подправляло её. Мосты подгнили, экипажи проезжали по грязи с трудом. Вопрос оставался открытым до 1892 года, когда архимандрит Нил (Скоронов) подал прошение о строительстве шоссе, на что из монастырских денег выделил 5000 руб. серебром²⁶.

Итак, по архивным документам удалось восстановить мирские имена настоятелей и насельников Угрешской обители: архимандрита Нила (Николая Лукича Скоронова), угрешского постриженника архимандрита Галактиона (Егора Егоровича Апаршина) и игумена Израиля (Ивана Фёдорова). Разумеется, для оценки их служения на монашеском поприще мирское имя особого значения не имеет, но его знание необходимо для исследований. Интересны и новые сведения, касающиеся криминальных происшествий в обители в XVIII–XIX веках, в частности крестьянского бунта 1756 года, а также данные о земельных угодьях и строениях монастыря.

Ссылки и комментарии

¹ Сведения взяты из описи архивных документов: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 205.

² РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 2а.

³ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 103.

⁴ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 90.

⁵ Это стало причиной неточности, допущенной в книге: *Егорова Е.Н., Антонова И.В.* Угреша. Страницы истории. — Дзержинский: ДМУП «Информационный центр», 2005. С. 97–100, 107, 110, 160, 161, 165, 234.

⁶ *Благово Д.Д.* Архимандрит Пимен, настоятель Николо-Угрешского монастыря. Биографический очерк. — Николо-Угрешский монастырь, 1998. С. 217.

⁷ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 34.

⁸ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 32.

⁹ **Архимандрит Галактион** (1812–1887), в миру Егор Егорович Апаршин, с 1856 года был наместником Саввино-Сторожевского монастыря. При нём в этой обители был обновлён древний Рождественский собор, устроена церковь св. Алексия, человека Божия, возведён южный братский корпус, гостиницы, основан Саввиновский скит на месте пе-

щери, где подвизался прп. Савва. Скончался о. Галактион 5 февраля 1887 года на 73-м году жизни и был похоронен на соборной площади перед Рождественским храмом Саввино-Сторожевского монастыря.

¹⁰ Воспоминания архимандрита Пимена. — Николо-Угрешский монастырь, 2004. С. 105.

¹¹ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 33.

¹² **Игумен Израиль**, 1782 года рождения, из духовного звания, пострижен в 1814 году в Московском Златоустовском монастыре, там же рукоположён в иеродиакона в 1815 году, 15 февраля 1817 года переведён в Чудов монастырь и 20 мая посвящён в сан иеромонаха. 27 июня 1819 года он был определён управляющим заштатного Сретенского монастыря, 9 мая 1820 года награждён набедренником и утверждён строителем этой обители. Несмотря на поступавшие на него жалобы подчинённых, Израиль имел даже две благодарности епархиального начальства за строительство домов для причта вместо сгоревших в 1812 году. Угрешским игуменом он стал 15 марта 1822 года (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Ед. хр. 2631). Не всё в деятельности Израйля было отрицательно. Как отмечал преподобный Пимен Угрешский, Израиль любил служить, и в храмах при нём был порядок.

¹³ Подробности об этой краже из архивных источников описаны в книге: Егорова Е.Н., Антонова И.В. Угреша. Страницы истории. — Дзержинский: ДМУП «Информационный центр», 2005. С. 82–84.

¹⁴ Записи об этих двух кражах содержатся в деле: РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 109.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 34.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 27.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 69–71.

¹⁸ Благово Д.Д. Исторический очерк Николаевского Угрешского общежительного мужского монастыря. — Москва, 1872.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 109.

²⁰ Воспоминания архимандрита Пимена. — Николо-Угрешский монастырь, 2004. С. 84.

²¹ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 32.

²² РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 28.

²³ Эта объёмная переписка составляет два пухлых дела: РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 28–29.

²⁴ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 31. Приведём некоторые интересные факты из этого дела. В 1868 году в училище было 74 ученика: 63 мальчика и 11 девочек. В 1872 году обучалось 100 мальчиков, на содержание каждого полагалось 20 руб. в год. Всего 2000 руб. В 1873 году ученик Николо-Угрешского училища Фёдор Орлов, который выступал от учеников на акте открытия нового здания училища 3 июня 1873 года, поступил в учительскую семинарию. К экзаменам его успешно подготовили преподаватели училища. Архимандрит Пимен распорядился выдавать отцу мальчика Дмитрию Фёдоровичу Орлову, крестьянину деревни Гремячево, по 20 рублей ежегодно на содержание сына в семинарии.

²⁵ Переписка с Министерством государственных имуществ по этому поводу хранится в деле: РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 34.

²⁶ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 31.

**Философ Константин Леонтьев
и драматург Николай Соловьёв —
угрешские послушники**

Вторая половина XIX века стала временем нового расцвета Николо-Угрешского монастыря, роста его влияния на духовную жизнь русской интеллигенции. В 1874 году послушником обители становится **Константин Николаевич Леонтьев** (1831–1891), выдающийся русский философ, публицист, писатель. «Прорицатель грядущей России», «русский Ницше», «консерватор и охранитель» — таковы лишь немногие характеристики этой исторической личности.

У Константина Леонтьева был особый взгляд на развитие общества, собственное понимание прогресса. Главный вопрос для Леонтьева — судьба любимой России. Даже в наши дни поражает точность прогноза, сделанного им по вопросам развития Запада, взаимоотношений Европы и России, исторических судеб русского государства. В своих сочинениях по социально-философским и литературно-критическим проблемам Леонтьев пытается дать ответы на такие актуальные и сейчас вопросы: что такое славянство, правомерно ли понятие «русский человек», что такое

К.Н. Леонтьев

государство. Он стремится выявить истоки самобытности России, показать на её частном случае проявление общих закономерностей жизни, выявить единую основу человеческого существования не только как материального процесса, но и как религиозно-духовного бытия.

В 1870-е годы тяга к Церкви приводит Леонтьева в Николо-Угрешский монастырь, где по совету архимандрита Пимена он поселяется в келье. По назначению настоятеля он исполняет самые тяжёлые работы: водоноса, сторожа. Несмотря на это, в конце 1874 года он пишет в Москву своему знакомому: «О. архимандрит Пимен — настоятель наш — милостив и снисходителен ко мне вовсе не по заслугам моим...» Новая жизнь брата Констан-

тина — под этим именем ступил он на стезю аскета — поначалу принесла успокоение, но оно длилось только полгода: в мае 1875 года Леонтьев по неясным причинам покинул обитель¹.

Пребывание в монастыре расширило горизонты его духовной индивидуальности, усилило наиболее выразительные черты личности. Он всё явственнее ощущает себя частицей «того великого и до сих пор неразгаданного целого, которое зовётся Россия». Внутренний процесс длительных духовных испытаний получил завершение во внешней форме. Наступил финал, к которому мучительно и трудно шёл страстотерпец и подвижник: 23 августа 1891 года состоялось каноническое вступление К.Н. Леонтьева на путь аскезы и бесповоротного отречения от мира. В Предтеченском скиту Оптиной пустыни, в келье старца Варсонофия он принял тайный постриг с именем Климента. Вскоре после этого Леонтьев перешёл в Троице-Сергиеву лавру. Здесь 12 ноября 1891 года он умер от воспаления лёгких. Похоронен К.Н. Леонтьев в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры, возле храма Черниговской Божией Матери.

Короткое пребывание Леонтьева в Николо-Угрешском монастыре сыграло определяющую роль в судьбе другого послушника монастыря — драматурга Соловьёва.

Николай Яковлевич Соловьёв (1845–1898) родился в Рязани в семье архитектора. Семья переехала в Калугу, где Николай окончил гимназию, затем был учителем. Он поступил вольнослушателем в Московский университет, но нужда заставила молодого человека прервать обучение и стать уездным учителем в г. Мосальске Калужской губернии. Соловьёв начал сочинять пьесы, но на сцену их не принимали. Его первая пьеса «Куда деваться?» была написана в 1866 году.

В 1874 году он становится послушником Николо-Угрешского монастыря. Соловьёв так пишет о причинах, приведших его в монастырь: «Камнепад жизненных невзгод — бедственное материальное положение семьи, вызванное смертью отца, сплошные неудачи на писательском поприще, болезнь матери — стал причиной моего тяжёлого душевного

Н.Я. Соловьёв

состояния, разочарования в жизни и обострения религиозного настроения».

В стенах Николо-Угрешского монастыря послушника из Монастыря взял под своё покровительство Константин Леонтьев. Соловьёв показал ему свою комедию «Женитьба Белугина», и Леонтьев, видя одарённость драматурга, передал пьесу А.Н. Островскому, которому она очень понравилась. Сделав некоторые поправки, Островский содействовал постановке пьесы на сцене. Так началось сотрудничество драматургов.

Писатель Пётр Михайлович Невежин (1841–1919), как и Соловьёв, связанный с Островским творческим сотрудничеством, писал: «Мы не вправе и не будем касаться того, что привело будущего писателя в монастырь, отметим только, что А.Н. Островский, прослышав, что у этого послушника есть пьеса, извлёк его из монастыря, поместив на время у себя, переработал найденные листки, и в русской литературе появилась новая пьеса «Счастливый день»².

В начале мая 1876 года Н.Я. Соловьёв поселился в имении Островского Щельково, где они совместно работали над пьесами «Счастливый день» и «Конец — делу венец» («Женитьба Белугина»). В сентябре того же года Островский представил вторую пьесу на конкурс в Общество русских драматургов. По этому поводу в письме от 4 апреля 1877 года Островский писал Соловьёву: «И комиссией, и судьями пьеса Ваша «Конец — делу венец» признана лучшей, но премии ей не назначено. Не огорчайтесь этим, Вы ровно ничего не потеряете. Теперь дорога на сцену ей открыта, и её, и другую — «Счастливый день» — уже просят для бенефисов. Значит, с будущего сезона Вы будете получать хорошие деньги с театров да, кроме того, возьмёте немало и за напечатание пьес в журналах. <...> Главное — Вам нужно успокоиться и непременно писать ещё пьесу. Неудачи Ваши, как кажется, кончились, и впереди у Вас несомненный успех»³.

В этом и во многих других письмах Островский называет автором этих пьес именно Соловьёва. Наверное, участие Островского в их написании и впрямь было невелико. Чтобы за пьесы хорошо заплатили, чтобы их приняли для постановки в театре, нужно было известное имя, и поэтому уже в письме от 10 мая 1877 года Островский пишет: «Многоуважаемый Николай Яковлевич, пристроить Вашу пьесу я хлопочу всеми силами и уж кое-что сделал для этого. Продешевить, сохрани Бог: зачем же терять трудовые деньги! Надо сделать так, чтобы заплатили хорошо. <...> Теперь прошу Вас прислать поскорей следующую бу-

А.Н. Островский

мажку: «Честь имею уведомить комитет Общества русских драматических писателей, что распоряжение пьесами «Конец — делу венец» и «Счастливей день», написанными мною в сотрудничестве с А.Н. Островским, я предоставляю А.Н. Островскому». Это необходимо по постановлению общего собрания 25 октября 1876 года. Искренне преданный Вам А.Н. Островский».

Вероятно, Соловьёв высказывал сомнения по поводу написания такого заявления, и в письме ему от 19 июля 1877 года Островский поясняет: «Это заявление прав собственности не

передаёт. Оно передаёт только право распоряжаться пьесой, то есть ставить её, отдавать в бенефис... Но для того чтобы поскорей пустить пьесы в ход, я должен был иметь от Вас такое заявление, иначе я распоряжаться ими не мог».

Далее в письме следуют денежные расчёты: «С императорских театров Вы будете получать деньги сполна. С провинциальных театров в Обществе гонорар будет расчисляться между нами пополам, но и тут из своей половины я могу согласиться взять только некоторую часть за свой труд. Таким образом, к нынешней осени Вы будете получать довольно значительный доход, а если напишете третью пьесу, то Вам вполне независимое положение будет обеспечено, чего я только и желаю».

Творческое сотрудничество Н.Я. Соловьёва с А.Н. Островским длилось пять лет. Совместно ими были написаны три пьесы: «Счастливей день», «Дикарка» и «Светит, да не греет». Для работы над этими пьесами Николай Яковлевич обычно приезжал в Щельково и оставался там надолго. Когда же ему приходилось отлучаться, то между драматургами шла оживлённая переписка. В полном собрании сочинений А.Н. Островского опубликовано более сорока его писем к Соловьёву, начинающихся неизменным приветствием «Многоуважаемый Николай Яковлевич» и подписанных «Искренне преданный Вам А. Островский».

Из писем видно, что великий мастер был очень заинтересован в творческом сотрудничестве с молодым драматургом. Коме-

дия «Дикарка» была опубликована в журнале «Вестник Европы», 1880, № 1 за подписями сначала Соловьёва, а затем Островского. Это свидетельствует о том, что великий драматург высоко ценил своего соавтора, поэтому кажется несправедливым, что с некоторых теперешних афиш перечисленных пьес имя Соловьёва исчезло.

«Он, бесспорно, даровитый человек, — говорил Островский о Соловьёве, — но это дарование своеобразно; оно совершенно не культивировано и опутано громадой чего-то ненужного, что приходилось счищать, чтобы добраться до зерна»⁴. Однако взаимоотношения Соловьёва с Островским были непростыми из-за нелёгкого характера Соловьёва и постоянного вмешательства Леонтьева, которому не нравилось идеологическое влияние Островского на молодого драматурга. Решив познакомить их, Леонтьев явно переоценил религиозность Соловьёва и своё влияние на него.

В борьбе за Соловьёва Леонтьев потерпел неудачу, о чём позднее горько сожалел и не оставлял попыток вырвать его из-под влияния маститого драматурга: «Островский все-таки, несмотря на весь поэтический дар свой, несколько нигилист, — внушал он своему бывшему подопечному. — Он ненавидит монашество, не понимает вовсе прелести и поэзии православия, не любит, видимо, с другой стороны, изящного барства. <...> Вы идеально и практически больше выгадаете, если подчинитесь влиянию Островского со стороны формы, а меня будете помнить хоть немного со стороны духа...»

Хотя разночинцу Соловьёву демократизм Островского был близок, усилия Леонтьева не пропали даром. После пяти лет сотрудничества с Островским Соловьёв решил работать самостоятельно. Им были написаны пьесы: «На пороге к делу. Деревенские сцены в 3 действиях», «Прославились», «Медовый месяц»⁵.

Во всех своих произведениях Соловьёв остался верен школе Островского, показывая нравы провинциального дворянства и чиновничества. Однако новые пьесы Соловьёва были совершенно лишены того блеска, которым обладали его сочинения, исправленные или дополненные рукой мастера. Наибольший общественный отклик получила постановка пьесы «На пороге к делу» (1879), где знаменитая актриса М.Н. Ермолова проникновенно играла сельскую учительницу.

Островский продолжал внимательно следить за творчеством своего недавнего соавтора. Он писал 13 апреля 1884 года: «Я очень рад, что Ваша работа идёт успешно. Из этой пьески можно

сделать настоящую конфетку, совершенно законченную в художественном отношении». Он снова предлагает ему сотрудничество: «Если Вы приедете в Москву в первых числах мая, то непременно меня застанете. Если же почему-нибудь Вам нельзя приехать так рано, то вышлите пьесу мне в деревню, я Вас убедительнейше прошу об этом; такие сюжеты приходят в голову нечасто, и манкировать ими грех. А лучше всего пришлите мне пьесу в Москву сейчас же, как кончите вчерне, а потом приезжайте, тут мы и столкнемся...» Хотя Соловьёв, по-видимому, не откликнулся на предложение своего наставника, переписка между ними продолжалась до самой кончины великого драматурга в июне 1886 года.

Краткое и почти одновременное пребывание Константина Леонтьева и Николая Соловьёва в стенах Угрешы в 1874 году оказало ощутимое влияние на их судьбы, творчество и личные отношения.

Ссылки и комментарии

¹ Одно из писем К.Н. Леонтьева свидетельствует о том, что причин его ухода из обители было несколько: неготовность к аскетическому образу жизни по состоянию здоровья, безденежье, нервное истощение. Вот что он писал: «В Угреше я старался исполнить всё, как мог, но не мог никак приучить себя к слишком уж грубой и простой будничной пище в общей трапезе, а покупать своё было в январе и феврале вовсе не на что; я до того ослабел от голода и заболел Великим постом от какой-то нервной одышки, что сам архимандрит угрешский благословил меня пожить на воле в деревне, а осенью вернуться, если захочу, в монастырь» (Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854–1891. — СПб., 1993. С. 115). *Примечание Е.Н. Егоровой.*

² А.Н. Островский в воспоминаниях современников. — М., 1966. С. 267.

³ Письма А.Н. Островского к Н.Я. Соловьёву цитируются по изданию: Островский А.Н. Полное собрание сочинений. — М.: ГИХЛ, 1953. Т. XV. С. 82–83.

⁴ *Невежин П.М.* Воспоминания об А.Н. Островском. ЕИТ, 1910. Т. VI. С. 8.

⁵ Пьесы Н.Я. Соловьёва опубликованы в книге: Русская драма эпохи А.Н. Островского. — М.: МГУ, 1984.

Елена Егорова

**«Святая музыка стиха»
игумена Антония (Бочкова)**

*Поэт, который редким чудом
Умел сберечь до поздних дней
Огонь поэзии под спудом
И им пиры мирских ночей
Не озарял, но как лампаду
Для ликов Божиих сберёг —
Тому подаст свою награду
Отец и Дародатель Бог¹.*

Игумен Антоний (Бочков)

Поэтические произведения занимают важное место в литературном наследии игумена Антония (Алексея Поликарповича Бочкова, 1803–1872), которое в основной своей части не было опубликовано и ныне постепенно открывается нам из архивных хранилищ и научных публикаций 2009–2010 годов.

*Игумен Антоний (Бочков)
1860-е гг.*

Алексей Поликарпович Бочков родился в Петербурге 14 марта 1803 года в богатой купеческой семье. Рано лишившись отца, мальчик остался на попечении своего деда Афанасия Бочкова, владельца знаменитых бань на Владимирской улице. Получив образование в одном из лучших столичных иностранных пансионатов, Алексей хорошо знал французский язык, несколько хуже немецкий и английский, неплохо рисовал, писал благозвучные стихи. Дедовское дело его совершенно не привлекало, он сдал полученные в наследство бочковские бани в аренду и занялся литературным творчеством.

В 1822 или в 1823 году Бочков женился на Анне Прокопьевне

*Владимирский собор в Санкт-Петербурге
Литография. Начало XIX в.*

евне Пономарёвой (1805–1827), младшей дочери богатого купца-сахарозаводчика Прокопия Ивановича Пономарёва (1774–1853), некогда пришедшего в Петербург с незначительной суммой денег и сделавшего миллионное состояние благодаря своей деловой смётке. В 1824 году в молодой семье Бочковых родился сын Пётр. Однако семейное счастье оказалось недолгим. Слабая здоровьем жена была настолько потрясена страшным наводнением в Петербурге в ноябре 1824 года, что вскоре заболела. Болезнь её быстро перешла в чахотку. Не помогло молодой женщине и лечение на курорте в Ревеле (ныне Таллинне), куда возил её муж в 1825–1826 годах.

Сильно переживая болезнь любимой жены, Бочков находил отдушину в литературном творчестве. Полученные в Эстляндии (ныне Эстонии) живые впечатления нашли отражение в его «Письмах из Ревеля», опубликованных в нескольких номерах журнала «Благонамеренный» в конце 1825 — начале 1826 года, и в очерке «Екатеринентальский сад и церковь св. Николая в Ревеле»², увидевшем свет в «Календаре муз на 1826 год». В этих произведениях чувствуется интерес автора к истории, культурным ценностям и бытовым традициям Эстляндии. В прозе он был последователем и единомышленником А.А. Бестужева-Марлинского³, сочинения которого ценил очень высоко. Однако лучшие повести А.П. Бочкова о ливонском рыцарстве «Красный яхонт» и «Монастырь святой Бригитты»⁴ не стоит рассматривать как прямое подражание твор-

честву Бестужева-Марлинского. В них явно проступает творческая индивидуальность автора. Его оригинальный слог отличается от бестужевского, несколько тяжеловесного и «кудрявого», большим изяществом, простотой и одновременно поэтичностью, отчего легче воспринимается современным читателем. Повести Бочкова довольно лаконичны, написаны в форме пересказа преданий, якобы услышанных автором во время путешествий. Сюжеты его «рыцарских» повестей, как правило, имеют трагическую развязку в духе Шекспира.

В примечаниях к очерку «Екатеринентальский сад и церковь св. Николая в Ревеле» А.П. Бочков приводит своё раннее стихотворение о рыцаре, который предстаёт в образе небесного паладина:

*Наш храбрый паладин налечник опускает
На грозное лицо своё,
Берет огромное копьё
И на коня, как молния, взлетает.
С какою ловкостью герой сидит в седле!
Дамасской сталью грудь покрыта,
И гордого коня копыта
Едва касаются земле.*

Это стихотворение, одно из немногих опубликованных, даёт некоторое представление о раннем периоде поэтического творчества А.П. Бочкова, который условно можно назвать «рыцарским» (условно, потому что он писал не только о рыцарстве), или романтическим.

Смерть горячо любимой жены в 1827 году стала большим потрясением для молодого литератора. Тяжёлый душевный недуг, который он перенёс, подтолкнул его к решению отказаться от мирской жизни. С 1828 года А.П. Бочков путешествовал по монастырям, но нигде не мог найти того идеала монашеской жизни, к которому стремился.

К началу этого периода относится его мимолётное знакомство с А.С. Пушкиным, чем он обязан

Бестужев-Рюмин М.П.
Андрей Андреевич Ивановский
Рисунок. 1826 г.

А.А. Ивановскому⁵, своему другу и издателю. В середине апреля 1828 года Пушкин через Бенкендорфа подал прошение царю определить его в действующую армию в Закавказье. Отказ Николая I поэт счёл немилостью, и это послужило причиной его болезненного состояния. 21 апреля 1828 года Пушкин подал новое прошение с просьбой разрешить ему выезд в Париж. По поручению своего начальника А.Х. Бенкендорфа Ивановский поехал к Пушкину в гостиницу Демута, где тот проживал. Перед выездом к нему по обыкновению зашёл

Пушкин А.С. Автопортрет
1828 г.

А.П. Бочков, и они направились к поэту вместе. Во время беседы, на которой присутствовал Бочков, Ивановскому удалось тактично убедить Пушкина, что отказ императора не означает немилости. Настроение и самочувствие поэта сразу улучшились. На прощанье он, радостно улыбаясь, вручил Ивановскому экземпляр поэмы «Цыганы» с дарственной надписью.

«Товарищ мой, в первый раз увидевший Пушкина и зорко в эти минуты наблюдавший его, — писал Ивановский, — был поражён удивлением при очевидности столь раздражительной чувствительности поэта, так тяжело заболевшего от отказа в удовлетворении его желания и так мгновенно воскресшего от верных, гармонизировавших с его восприимчивой душой представлений. «Вот где надо изучать сердце поэта и вообще человека и вот как должно действовать на уврачевание его нравственных недугов», — сказал мой спутник. «Эти минуты никогда не изгладятся из моей памяти», — заключил он»⁶.

Бочков далеко не всё принимал в творчестве великого русского поэта, считая, что он не достиг высот гениев западноевропейской литературы, и, тем не менее, в 1860-х годах в стихотворении «Две птицы» писал о дне гибели Пушкина:

*В сей день наш великий певец
Убит был на смертной дуэли.
И я попрошу, чтоб Отец
Его помянул. Ведь мы пели
И в юности, в зрелости лет
По складу его и по ладу:*

*Так пусть же великий певец
Получит помин и отраду⁷.*

До 1832 года, по словам А.А. Ивановского, Алексей Бочков «много писал, но мало печатал»⁸. Постепенно духовные искания привели его почти к полному отказу от литературного творчества. «В 1835 году ... испытал себя в поэзии, я бросил свою гитару... Вот маленькая строфа накиданного тогда стихотвореньица, начало которого я забыл. Говоря о надеждах на бессмертие и на будущее тогдашних юношей-поэтов, сказал я о Времени-Сатурне:

*Они поют... Старик сидит
Задумчиво у пирамид,
В песках Египта вознесенных:
Где ж пирамиды незабвенных
Бессмертных наших молодцов? —
Ах, опыт грозный мне порука,
Что не останется и звука
От наших нынешних певцов.
И не Сатурновой рукою
Сравнятся с прахом и землёю
Их обелисков высоты:
Не время свергло их — ничтожность!
Вот нашей славы непреложность!
Вот сами гордые мечты!
Поэт! Вот как бессмертен ты!»*

Из письма⁹ к м. Марии (Шаховой)
от 14 июня 1864 г.

Известно лишь одно произведение, написанное им за период с 1836 по 1850 год: «Повилика, обвивающая дуб» (1840).

Бочков побывал во многих монастырях, в том числе в Оптиной пустыни, где его духовным наставником был преподобный старец Леонид (Наголкин), в схиме Лев. Наконец, в 1837 году о. Антоний стал насельником Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, настоятелем которой был архимандрит Игнатий (Брянчанинов, 1807–1867), впоследствии епископ Кавказский и Черноморский. Образованный и талантливый о. Игнатий, автор «Аскетических опытов» и духовных стихотворений, стал наставником и другом А.П. Бочкова, хотя отношения между ними не всегда складывались идеально.

В Троице-Сергиевой пустыни Бочков с перерывами прожил до мая 1844 года. В это время он часто бывал в Петербурге, где останавливался в доме тестя П.И. Пономарева, на чьём попечении остался его сын Пётр. Мальчик был хорошо воспитан, ус-

*Вид Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне
Литография с тоном. 1841 г.*

пешно учился в пансионе Журдена, по окончании которого дед определил его к себе в контору. Тогда судьба юноши не внушала опасений.

В 1844–1846 годах А.П. Бочков формально числился в Троицком Гуслицом монастыре Полтавской епархии, а фактически жил в доме епископа Полтавского Гедона (Вишневого, 1797–1849), который был также духовным писателем и церковным историком. Он весьма благоволил к своему послушнику и постриг его с именем Антоний 5 ноября 1844 года. 13 декабря 1845 года его рукоположили в иеродиакона и через четыре дня — в иеромонаха.

Старо-Ладужский монастырь. XIX в.

В 1846 году о. Антоний перешёл в Старо-Ладожский Николаевский монастырь Петербургской епархии. Здесь он жил в двухэтажном деревянном доме, окружённом садом и цветниками. На втором этаже в двух комнатах мезонина жили его послушники.

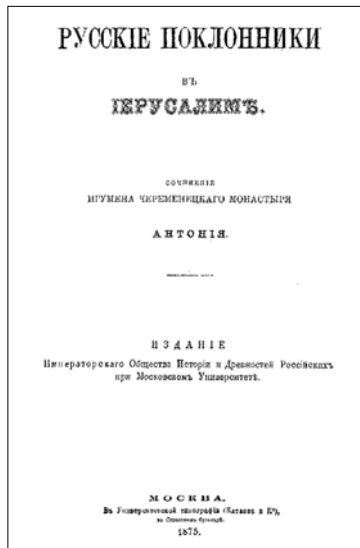
В 1846–1847 годах о. Антоний впервые направляется на Святую Землю, кото-

рую ему позднее довелось посетить ещё дважды: в 1851–1852 годах по возвращении из паломничества на Святую гору Афон и в 1857–1858 годах, когда он побывал на обратном пути в Италии и Австрии. Его книга «Русские поклонники в Иерусалиме» вышла в свет при содействии профессора Московского университета О.М. Бодянского в 1875 году уже после смерти автора. В своём повествовании Бочков отходит от канонов путевых заметок. В центре его внимания не только сами достопримечательности и их история, но и быт русских паломников, местные обычаи и этнографические особенности, как в его ранних «Письмах из Ревеля».

Возможно, именно посещения Святой Земли и Афона постепенно всколыхнули новую мощную волну поэтического творчества игумена Антония. В письме к монахине-поэтессе Марии¹⁰ (Шаховой) от 8 апреля 1864 года отец Антоний писал: «До 1848–го

года и даже до 1850–го я не читал ни журналов, ни стихов с 1836–го года. В эти 12 лет стихосложение уже так пошло вперёд, что за ним мне следовать едва ли можно. А в 1851–м году в Ладогe я стал писать стихами. Потом, когда начал читать новейшие журналы, то ужаснулся слабости своих трудов; не говорю о мыслях, но о конструкции. После Фета, Бенедиктова, Мея, Майкова, Некрасова все усечения сделались уже смешными: преклоненны, воспламененны почти изгнаны из поэзии. Глаголы уступили место новым словам»¹¹.

Возвращению к литературному творчеству способствовала духовная дружба и переписка о. Антония

Монахиня Мария (Шахова)
Фотография. Середина XIX в.

А. Бочков. Вид Черемнецкого монастыря с запада. Рисунок. 1864 г.

Игумен Антоний (Бочков)
Вид Черемнецкого монастыря с запада. Рисунок. 1864 г.

с м. Марией (Шаховой). Хотя он был гораздо старше и духовно опытнее её, они во многом были единомышленниками. Пик этой плодотворной переписки приходится на 1860-е годы, когда о. Антоний был игуменом сначала Введенского Островского монастыря Новоладожского уезда (в 1859–1862 гг.), а потом Иоанно-Богословского Черемнецкого монастыря Лужского уезда (в 1862–1868 годах). Посылая по почте о. Антонию свои произведения, м. Мария вдохновляла его на сочинение ответных стихов и вообще на поэтическое творчество.

*...Нет, искра на челе поэта
Не потухает никогда,
И дожидается рассвета
Одна полночная звезда.
В час тихих утренних молений
Она восходит и блестит,
Как тихий благотворный гений,
С небес на, тёмных, нас глядит.
Ей даже свет зари не страшен:
В бледно-зелёных небесах
Она блестит, как светоч башен,
Путь указующий в волнах¹².*

Эти строки из поэмы игумена Антония (Бочкова) «Успенский монастырь» обращены к м. Марии, но в полной мере их можно отнести и к нему самому.

В целом всё поэтическое творчество о. Антония имеет духовную направленность. По тематической и жанровой общности можно условно выделить такие группы произведений:

- На евангельские и исторические сюжеты, связанные с паломничествами на Святую Землю: «Тивериада», «Гефсимания», «Бейрут»; «Путники», «Сквозь тусклые окна темницы...», «Искуситель», «Севастия», «Нет, не вотще крестовые походы...», «Акелдама»;

- На сюжеты из российской истории и текущие события: «Белорусские дороги», «Волховские пороги», «Мститель», «Два собора», «Юный гибкий стебель...», «Полночный исполин»;

- Лирические и эпические произведения, связанные с паломничествами на Афон: «Афонская рапсодия» (7 стихотворений и поэм), «Афон», «Прощание с Афоном»;

- Переложения житий древних святых: «Чудо святого Николы о ковре», «Житие прп. Феодоры Александрийской», «Вонифатий и Аглаида», «Житие Алексия, человека Божия», «Примирение по смерти», «Пустынник и ангел»;

- Жизнеописания подвижников–современников: «Живой плач. Антон Иванович Зиновьев», «Тихвинский пещерник», «Памяти о. Леонида», «Ю.Ю. Лисянский»;

- Духовно–философская лирика, в том числе о монашеской жизни: «Дуб», «Слёзы и жёлчь», «Богослов», «Течёт река и вьётся пышным садом...», «Нам всё дано: и ум и воля...», «Хотя я прожил долгий век...», «Златострунная псалтирь...», «Переложение псалма 142», «Искры света», «Музыка природы», «Он, ангелов Своих оставив и всю славу...», «Идеал», «Я брошен был на дикую скалу...» и другие;

- Аллегорические стихи на темы литературного творчества: «Две птицы», «Пастух–бандурист», «Ночная птица», «Старинные гусли», «Стихи мои — поблёкшие венки...», «Романическое стихотворение...»;

- Сатиры на жизнь духовенства, монашества, российского и зарубежного общества: «Орлы и петухи», отрывок о злключениях инока Панкратия, «Кавалер–архимандрит», «Кавалеры», «Решение итальянского вопроса», «Издалека я слышу топот...», «Свиток», «Прощание А.П. Башуцкого», «Мы, кажется, живём под Римом...»;

- Послания: «Цветы от Вас кладу в альбом...», «Для Марии Андреевны Башуцкой», «Монахине–поэту» и другие;

- Многосюжетные и многожанровые произведения: поэмы «Петербургский сборщик–ангел», «Ангел–странник», «Успенский монастырь», «Зеленецкий лес».

Он Антонию Своих атташил и все шаву,
 Наш грешный посмущил во образ раба.
 Ему отец предполн разбойника Варавву,
 Он соннам был бачуръ у отца;
 Он не мачит битъ въ дашу Архиръ,
 Писатомъ выставляе въ крови и наотн;
 Его судили вѣнъ, казниши, какъ Хлодъ,
 Онъ за враговъ своихъ мочили на крѣсто.
 Онъ странно родилъ подъ сводами пещеры
 И странникомъ въ чужой гробницѣ погребенъ.
 Въ Мему, Спаштено, въправѣ оконъ върѣ,
 Мочили грешный я, колототрѣмленъ.

Последнее стихотворение изъмена Антония (Бочкова)
 Автограф. 1872 г.

С точки зрения языка и техники стихосложения произведения о. Антония находятся на весьма достойном уровне. Они образны, мелодичны и благозвучны. На 100 звуков в них приходится от 40 до 44 гласных, как у лучших русских поэтов XIX века. Объем лексикона на 1000 слов в поэме «Петербургский сборщик-ангел», по нашим подсчетам, составляет около 580 слов, что является очень хорошим показателем (для сравнения, в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина этот показатель — около 620 слов).

Судя по письмам к м. Марии (Шаховой), о. Антоний очень тщательно редактировал свои стихи, хотя не предназначал их для печати, и был предельно самокритичен. В его произведениях переносы ударений редки, отсутствуют отклонения от классических стихотворных размеров, за исключением стихов со словом «Иерусалим», которое, вероятно, произносилось как «Ерусалим». Обращает на себя внимание свободное владение всеми стихотворными размерами, выразительными средствами поэзии, мелодическое богатство стихов и широта тематики.

В стихах о. Антоний тонко отразил свои впечатления от пережитых событий и духовные раздумья, носящие апокалипсический оттенок. На сюжет российской истории написана поэма «Полночный исполин», завершающаяся такими строками:

Всевышний Господи! Где Твой Иеремия¹³?
 Пусть к покаянью нас воплями зовѣт,
 Пускай пророчески он скажет, что Россія
 На всех парах к погибели плывѣт.

*«Ингерманландом» наречённый,
Корабль в дни Невского разбился о скалы,
И в адмиральский день, от груза облежённый,
«Лефорт» хлебнул балтийские валы.
Рукой Всевышнего широкими чертами
Начертаны нам грозные судьбы,
Но мы не видим их стеклянными очами,
Не слышим нашими оглохшими ушами
Гремящей издали архангельской трубы!⁴*

*Круговихин К.В. Крушение корабля «Ингерманланд»
30 августа 1842 года у берегов Норвегии. 1843 г.*

Недобрыми предзнаменованиями грядущих бед России представляются прозорливому о. Антонию катастрофы тех лет: крушение корабля Балтийского флота «Ингерманланд» 30 августа 1842 года, в день памяти св. Александра Невского, и крушение линкора «Лефорт» 10 сентября 1857 года, когда праздновалась годовщина победы русского флота под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова над турецким флотом у мыса Тендра, одержанной в 1790 году.

Для творчества о. Антония характерны раздумья об упадке монашеской жизни вкупе с осознанием её трудностей и величия («Дуб», «Я брошен был на дикую скалу...» и др.), а также мотивы личного покаяния:

О юность, юность! ты с надеждой,
 С любовью, с верой к нам идёшь
 И мыслишь, что с иной одеждой
 И ты иную жизнь начнёшь;
 Что с мантией крилё дадутся
 И с покрывалом небеса;
 Что страсти также остригутся,
 Как остригают волоса.

<... >

Увы! я плачу и стенаю,
 Что знаки духа получив,
 Я духу плоть не покоряю,
 По-прежнему грехолюбив.
 Ужели, взявши крест священный,
 Всей мыслью крест не возлюблю?
 И душу, этот дар бесценный,
 Дар Божий, вечно погублю?¹⁵.

Отрывок из поэмы «Успенский монастырь»

1860-е годы для о. Антония были омрачены тяжёлым состоянием его сына Петра, к сожалению, не унаследовавшего ни деловой сметки деда, ни литературных и духовных наклонностей отца. Получив после смерти П.И. Пономарева большое состояние, молодой человек поддался всевозможным соблазнам по примеру своих двоюродных братьев, бездумно проматывавших наследство. Бывшие сахарные заводы он продавал за бесценок,

Игумен Антоний (Бочков)
 с духовными чадами. 1860-е гг.

лишь бы скорее выручить деньги на разгульную жизнь. В 1861 году святитель Игнатий Брянчанинов в письмах выказывал сочувствие о. Антонию по поводу такого поведения сына, советовал молиться о нём, поручая его милости Божией. Тяжёлый паралич стал следствием неводержанной жизни Петра Алексеевича Бочкова. Его привезли в Черемнецкий монастырь из Парижа в беспомощном состоянии. Тяжко страдая, сын прожил на по-

слушании у отца почти восемь лет и скончался 14 февраля 1869 года.

Тем не менее, общий тон поэзии игумена Антония (Бочкова) того периода нельзя назвать унылым, упадочным, чему подтверждением являются стихи, публикуемые в настоящем альманахе.

Проведя три года на покое в Черемнецком монастыре, весной 1871 года о. Антоний перешёл в подмосковный Николо-Угрешский монастырь по приглашению его настоятеля архимандрита Пимена. Старец, раньше не раз бывавший на Угреше, поселился в уединённом домике в Петропавловском скиту, что на берегу живописного пруда. Келья его, построенная для тогда уже покойного бывшего настоятеля игумена Илария, в схиме Илии, была удобной и просторной. Здесь, казалось, о. Антоний нашёл место, почти соответствующее его представлениям о созерцательной монашеской жизни, как в первые века христианства. Настоятель, симпатизировавший старцу, так отзывался о нем: «Отец Антоний был человек весьма тихого и кроткого характера, и с ним было бы жить весьма легко, если бы он имел поболее силы воли и не так легко смущался иногда весьма ничтожными обстоятельствами»¹⁶.

Игумен Антоний (Бочков)
Вид Черемнецкого монастыря с востока. Рисунок. 1864 г.

*Вид Николо-Угreshского монастыря с Москвы-реки
Литография. 1860-е - 1870-е гг.*

Насельники монастыря относились к о. Антонию с любовью и почтением. Однако спокойная жизнь престарелого игумена продолжалась менее года. В Москве разразилась страшная эпидемия тифа. Екатерининская больница для черно-рабочих, находящаяся на Страстном бульваре, была переполнена. Больных и умирающих было так много, что приходское духовенство не успевало совершать необходимые требы: исповедь, причастие, соборование, отпевание. Зимой 1872 года митрополит Московский Иннокентий подписал воззвание к монашествующим с приглашением добровольно служить страждущим в больницах. Одним из первых на него откликнулся о. Антоний (Бочков). Вот что писал об этом поступке старца его духовный сын князь

*Красноснободцева Е.М.
Игумен Антоний (Бочков)
на Угреше осенью 1871 года. 2009 г.
Холст, масло.*

Н.С. Голицын: «Дружественно расположенный к нему архимандрит Пимен из участия к нему представлял ему, что идти на призыв в Москву — значило идти почти на смерть. Но о. Антоний в порыве христианского милосердия к ближним с мужеством и твёрдостью настоял на своём решении идти в Москву — и пошёл. Едва прибыв туда, в Екатерининскую больницу, он сразу же приступил к исправлению духовных треб для всех больных и умиравших от тифа, исправлял их ежедневно, еженощно и почти ежечасно, не имея при этом почти ни минуты покоя, отчего, конечно, истомился, ослабел, получил расположение к заразе, заразился и слёг в постель»¹⁷.

О роковых последствиях этой болезни архимандрит Пимен писал: «Как первый делатель, он установил надлежащий порядок при отправлении треб и, как добрый пастырь, а не как наёмник, положил душу свою за ближних. Во время пребывания своего в больнице он заболел. Я предлагал ему возвратиться в монастырь, но он не пожелал, говоря: «Ежели такова воля Божия, то я желаю умереть на подвиге». Желаемое им исполнилось: он скончался апреля 5, 1872 года»¹⁸.

В этой смерти есть нечто романтическое. Подобно герою своей ранней повести «Красный яхонт» благородному рыцарю Альфреду фон Меллину, ценой смертельного ранения спасшему

*Петропавловский скит Николо-Угрешского монастыря
Начало XX в.*

*Панихида у восстановленной могилы игумена Антония (Бочкова)
29 октября 2007 г.*

незнакомого ему еврея от разбойников, о. Антоний, не щадя себя, спасал души погибающих от тифа бедняков. Своими жизненными принципами и понятиями об истинном монашеском служении он не поступился.

*Могила игумена Антония
2009 г.*

Похоронили старца в Петропавловском скиту Николо-Угрешского монастыря слева от церкви. В годы советской власти надгробие его было утрачено. 29 октября 2007 года во время I Антониевских чтений, состоявшихся в Николо-Угрешском монастыре, могила подвижника была восстановлена и на ней совершена первая панихида.

Игумен Антоний (Бочков) не входил в число выдающихся поэтов своего времени, но был талантливым, мудрым и самобытным автором, чьи произведения, несомненно, интересны не только специалистам, но и широкому кругу любителей духовной литературы.

Ссылки и комментарии

¹ Из письма к монахине Марии (Шаховой) от 8 июля 1865 года // ИРЛИ. Сигн. 3589. Л. 164.

Здесь и ниже произведения, отрывки из писем и рисунки публикуются по изданиям:

«И дружба сохранит немногие листки» (Письма игумена Антония (Бочкова) к монахине Марии (Шаховой)) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 гг. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009. С. 313–433.

Дон Кихот русского монашества: Жизнь и творчество игумена Антония (Бочкова) (1803–1872): Исследования и публикации / Сост. Е.М. Аксёненко, иеродиакон Антоний (Козин). — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2010.

² Календарь муз на 1826 год. — СПб., 1826. С. 60–75.

³ **Бестужев-Марлинский Александр Александрович** (1797–1837), русский писатель и критик, один из зачинателей русской романтической прозы, декабрист.

⁴ Календарь муз на 1827 год. — СПб., 1827. С. 124–205.

⁵ **Ивановский Андрей Андреевич** (1791–1848) — делопроизводитель Следственного комитета по делу декабристов, чиновник III отделения, литератор, издатель.

События, связанные со знакомством А.П. Бочкова с А.С. Пушкиным, излагаются по публикации:

Ивановский А.А. Александр Сергеевич Пушкин 21-го и 23-го апреля 1828 года // Русская старина, 1874, № 2. С. 395–396.

⁶ Ивановский А.А. Александр Сергеевич Пушкин 21-го и 23-го апреля 1828 года. С. 395.

⁷ Стихотворения игумена Антония // РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 46.

⁸ *Ивановский А.А. Александр Сергеевич Пушкин 21-го и 23-го апреля 1828 года.* С. 396.

⁹ Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 год. С. 270–271.

¹⁰ **Шахова Елизавета Никитична** (в иночестве Мария, 1821–1899), духовная поэтесса, писательница, автор книг «Опыт в стихах» (1837), «Стихотворения» (1839), «Повести в стихах» (1842), «Мирянка и отшельница» (1849), «Памятные записки о жизни игуменьи Марии Тучковой» (1865), «Юдифь» (1877).

¹¹ Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 год. С. 350–351.

¹² Стихотворения игумена Антония. Л. 67.

¹³ **Иеремия**, великий пророк Ветхого Завета (VI в. до н.э.), день памяти 1/14 марта.

¹⁴ Стихотворения игумена Антония. Л. 34–34 об.

¹⁵ Стихотворения игумена Антония. Л. 64–64 об.

¹⁶ Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского Угрешского мужского монастыря. — М., 1877. С. 209.

¹⁷ *Голицын Н.С.* Иеромонах Антоний Бочков // Русская старина, 1889, № 11. С. 373.

¹⁸ Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского Угрешского мужского монастыря. С. 208.

Игумен Антоний (Бочков)

«Бисер Евангельский тайнонайденный...»

Духовные стихи

Путники

От Назарета до Вифлеема путём гористым
Маститый старец ведёт ослицу благоговейно.
На ней Девица под покрывалом бело-волнистым, —
Как лёгкий облак, как роза утра, как цвет лилейный.
Не видно в этом лице прекрасном земных желаний.
Опущен взор, и в устах молитва о чём-то чудном.
Широкий пояс стан обвивает, у персей длани.
На этом дальнем пути гористом и многотрудном
Оберегает залог священный Её вожатый,
И с влажным взором идёт ослица неторопливо.
Незримо въётся духов блаженных собор крылатый:
Он охраняет своей Царицы путь молчаливый.

Вот Вифлеема сад виноградный на горном скате,
В зиме восточной не снег белеет — цветок миндальный.
Уж солнце низко, пол-лика видно лишь на закате:
Оно склонило к ногам идущих свой луч прощальный.
Им расстилают ковры златые земля и небо;
А, Вифлеем, людьми кипящий, чем их встречаешь?
Давидов город, предначерченный столицей хлеба!
Снопа колосьев, снопа соломы не подстилаешь!
Им нет ни крова, им нет ни дома в твоей ограде.
Но вот сгоняет в пещеру агнцев пастух убогий,
Меж ними скрылся, овча и пастырь в послушном стаде.
Вступает тихо Царица Неба в свои чертоги,
В вертеп холодный, где камень голый Ей будет ложе.
Её Младенцу готовы ясли, не кресла трона.
Чей ум постигнет Твой путь смиренный, великий Боже?
Где воцарился, Давид небесный, царю Сиона?

* * *

Нам всё дано: и ум, и воля;
Бессмертием почтил нас Бог,
Но странствию в земной юдоли
Он положил недолгий срок.

И мы песчинку этой пыли,
Мгновение земных часов,
Жизнь нашу, с вечностью сравнили,
С блаженством будущих веков.

Нам верное в стране небесной
Отсюда кажется мечтой,
Как на дороге неизвестной
Ландшафт за будущей верстой.

Пройдённый путь наш с небом слился,
Синеет в дальней полосе,
И след наш пылью покрылся
На исчезающем шоссе.

Идём мы, но зари востока
Никто из смертных не достиг,
К нам ближе путь наш невысокий,
Нам вечность — настоящий миг.

Любовь к минутной нашей жизни
Охотно братьям простим
И вдаль к небесной той отчизне
Духовный взор наш устремим.

Слёзы и жёлчь

Капли целений божественной вазы,
Чистые перлы, драгоценные алмазы,
Слёзы святые, дар Божий бесценный,
Бисер Евангельский тайнонайденный!
С вами душа ничего не желает,
С вами она целый мир забывает.
Светлое небо и с пологом дальним
Смотрится в озере тихом кристальном.
Ночью земля в тишине совершенной
Слушает тайные гимны вселенной.
Смолкнули бури, утихнули грозы.
Так и при вас, умиления слёзы,
Всё умиряется, всё умолкает —
Трепетно Господу сердце внимает.
Мир недомыслимый, мир неизвестный
Видится далее грани небесной.
Есть и другая слеза — сожалений,
К ближним любви, состраданий, молений.
Древние урны для них назначали,
Ими гробницы усопших венчали.
В море душевном есть перл без сиянья,
Скрытый глубоко — слеза покаянья;
С ним выплывает грехом поражённый,
Им обеляет сосуд очернённый.
Бедного грешника мелкие розы*,
Искры алмаза разбитого, слёзы,
Вы не погибли, вас ангел собирает
И на весы Судие возлагает.
Видно, Создатель ценил вас высоко,
Что поместил человеку во око.

Но человек — этот мир сокращённый —
Носит в душе своей яд потаённый
Горько-целительной жёлчи печальной.
К нам на язык, как на клинок кинжальный,
В каплях стекает он в час воздаянья
За неповинные горе, страданье.

*Роза — это искра алмазная Δ-подобной формы.

Часто смертельны нам эти уколы:
Жало вонзая, мы гибнем, как пчёлы.
Редко мы лечим насмешки иглою,
Но обличений правдивых стрелою
Сердце пронзённое жмётся от хлада —
И оздравляется каплею яда.
Им возвращается в битву страшливый,
В подвиг, в труды и в молитву ленивый.
Он вызывает дотоле невидный
Тёмный румянец у страсти постыдной.
Гордость житейская низится, жмётся,
Если насмешки игла к ней коснётся,
Ужас тщеславных. Одни фарисеи
И закоснелые в кознях злодеи
Будто не чувствуют сих уязвлений —
Но берегись за них тайных гонений.

* * *

Он ангелов Своих оставив и всю славу,
Нам, грешным, послужил во образе раба.
Ему здесь предпочли разбойника Варавву,
Он воинами был бичуем у столба;
Он по ланите бит в дому архиерея,
Пилатом выставлен в крови и наготе;
Его судили здесь, казнили как злодея,
Он за врагов Своих молился на Кресте.
Он странно родился под сводами пещеры
И странником в чужой гробнице погребён.
К Нему, Спасителю, взирая оком веры
Молюся грешный я, коленопреклонён.

1872

* * *

«Востани слава моя, востани псалтирю и гусли!»

Псалом 56

Златострунная псалтирь Царя и пророка,
От холмов Сиона, с Кедрского потока,
Сколько лет бряцаешь ты; при скольких владыках
Миллионами устен и на всех языках!
От палящего Синая и до льдистой Колы —
Во всю землю обтекают вещи глаголы.
Нет славнее этих песен, нет слаще для слуха:
Это голос вековечный Пресвятого Духа.
С самыя младенческие нашей колыбели
До последней христианской мертвенной постели
Эти песни нас встречают, нас и провожают;
С жизнью приветствуют, с нами замирают.

* * *

Светило голубья тверди
Лелеет мир, сей Божий сад;
Но винограду нужны жерди,
И гроздия на них лежат.

Монахи — те сухие колья*,
Держащие весь сад мирской.
Но прогрессисты из подполья
Касаются до них рукой.

Не троньте кольев. Рухнет с нами
Весь виноград, и всё замрёт;
Над непотребными гроздьями
Серпом Архангел проведёт.

1864

* Это сравнение свт. Димитрия Ростовского.

Архимандрит Пимен (Благово) и его поэма «Инок»

В 1871–1872 годах в стенах подмосковного Николо–Угрешского монастыря по воле Провидения пересеклись судьбы двух духовных писателей — игумена Антония (Бочкова) и послушника Дмитрия Дмитриевича Благово, впоследствии архимандрита Пимена. Принадлежали они к разным сословиям и поколениям, но их жизненные пути и духовные искания имели немало общего.

Дмитрий Дмитриевич Благово. 1858 г.

Игумен Антоний тогда был 68-летним старцем, более 40 лет подвизавшимся в монастырях, из которых 27 лет — на монашеском поприще. А Дмитрию Благово¹ в то время было 33 года, четыре из которых он провёл на послушании в Угрешской обители. Происходил он из знатной московской дворянской семьи, имевшей родственные связи со знаменитыми родами Волконских, Римских-Корсаковых, Щербатовых, Татищевых, Мещерских, Милославских, Салтыковых, Толстых. В младенчестве лишившись отца,

Дмитрий остался на попечении глубоко верующих женщин: матери Аграфены Дмитриевны и бабушки Елизаветы Петровны Яньковой, правнучки известного историка В.Н. Татищева. Детство будущего духовного писателя, родившегося в 1827 году, прошло в подмосковном имении Горки Дмитровского уезда. Получив под руководством матери хорошее домашнее образование, в 1845 году Дмитрий поступил на юридический факультет Московского университета, который успешно окончил в 1849 году. Два года он служил в канцелярии московского гражданского губернатора А.А. Закревского, внешне ведя обычную светскую

жизнь. Во второй половине 1850-х годов Благово часто посещал салон известной поэтессы Евдокии Петровны Ростопчиной, увлекался её умной и симпатичной дочерью Лидией. Внутренняя духовная жизнь молодого человека оставалась скрытой даже от его друзей.

С годами молодого автора всё больше захватывала литературная деятельность. Его первые дошедшие до нас поэтические опыты относятся к 1845–1846 годам. Занимая с 1852 года должность директора Дмитровских богоугодных заведений, он подолгу жил в родовом имении Горки, писал стихи, в которых предавался философским размышлениям о мире, о религии. В его произведениях ясно прослеживается влияние В.А. Жуковского, раннего М.Ю. Лермонтова, Е.П. Ростопчиной и преобладают грустные элегические мотивы, сквозит разочарование в высшем свете, хотя личная жизнь автора тогда ещё не была ничем омрачена. В 1858 году в Петербурге под псевдонимом вышла в свет первая публикация Д.Д. Благово «Два стихотворения Лаго» («Терем» и «Сельский сад»).

В 1857 году Благово неожиданно для друзей женился не на Лидии Ростопчиной, а на соседке по имени баронессе Нине Петровне Услар, восемнадцатилетней красавице. В это время он написал цикл любовных стихотворений, свидетельствующих о его чистой любви:

*...Отныне, чуждый для вселенной,
Я для неё лишь буду жить.
Любовью тёплой, неумной
Одну её всегда любить.*

Однако семейная жизнь оказалась не столь безоблачной, как мечталось Благово. Вскоре в его лирике снова появляются грустные мотивы:

*Отчего ты, сердце, бьёшься,
Словно птишка в западне,
На свободу ли ты рвёшься
Иль тоскуешь в тишине...*

В 1859 году Благово вышел в отставку. В молодой семье родилась дочь Варвара, в 1861 году — сын Пётр, который скоро умер. Смерть младенца стала началом семейной драмы, но совсем иного свойства, чем у о. Антония (Бочкова). В 1862 году произошло событие, надолго отравившее личную жизнь Дмитрия Дмитриевича: его жена влюбилась в молодого гусара и навсегда покинула мужа и дочь. Своё горе и тяжкое разочарование Благово излил в стихотворении «Новые вариации на старую тему»:

Теперь с другой уж точки зренья
 На жизнь и вещи я гляжу,
 И юных лет столпотворенья
 Я без пристрастия сужу:
 Кумир свой прежний называю
 Красивой куклой, но пустой;
 Любовь притворством я считаю,
 Надежду — милою мечтой².

Дмитрий Дмитриевич Благово
 с дочкой Верой. Середина 1860-х гг.

Дмитрий Дмитриевич переехал с дочкой в Москву, где его ждало новое горе: умерла его мать Аграфена Дмитриевна. Свет всё менее прельщал духовного писателя. По отношению к своей жене он поступил великодушно, предоставив ей в январе 1863 года документ, в котором «вину» за случившееся списал на собственную немощь. Он надеялся, что это оправдает скомпрометировавшую себя женщину, поможет ей получить развод и выйти вторично замуж. Однако Синод этому документу не поверил, в результате чего бракоразводный процесс длился до 1882 года — почти 20 лет.

В 1867 году, оставив бывшей жене все имения, включая любимые Горки, Д.Д. Благово решил удалиться в монастырь. Незадолго до этого он написал стихотворение «Вблизи», где есть такие строки:

Не соблазнил меня свет ложный
 Своей мишурной суетой,
 Своею пышностью ничтожной,
 Своею важной пустотой!

Благово стал послушником подмосковного Николо-Угрешского монастыря. С архимандритом обители преподобным Пименом у него сложились доверительные отношения. В своём ду-

ховном наставнике он высоко ценил мудрость, душевность, внимание к людям, поистине монашеские нестяжание и благочестие, практический ум и деятельную натуру, которая помогла ему возродить монастырь после многолетнего упадка и добиться его нового процветания и славы. Учитывая литературные дарования молодого насельника, прозорливый архимандрит Пимен дал ему послушание: изучить и систематизировать документы и предания по многовековой истории Николао-Угрешского монастыря. Эта работа стала продолжением семейных традиций для Д.Д. Благово, предком которого был историк Татищев. Осенью 1871 года труд был завершён и сдан в печать. В 1872 году вышел в свет «Исторический очерк Николаевского Угрешского общежительного мужского монастыря», по сей день являющийся ценнейшим источником сведений по истории обители. Имя автора на титульном листе не значится, и лишь предисловие скромно подписано: «Один из меньшей Угрешской братии Димитрий».

Игумена Антония (Бочкова) послушник Дмитрий Благово несомненно знал и с братской любовью к нему относился. Но часто и долгого общения между ними не было, потому что о. Антоний стремился к уединению, а Благово много времени тратил на свои архивные изыскания. В апреле 1872 года о. Антоний скончался в Екатерининской больнице на добровольном послушании: он окормлял там больных и умирающих от тифа и заразился сам. Дмитрий Благово разбирал архив покойного, где обнаружил рукопись книги «Русские поклонники в Иерусалиме», которую переслал профессору Московского университета О.М. Бодянскому для публикации. К рукописи была приложена фотография о. Антония, так описанная Д.Д. Благово: «Не правда ли, что эта голова чисто античной красоты, как говорят художники, и могла бы служить типом для изображения апостола. Вглядитесь в это высокое чело: сколько величия, спокойствия и богомыслия прочитаете вы на нём! Какая глубина и кротость во взгляде! Как прекрасен профиль! Как в целом все черты одна другой соответствуют! Весьма немного, редко случается встречать такие идеально-прекрасные и художественно-правильные старческие облики!»³

Качественно и тематически поэтическое творчество Благово с уходом автора в монастырь практически не изменилось: в нём и до этого была весьма значительная доля религиозно-философских стихов. Некоторые из них («Осенняя ночь», «Ручей») были написаны автором в юности, позднее он несколько раз их дорабатывал, будучи уже послушником. В 1866 году в Горках Бла-

Настоятели — Строители
Церквей и Архимандриты
Николо-Угрешской Обители.

1. 1432. Тока. Имелмо напечатана въ одной
рукописной книгѣ Житіе Свѣдѣна
прикасающаго Троицкой Лавры.
Книга писана имъ при Митрополитѣ
Зиновиѣ 1432—1443.
2. 1491. Авраамъ. Въ 1491 г. Кураториса
+ 1502. въ Коломенскіи Епископѣ, въ 1495 г.
находящая при поставленіи Москов-
скаго Митрополита Свѣдѣна, въ
1498 г. былъ при вѣнчаніи на Царство
Фимистриѣ Иоанновича
внука Иоанна III. Въ 1502 въ Венгрію
младшую представилъ.
3. 1493. Силуанъ. Въ 1493 г. Кураториса
въ Коломенскіи Епископѣ, въ 1495 г.
находящая при поставленіи Мос-
ковского Митрополита Свѣдѣна,
въ 1498 г. ставилъ Епархію уда-
ливъ на покой.
4. 1520. Михонокъ I. Въ 1520. Кураториса
въ Епископѣ Коломенскіи, въ 1522 г.
имелмо вступаясь въ пору-
ки записи Кн. Вас. Вас. Митрополита
обѣтѣ иму въ отъѣздѣ убо-
сударя своего.
5. 1545. Зиновиѣ. Упоминается въ Гра-
мотѣ вѣнчанной Монастырь Ца-
рени Иоанновѣ II.
6. 1572. Михонокъ II. Находящая на соборѣ
создающаго по слугаго четвертого
брака Иоанна II, подписавша на
разрѣшеніи на что Зиновиѣ
грамотѣ. Въ 1575. Кураториса

Д.Д. Благово. Список настоятелей Николо-Угрешской обители
Автограф. Конец 1860-х - начало 1870-х гг.

гово написал несколько больших стихотворений на евангельские сюжеты, переложений псалмов, что помогло ему пережить семейную драму. В середине 1870-х годов эти стихи, как и некоторые более ранние, Благово опубликовал в просветительских православных журналах «Душеполезное чтение», «Воскресные рассказы», «Книга для школ». В этих произведениях он старался точно передать сюжет без лирических отступлений и пояснений, в отличие от игумена Антония (Бочкова). Кроме того, Благово упростил, адаптировал лексику для детей.

В поэтическом творчестве Благово можно условно выделить такие группы произведений:

- Религиозно-философская лирика: «Когда в раздумье я гляжу...», «Пусть говорит младое племя...», «Одиночество», «Скорбящему другу», «Вблизи» и другие;

- Пейзажная лирика: «Весенняя ночь», «Осенняя ночь», «Сельский сад», «Вёдро и ненастье», «Степи», «Засохший цветок», «Люблю я осени дождливой...» и другие;

- Любовная лирика: «Терем», «Никому другому», «Отныне, чуждый для вселенной...», «Слова для музыки», «Новые вариации на старую тему»;

- Стихотворные послания: К.А. Вяземскому, А.А. Черткову, В.А. Беклемишеву и другим;

- Нравоучительные произведения на евангельские сюжеты и переложения псалмов: «Брачный вечер в Канне Галилейской», «Спаситель укрощает бурю», «Неправедный судия», «Какая заповедь больше есть в законе», «Блаженство», «Псалом 14», «Псалом 126» и другие.

- Нравоучительные произведения о современной жизни тех лет: «Бабушка и внучка», «Больное дитя», «Не печальтесь, не грустите...», «Имейте веру Божию» и другие;

- Автобиографическая поэма «Инок»;

- Сатирические пьесы (комедии) в стихах «Прогрессисты и консерваторы», «Умные женщины».

Период послушничества на Угреше стал самым плодотворным в творчестве Благово. Центральное место среди его произведений занимают не поэтические произведения, а исторические труды «Дворцовое село Остров. Историческое описание» (1875), «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию» (1875), «Угреша» (1881). В 1883 году вышел отдельным изданием биографический очерк «Архимандрит Пимен, настоятель Николаевского Угрешского монастыря», в 1880–1883 годах по частям публиковавшийся в журнале «Русский вестник». Там же тогда

печаталось одно из самых интересных и популярных его произведений — «Рассказы бабушки», вышедшие отдельной книгой в 1885 году. С юных лет Дмитрий Дмитриевич кропотливо записывал рассказы своей бабушки Е.П. Яньковой, видной старомосковской светской дамы и хранительницы семейных преданий. Опыт предварительной работы над книгой, которая воспринимается читателями как мемуары самой рассказчицы, а не творение её внука, пригодился Благово, когда он в 1870-х годах записывал и приводил в порядок «Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Нико-

лаевского Угрешского монастыря». Книга вышла в свет в Москве в 1877 году. Свою работу Дмитрий Дмитриевич выполнил весьма деликатно, намеренно оставаясь в тени и нигде не обнаруживая себя как действующее лицо, хотя он был непосредственным свидетелем многих событий. Книга, передающая оригинальный и очень образный строй речи архимандрита Пимена, стала ценнейшим источником сведений о повседневной жизни Нико-ло-Угрешской обители в 1830-е — 1870-е годы.

В 1873 году Благово сочинил во многом автобиографическую поэму «Инок», которая наряду с историческими трудами и мемуарами вошла в число его лучших произведений. Поэма написана хорошим литературным слогом, в котором чувствуется влияние поэзии М.Ю. Лермонтова. Думается, автор не случайно взял строки из произведений великого поэта в качестве эпиграфов к первой и четвёртой частям своего сочинения.

Поэма была впервые издана в Москве в 1874 году. Стереотипное второе издание вышло в свет в 1903 году. В 2005 году Нико-ло-Угрешский монастырь выпустил третье издание поэмы (в современной орфографии), снабжённое вступительной статьёй профессора В. Троицкого и комментариями к тексту. Первая глава начинается с описания затерянной среди лесов «на берегу ре-

ки широкой / в долине мир-
ной между гор» древней оби-
тели, некогда основанной пе-
решедшим в православие та-
таринном на месте, где татар-
ское войско потерпело пора-
жение от русского князя. Об-
раз обители здесь собиратель-
ный, вобравший в себя черты
нескольких монастырей. Гео-
графия местности и связь ос-
нования с победой над тата-
рами даёт право предпола-
жить, что одним из прообра-
зов обители в поэме является
Николо-Угрешский мона-
стырь. Описывая события,
происходящие с героями поэ-
мы, автор погружает их в до-
рогую его сердцу среду. Со-
сновый бор за рекой, село на

пригорке, овраг, пруд неподалёку от угловой башни, настоятель-
ские кельи в одном корпусе с трапезной, расположенный не-
сколько ниже их соборный храм — всё это можно было увидеть
тогда на Угреше.

Скромное материальное состояние обители, её
отдалённость от города (более 300 вёрст) и суровость климата,
основание крестившимся татаринном наводит на мысль о том,
что вторым прообразом обители в поэме мог быть Кожеезерский
Богоявленский монастырь Архангельской епархии. Одним из его
основателей являлся бывший пленный казанский царевич Тур-
гас Ксангарович, принявший православие с именем Сергей, в
иночестве Серапион. Упразднённая в 1764 году обитель была во-
зобновлена в 1851 году. В 1853–1854 гг. на Угрешу приезжал для
сбора средств иеромонах Митрофаний, причём его миссия увен-
чалась успехом: благотворитель Николо-Угрешского монастыря
московский купец П.М. Александров пожертвовал значительные
суммы на возрождение Кожеезерского монастыря. Данное обсто-
ятельство, вероятно, и обратило внимание Д.Д. Благово на эту
обитель.

Прототипом главного героя поэмы, князя Василия Слуцкого,
ставшего послушником в монастыре и принявшего иночество с

|| || О К Ж.

Такъ мы развалинамъ подобны
И, на распутии живыхъ,
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный,
Среди обителей людскихъ.

Кн. Вяземскій.

МОСКВА.

Типографъ А. П. Мамонтова и К^я, Девичьяя переулокъ, № 5.
1874.

и старушка-мать Василия. Испытывая душевные страдания и чувствуя всю пустоту светской жизни, Василий уходит в отдалённый монастырь, где у него складываются доверительные отношения с настоятелем и с духовником схимонахом Гавриилом. Здесь он обретает душевный покой и находит своё призвание в служении Богу:

*Когда он скорбью был томим,
И сердце снова, как бывало,
Тоски язвительное жало,
Предтечу тяжких долгих мук,
В себе внезапно ощущало,
Он прибегал к святым отцам,
Он брал их мудрые писанья,
Дар их любви простым сердцам;
И доблех старцев назиданья
Он с наслаждением читал,
И, как кору, он слой за слоем
Печаль с души своей скидал,
И дух, палимый скорби зноем,
Слезой отпадной прохлаждал*...*

Выбор фамилии главного героя, вероятно, не случаен: в пра-

Архимандрит Пимен (Благово)
1890-е гг.

вославных святцах есть праведная София, княгиня Слуцкая. Но не следует полностью отождествлять князя Василия с автором: в их судьбах есть и существенная разница. В отличие от героя поэмы у Д.Д. Благово осталась любимая дочь Варенька. Василий выполнял обычные монашеские послушания, не связанные с изучением истории монастыря и литературной деятельностью. Вполне возможно, описывая служение о. Варлаама после пострига в сане иеромонаха, Д.Д. Благово полагал, что его собственная судьба сложится подобным

образом, но Бог судил иначе. После кончины преподобного Пимена в 1880 году, писатель перешёл послушником в Толгский монастырь под Ярославлем. В 1882 году он наконец-то получил развод. Дочь Варвара к тому времени была уже три года замужем за известным историком, профессором Казанского университета Д.А. Корсаковым. Препятствий для принятия монашества у Благово больше не было, и он постригся с именем Пимен в память своего духовного наставника. В том же году его рукоположили в иеромонахи, а спустя два года возвели в сан архимандрита.

Бывшая супруга Д.Д. Благово баронесса Н.П. Услар является прообразом княгини Анны Слуцкой лишь отчасти. Героиня поэмы «Инок», как и Нина Петровна, отличается привлекательной внешностью, живёт в девичестве по соседству с будущим мужем, оставляет своего мужа и детей, увлечшись военным. Этим сходство ограничивается. Второй брак Н.П. Услар, вероятно, был для неё счастливым: она родила ещё двоих детей, имела несколько внуков и поддерживала впоследствии неплохие отношения со своей старшей дочерью Варварой. Иначе складывается судьба героини поэмы Анны Слуцкой, которую аферист-любовник вскоре бросает, воспользовавшись её деньгами. Испы-

тывая материальные затруднения, княгиня узнаёт, что её бывший супруг уже семь лет подвизается в монастыре. Она предпринимает попытку вернуть его, а если не удастся, то в отместку хотя бы искусить и смутить душевный покой. Однако служба в монастыре, во время которой игумен проникновенно читает акафист Пресвятой Богородице, настолько поражает княгиню, что приводит её к глубокому осознанию собственной греховности и желанию изменить свою жизнь, уйти в монастырь. С помощью игумена она эти

*Нина Петровна Благово,
урождённая Услар
Конец 1850-х - начало 1860-х гг.*

намерения исполняет, и через два года послушничества постригается с именем Феодора. Так бывшие супруги становятся братом и сестрой во Христе.

Есть некоторое сходство судьбы главной героини поэмы с эпизодами жития святой преподобной Марии Египетской, которая в молодости была распутницей, но, духовно преобразившись после молитвы перед иконой Богоматери в Иерусалиме, круто изменила свою жизнь, удалившись в пустыню, где в молитве, посте и лишениях провела более сорока лет, достигнув высокой степени духовного совершенства. Придел во имя преподобной Марии Египетской был устроен в Успенском храме Николо-Угрешского монастыря в 1850–1851 годах.

Одним из главных героев поэмы «Инок» является игумен монастыря. Хотя его имя автор ни разу не называет, в нём отчётливо угадывается архимандрит Пимен, любимый наставник Д.Д. Благово. Даже внешне бодрый и моложавый старец-настоятель походит на преподобного Пимена. Единственное отличие, может быть, состоит в том, что о. Пимен, страдавший болезнью почек, не был худощав. Эта черта напоминает внешность епископа Дмитровского Леонида (Краснопевкова), близкого друга архимандрита Пимена, многократно бывавшего на Угрене и освятившего в монастыре несколько храмов. Преосвященный Леонид был известен своим аскетизмом.

Биографические сведения об игумене монастыря в поэме практически полностью совпадают с житием преподобного Пимена: он пришёл в монастырь в молодом возрасте, был келейником прежнего игумена, от которого многому научился, прошёл множество всевозможных послушаний и, став настоятелем, мудро и рачительно управлял обителью, являясь также благочинным нескольких монастырей. Интересно, что архимандрит Пимен, как и игумен в поэме, прожил в Николо-Угрешском монастыре почти полвека. Образная и живая речь игумена в поэме напоминает своим складом язык «Воспоминаний архимандрита Пимена». Размышления об иночестве, его достоинствах и имевших тогда место пороках, о его целях, задачах, добродетельности, нестяжании словно взяты из записок «Мнение о современном состоянии монашества», надиктованных преподобным Пименом в 1873 году, когда Д.Д. Благово сочинил свою поэму «Инок». Некоторые черты характера и особенности биографии архимандрита Пимена роднят его с ещё одним персонажем поэмы — простым смиренным схимником старцем Гавриилом. Подобно этому литературному герою, преподобный Пимен не отли-

чался высокой светской образованностью и черпал мудрость в духовных книгах, в Священном Писании. Он многому научился у окружающих его людей, прошёл «жизненные университеты»:

*Обогащён умом природным,
Он сам себя образовал
И словом, ясным и свободным,
Живую мысль передавал.
Его боялись и любили,
Он был и строг, и справедлив,
По Богу ревностно-строгим.
К нему нередко приходили
Порой весьма издалика,
Чтоб только видеть старика,
Его беседой насладиться,
Благословение принять
И непритворно подивиться
Его уменью управлять⁵.*

Как и старец Гавриил, преподобный Пимен однажды пострадал от клеветы. Старец Гавриил — образ, скорее всего, соби-

Стены Николо-Угreshского монастыря. Рисунок XIX века

рательный. В период своего послушничества на Угреше Д.Д. Благово был знаком с монахами-долгожителями, подвизавшимися здесь на покое.

В поэме «Инок» нет ни одного отрицательного героя из числа монашествующих. Может сложиться впечатление, что Д.Д. Благово идеализирует монахов и монашескую жизнь. На самом деле это не так. Уже в первой главе настоятель обители в своей начальной беседе с князем Василием говорит о всевозможных пороках иноков. Интересно отметить, что в похожих выражениях об этом же пишет архимандрит Пимен в отдельных главах своих «Воспоминаний...», в основном посвящённых греховному поведению угрешских настоятелей Израила и Аарона, приведших монастырь в плачевное состояние в первой трети XIX века.

Отрицательным персонажем поэмы является соблазнитель княгини, из-за которого она покинула от мужа. В последней части упоминается его имя — Андрей Петрович. Трудно определить, кто же был его прототипом. Вероятнее всего, это образ собирательный. Велики были злодеяния этого персонажа: несколько брачных афер и мошенничеств, принёсших горе и гибель многим людям. Можно предположить, что Благово использовал сведения о реальных преступлениях, совершенных разными людьми, чтобы показать, сколь греховна была жизнь героя поэмы. Встретившись по воле Провидения с умирающим злодеем в доме благочестивого старика-крестьянина Федота, ни Варлаам, ни Феодора не осуждают его, а, напротив, прощают. Старец Варлаам в продолжительной беседе помог ему, некогда врагу и виновнику всех страданий, осознать свою порочность, прийти к искреннему покаянию и умереть по-христиански.

На первый взгляд, такой финал может показаться надуманным, маловероятным, начиная от самой встречи трёх главных

Архимандрит Пимен (Благово)
1890-е гг.

героев в одном доме и кончая раскаянием злодея. Однако можно взглянуть на эту ситуацию иначе. Глубоко верующий и стремящийся исполнять заповеди Господни крестьянин Федот постоянно привлекает у себя паломников, монахов и разных страдальцев, терпящих горе и лишения. Поэтому неудивительно, что инокия Феодора и иеромонах Варлаам останавливаются именно в его доме, что именно он взял на попечение умирающего странника Андрея Петровича, от которого отказались односельчане. В судьбе этого персонажа можно найти параллели с эпизодами жизни князя Юрия Смоленского, наместника Торжка. Зимой 1406 года князь Юрий совершил тягчайшее преступление: во время пира он коварно убил своего друга и соправителя князя Симеона Вяземского, чтобы овладеть его красавицей-женой Иулианией, которая хранила верность супругу, несмотря на настойчивые домогательства Юрия. Защищаясь, святая праведная Иулиания ранила убийцу, за что была им зверски зарублена. Боясь позора, Юрий Смоленский бежал в Золотую Орду, однако хан не принял его на службу. Около года преступный князь скитался, всеми презираемый, пока не обрёл приют в Венёве монастыре под Тулой, настоятель которого игумен Пётр наставил его молиться и побудил к покаянию. В 1407 году князь Юрий умер в нищете, плача перед смертью о своих великих грехах⁶.

Поэму «Инок» (по аналогии с известным выражением

*Могила архимандрита Пимена (Благово)
на кладбище «А католик» в Риме. 2000-е гг.*

В.Г. Белинского о романе в стихах «Евгений Онегин») можно называть «энциклопедией русской духовной жизни» того времени. В автобиографической поэме отражено увиденное и прочувствованное автором в Николо-Угрешском монастыре: красота архитектурного ансамбля и окружающей его природы, своеобразие уклада монашеской жизни, радость духовного общения с мудрым настоятелем обители и многое другое.

Дальнейшая судьба Благово сложилась вполне благополучно. С 1885 года до кончины в 1897 году он жил в Риме, служа настоятелем русской посольской церкви. Свою литературную деятельность Благово продолжил, писал стихи, издал жизнеописание нескольких святых и отдельной книгой исторический очерк Ярославского Толгского монастыря.

Двух духовных писателей — игумена Антония (Бочкова) и архимандрита Пимена (Благово), чьи судьбы ненадолго пересеклись на Угреше в 1871–1872 годах, роднит глубокая вера в Бога и многолетнее служение Ему на монашеском поприще. Каждый из них в меру дарованного таланта внёс свой вклад в развитие русской духовной поэзии и оставил творческое наследие, интересное современному читателю, достойное изучения и новых публикаций.

Ссылки и комментарии

¹ Факты биографии Д.Д. Благово приводятся по изданиям:

Орнатская Т.И. Рассказы Е.П. Яньковой, записанные Д.Д. Благово // Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово. — Л.: Наука, 1988. С. 343–375.

Антонова И.В. Архимандрит Пимен (Благово) // Егорова Е.Н., Антонова И.В. Угреша. Страницы истории. — Дзержинский: ДМУП «Информационный центр», 2005. С. 151–165.

² Это и два предыдущих стихотворения цитируются по книге: Рассказы бабушки. С. 366–367.

³ Антоний (Бочков). Русские поклонники в Иерусалиме. — М., 1875. С. III.

⁴ Благово Д.Д. Инок. — М.: Николо-Угрешский ставропигиальный монастырь, 2005. С. 60–61.

⁵ Благово Д.Д. Инок. С. 46.

⁶ Наиболее подробно об этих событиях написано в книге: Святая мученица благоверная княгиня Иульiania Новоторжская (местночтимая). — М.: Типография Вильде, 1910.

Автор выражает признательность В.К. Журавлёвой, праправнучке архимандрита Пимена (Благово), за предоставленные для публикации материалы из семейного архива.

Архимандрит Пимен (Благово)

«За пределом жизни тленной...»

Стихотворения

* * *

*Человек яко трава, дние его
яко цвет сельный тако отцветёт.*
Псалом 102

Когда я в раздумье гляжу на могилы,
Как грустно становится мне
Подумать, какие могучие силы
В себе поглотили оне:
И юности пылкой счастливые грёзы,
Надежды любви и отчаянья слёзы
Засыпаны той же холодной землёй.
И резвый младенец, и старец маститый,
Могучий вельможа и нищий с сумой —
Безмолвной могилой бесследно сокрыты,
Их ложе из тех же досок,
Лишь сверху здесь чудного мрамора плиты,
Там — просто сыпучий песок!

1846

Осенняя ночь

Всё оделось чёрной мглою,
Небо тускло, звёзды спят,
И над страждущей землёю
Ветры бурные шумят.
И деревья-великаны
Шлют свой ропот к облакам,
И поток, во гневе рьяный,
Пенясь, жмётся к берегам.

И сдаётся мне порою,
Будто зыблющийся бор
Начал с плачущей волною
Свой угрюмый разговор:

Жизнь и смерть возобновляют
Нескончаемый свой спор —
То вдруг волны зарыдают,
То застонет старый бор.

Бор угрюмый и дремучий
Хочет волнам рассказать,
Что с него рукой могучей
Ветер стал убор срывать.
А волна в тоске глубокой
Бору жалобно гласит,
Что неволею жестокой
Ей мороз зимы грозит.

О мечтатель, им внимая,
Посмотри ты на себя:
Ведь не так же ль скорбь живая
Гложет сердце у тебя?

Как у леса отнимает
Осень пышность и красу,
За листом листок срывает
В опечаленном лесу —
То же не было ль с тобою?
Вспомни, чем ты прежде был,
Как мечты в борьбе с судьбою
В жизни все ты схоронил!

Как волна теперь тоскует,
Что зима её скуёт,
Так и наше сердце чует,
Что нас то же в жизни ждёт.
Всё опять с весной проснётся:
Лес наряд свой обновит,
Льды растают, ключ пробьётся
И отрадно зажурчит...

Но для нас зима сурова,
Нас навек она скуёт:
Тем, кто отжил, лета снова
Жизнь вторично не даёт!

Мы, как лес, не ожидаем,
Что пробудит нас весна.
Мы, как листья, увядаем,
Исчезаем, как волна.

Но коль людям обновленье
В мире знать не суждено,
Им взамен от Провиденья
Благо высшее дано:
За пределом жизни тленной
Бог им Вечность посулил,
Но смысл тайны сокровенной
Он премудро утаил.

Там, за далью бесконечной,
Та желанная страна,
Где сияет солнце вечно,
Где бессмертная весна,
Где нет бурь и непогоды,
Где вся вечность — краткий миг,
Где сберутся все народы
Пред Владыкою язык!

В день всеобщий воскресенья
Там должны предстать и мы,
Там — весна и обновленье
После тяжелой здесь зимы.

1865, 1874

Псалом 14

*Господи, кто обитает
в жилище Твоём?*

В дому Твоём кто водворится,
Кто, Боже, внидет в Твой Сион?
Тот, кто душой к Тебе стремится,
Кто сердцем любит Твой закон,
Кто никогда ни клеветою,
Ни злом на зло врагу не мстит,
Кто любит истину душою
И не притвортсвует, не льстит,
Кто не хулит и не злословит,
Кто любит ближних как друзей,
Устам злоречивым не вторит,
Бежит беседы злых людей,
Кто право судит без приязни,
Пред кем нет лиц — одни дела,
И кто без страха, без боязни
Поборник правды, мститель зла,
Кто не погряз в любостяжанье,
Кто злата в лихву не даёт
И за свои благодеянья
Похвал и мзды себе не ждёт...
Таков он, муж благочестивый!
Ему отверст Господень дом...
А муж лукавый, муж строптивый,
С клеймом позора, со стыдом,
В селенья горние не внидет,
Зане, сын мира и тщеты,
Он только дольнее лишь видит
И чужд небесной высоты.

1866

**Последний настоятель Угрешской обители
архимандрит Макарий (Ятров)**

На долю архимандрита Макария (Ятрова) выпали тяжёлые испытания: он управлял Николо–Угрешским монастырём в период расцвета, когда численность братии значительно превышала 100 человек, и не оставил обители в годы гонений, когда действующей осталась только маленькая скитская церковь Петра и Павла. Жизнь отца Макария с детских лет была нелегка, и он рано научился преодолевать трудности.

Детство и раннее отрочество

1858–1869 годы

Архимандрит Макарий, в миру Михаил Иванович Ятров, родился 2 сентября¹ 1858 года, в день празднования Калужской иконы Божьей Матери, в селе Чулково Скопинского уезда Рязанской губернии. Происходил он из священнического рода. Его отец иерей Иоанн Саввич Ятров (1832–1871) служил в местной церкви во имя святителя Николая. Священниками были дед будущего архимандрита Савва Мокиевич Ятров², родной дядя Симеон Саввич³, двоюродные братья Иоанн Симеонович⁴ и Николай Симеонович⁵, двоюродный дед Трофим Мокиевич⁶ и двоюродные дяди Иоанн Трофимович и Стефан Трофимович⁷ Ятровы. Мать Екатерина Ивановна тоже происходила из духовного сословия⁸.

Село Чулково. 2007 г.

Крестили Михаила Ятрова в местной церкви 4 сентября 1858 года в честь Архангела Михаила⁹. Восприемниками были: помещик села Чулково титулярный советник Павел Михайлович Лихарёв и девица Анна Александровна Лихарёва, его племянница. Крещение совершил священник церкви соседнего села Победного Алексей Дубровин¹⁰.

Чулковская каменная церковь святителя Николая была построена «в 1760 году тщанием господина майора Дмитрия Васильевича Лихарёва»¹¹, отчего позднее село стали называть Чулково–Лихарёво. На её месте в «Чулковой казачьей слободе» издревле стояла одноимённая деревянная церковь.

17 декабря 1854 года Иоанн Савич Ятров после окончания Рязанской духовной семинарии был назначен священником в с. Чулково. В 1855 году в приходе церкви было «155 дворов, в коих мужеска пола 684, женска 723»¹². В бытность отца Иоанна настоятелем прихода Никольскую церковь с тёплым приделом во имя святителя Дмитрия Солунского перестроили, увеличили трапезную, возвели красивую колокольню. Все эти переделки производились на средства прихожан и закончены были в 1871 году¹³.

Свято-Дмириеvский монастырь. 2007 г.

Семья священника, в которой помимо сына Михаила были две дочери (одну из них, родившуюся в 1857 году, звали Александрой), собственного жилья не имела и проживала в церковном доме¹⁴, расположенном недалеко от усадьбы помещиков Лихарёвых.

Село Чулково находится совсем недалеко от города Скопина: примерно в 15 км по дороге на Ряжск. Это один из живописнейших уголков средней России, где между холмами протекают реки Брусна и Вёрда. На одном из холмов, словно паря над окрестными сёлами и деревнями, расположился монастырь, по преданию, основанный в 1380 году Дмитрием Донским в честь своего небесного покровителя Димитрия Солунского. Именно здесь до 1917 года хранился посох инок Пересвета («Пересветова дубинка»). В обители действовало две церкви: соборная в честь Димитрия Солунского и тёплая в честь прп. Сергия Радонежского¹⁵. Возможно, именно духовное влияние древнего монастыря, который Михаил Ятров, конечно, посещал в детстве с родителями и сёстрами, предопределило жизненный путь будущего пастыря.

Учёба в духовном училище и семинарии

1869–1875 годы

В 1869 году в возрасте 11 лет Михаил поступил в уездное Скопинское духовное училище¹⁶, которое успешно закончил в 1871 году¹⁷. В том же году его постигло тяжкое горе — смерть отца. Мать с сёстрами, скорее всего, осталась жить в церковном доме, поскольку настоятелем храма в Чулково был назначен клирик с. Победного священник Алексей Иванович Дубровин, который крестил детей о. Иоанна Ятрова. Осиротевший Михаил поступил в Рязанскую духовную семинарию. Тогда ему было 14 лет.

Рязанская духовная семинария выпустила из своих стен целую плеяду талантливых людей, которые стали выдающимися архипастырями, проповедниками, служителями церкви. Среди них: святитель Серафим (Соболев), святитель Гавриил (Городков), Михаил Зимин (в монашестве Макарий) — ректор Санкт-Петербургской духовной академии, протоиерей Родион Путятин — известный проповедник, архиепископ Херсонский Димитрий (Климент Муретов) и другие. Примерно в одно время с будущим архимандритом Макарием в Рязанской духовной семинарии учился Сергей Дмитриевич Городцов, будущий митрополит Варфоломей¹⁸. На несколько лет раньше семинарию окончил

*Бывшее Скопинское духовное училище,
ныне медицинское училище. 2007 г.*

Иван Петрович Павлов, профессор Московской медико-хирургической академии, знаменитый учёный.

В параллельном классе одновременно с Михаилом Ятровым учился Степан Дмитриевич Яхонтов¹⁹, также выпускник Скопинского духовного училища. После 1917 года он работал более десяти лет в музее и архиве (сегодня — это Государственный архив Рязанской области). И именно благодаря его деятельности уцелела большая часть семинарской библиотеки²⁰. Скончался он 6 января 1942 года²¹.

В архивных делах по Рязанской духовной семинарии сохранились сведения о годах, проведённых Михаилом Ятровым в её стенах. В первом классе изучались предметы: изъяснение Священного Писания, словесность, гражданская история, математика, греческий язык, латинский язык²². К учёбе Михаил Ятров относился старательно, уроки практически не пропускал, о чём свидетельствует классный журнал. Из пятидесяти учеников Михаил Ятров по успеваемости занимал десятое место. Поведения он был хорошего: в кондуитной книге на него не было записано ни одного нарекания²³. Правление семинарии и преподавательский коллектив смотрели на дело обучения строго. Это видно по тому, как выставлялись отметки, а также по количеству воспитанников, оставленных на повторный год обучения или отчисленных.

Рязанская духовная семинария (слева). Открытка. Начало XX в.

В связи с тяжёлым семейным положением ученик 3-го нормального класса Михаил Ятров в сентябре 1874 года был принят на штатное казённое содержание²⁴, которое предназначалось для сирот и самых бедных воспитанников, проявивших усердие к изучению научных дисциплин и отличавшихся хорошим поведением. Если же успеваемость была ниже определённого уровня, то просителям отказывали в приёме на казённое содержание, несмотря на их бедность. Это, видимо, и стало причиной отчисления Михаила из семинарии после 3-го класса в 1875 году²⁵. Он был «уволен 6 июня за малоуспешность»²⁶. Вероятно, набрать баллов, нужных для предоставления казённого содержания, юноше не удалось, а платить за обучение бедной вдове священника Екатерине Ивановне Яatroвой было нечем. И судьба будущего пастыря круто изменилась: в 1876 году он был определён в солдаты²⁷.

Военная служба

1876–1883 годы

Из послужного списка²⁸ подпоручика Михаила Ивановича Яatroва, составленного в 1882 году, следует:

«Приказом по 18-й пехотной дивизии от 15.11.1876 года за № 95 определён рядовым на службу в 72-й пехотный Тульский

полк. 23.11.1876 года прибыл и зачислен в списки полка. 30.07.1877 года произведён в унтер-офицеры. 28.02.1878 года произведён в прапорщики...»

Быстрый рост по службе был не случаен: со своей частью Михаил Ятров участвовал в сражениях Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов. Перейдя в мае 1877 года границу с Румынией, он закончил войну в болгарском городе Бургасе, откуда прибыл в Одессу в марте 1879 года. Его карьера складывалась вполне удачно: ранен и контужен он не был, в плен к туркам не попадал, за проявленную доблесть был награждён светло-бронзовой медалью в память войны с Турцией.

30 сентября 1879 года прапорщика Ятрова командировали в Варшавское пехотное юнкерское училище для слушания курса при офицерском классе. Выдержав установленный экзамен, Михаил 31 июля 1880 года вернулся в свой полк, высочайшим приказом от 9 мая 1881 года был произведён в подпоручики, командовал ротой. В его послужном списке значилось: «В службе этого офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака беспорочной службы»²⁹.

Однако не военное поприще было призванием будущего пастыря. 2 января 1883 года подпоручик Михаил Иванович Ятров был зачислен в запас армии, а уже 5 февраля 1883 года Божий Промысел привёл его в древнюю обитель святителя Николая на Угреше.

***Духовный путь архимандрита Макария на Угреше:
от преподавателя народного училища до настоятеля
1883–1905 годы***

Поступление Михаила Ивановича Ятрова на послушание именно в Николо-Угрешский монастырь, вероятно, не было случайным. Его самого или его родственников мог знать настоятель обители архимандрит Нил (Скоронов), происходивший из г. Скопина, хотя подтверждений этому факту найти не удалось.

В марте 1883 года Михаил Ятров был принят простым учителем двухклассного народного Николо-Угрешского училища, в октябре 1887 года преобразованного в церковно-приходскую школу. 29 сентября 1886 года его окончательно уволили в отставку из запаса армии. В число братии он был определён 21 октября 1888 года. В феврале 1889 года Михаил Иванович стал законоучителем и не оставил преподавательской деятельности после принятия им монашеского пострига, совершенного 13 апреля 1891 года³⁰.

Николо-Угрешское народное училище. 1890-е гг.

В августе 1892 года, в праздник Явления иконы святителя Николая Дмитрию Донскому, «... посетил Угрешский монастырь Владыка Московский митрополит Леонтий³¹, 9 числа служил литургию и монаха Макария посвятил во иеродиакона, а иеромонахов Виталия, Илария, Мартирия наградил набедренниками³². 12 сентября 1893 года о. Макарий был рукоположен в сан иеромонаха, 11 января 1896 года удостоен серебряной медали на Александровской ленте в память императора Александра III «за труды по церковно-приходской школе»³³. 8 мая 1898 года о. Макарий был награжден набедренником. За беспорочную службу и педагогическую деятельность ему 6 мая 1899 года преподавано благословение Святейшего Синода с грамотой. По собственному прошению о. Макарий был официально уволен от должности законоучителя 4 ноября 1899 года, но фактически продолжал преподавать и после того, как стал настоятелем монастыря.

3 апреля 1905 года на 71-м году жизни скончался настоятель Николо-Угрешского монастыря архимандрит Валентин (Смирнов). По принятому в общежительных монастырях порядку и распоряжению епархиального начальства были проведены выборы нового настоятеля. За иеромонаха Макария проголосовало 39 членов братии из 42-х. В представлении, направленном в Синод митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским), особо отмечалось, что избранный иеромонах Макарий

«нравственных качеств весьма хороших и к послушанию весьма способен и благонадёжен»³⁴.

28 июня 1905 года иеромонах Макарий указом Святейшего Правительствующего Синода был назначен настоятелем Николо-Угрешского монастыря и 15 июля 1905 года митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским)³⁵ возведён в сан архимандрита.

Деятельность архимандрита Макария как настоятеля Николо-Угрешского монастыря

1905–1917 годы

В бытность архимандрита Макария настоятелем Угрешская обитель процветала, доход монастырь получал от своих владений: лесных дач, мельниц, гостиниц, а также от торговли лекарственной ромашкой в аптеках Москвы и от пожертвований богомольцев³⁶.

Судя по донесениям, храмы, хозяйственные постройки, гостиницы и всё имущество монастыря содержалось в полном порядке и чистоте³⁷. Очень многое сделал о. Макарий, чтобы материально обеспечить обитель. Монастырские подворья в Москве были капитально перестроены и сданы в аренду.

При архимандрите Макарии монастырь продолжал заниматься широкой благотворительной деятельностью, регулярно отправляя взносы на епархиальные нужды. Например, в 1907 году были пожертвованы в Московский епархиальный комитет в пользу голодающих 25 рублей наличными и 60 рублей ассигнациями³⁸, потом ещё 20 рублей³⁹. Ежегодно вносились деньги на поддержку Московской духовной семинарии. Из «Ведомости о школах, богадельнях и больницах за 1909 год»⁴⁰ узнаём, что «...при существующем странноприимном доме монастыря находится столовая, где кормят обедами и ужинами странников и подаётся кипяток. Чая и сахара от монастыря не полагается», «есть больница на 15 кроватей, при больнице находятся фельдшера с жалованием 30 рублей. В пятницу два раза в месяц приезжает доктор из земской Влахернской лечебницы, который получает 240 рублей в год. В больнице получают советы и даром лекарства крестьяне из соседних селений. Всего в год пребывает больных до 5600 человек». В церковноприходской школе обучалось на 1908/09 учебный год 100 человек, а выбывших в течение года было 16 человек. Число наставников — 4 человека: священник села Котельники Иван Михайлович Ансеров, выпускники ду-

*Архимандрит Макарий (Ятров)
Фрагмент групповой фотографии
1909 г.*

ховных семинарий Алексей Петрович Фивейский, Сергей Михайлович Соловьёв⁴¹, Иван Сергеевич Соколов.

В странноприимном доме при монастыре в 1909 году «число призираемых мужского пола — 12200 человек, женского пола — 6400 человек. Здание странноприимного дома находится вне монастыря в отдельном доме. Содержится на монастырский счёт. Содержание прислуги, отопление, освещение и ремонт — 1900 рублей». В этой же ведомости написано, что «в Николо-Угрешском общежительном монастыре Московской епархии существует послушническая школа, в которой преподаётся: ка-

техизис, церковный устав с изъяснением богослужения, чтение церковное и пение. Закону Божию и чтению учит настоятель монастыря архимандрит Макарий в трапезной нашего монастыря в среду и пятницу каждой недели, а пению — иеромонах Феодосий». Вероятно, архимандрит Макарий преподавал до 1910 года, когда его сменил иеромонах Филофей (Антипычев), в послужном списке которого значится послушание законоучителя в братской школе⁴².

6 мая 1909 года архимандрит Макарий награждён орденом св. Анны 3-й степени. С 5 по 13 июня того же года он принял участие в I Всероссийском съезде монашествующих, который проходил в Троице-Сергиевой лавре. На съезде обсуждались меры, необходимые для улучшения духовной жизни в монастырях. Фотография участников этого съезда сохранила для потомков внешний облик архимандрита Макария. Другие его прижизненные изображения пока неизвестны.

Решения и рекомендации съезда стали для о. Макария руководством в его настоятельском служении. Благодаря трудам настоятеля не только внешним благолепием славился монастырь,

но и высокой духовной жизнью. Известно, что святой преподобный Варнава Гефсиманский направлял в обитель на Угреше послушниками людей, приходивших к нему за духовным советом. Об этом свидетельствует рассказ бывшего насельника Угрешской обители иеромонаха Саввы, в миру Петра Суханова, приходившего из крестьян села Духова Новосильского уезда Тульской губернии. В журнале «Душеполезный собеседник» опубликованы его воспоминания, повествующие о том, как в конце августа 1903 года по приезде в Троице-Сергиеву лавру он услышал о прозорливости старца Варнавы. Далее мемуарист пишет: «Дай пойду и испытаю его в прозорливости, что он мне скажет... Он благословил меня и громко сказал: «Благословляю тебя поступить в монастырь, там жить и спастись... Благословляю тебя поступить в Николо-Угрешский... Дом каменный, великолепный дом построишь себе» ...После долгого размышления <я> всё-таки отправился на Угрешу и попросил отца настоятеля принять меня в число монастырских рабочих. Тот поставил меня ночным при обители сторожем»⁴³. Через некоторое время Петра Суханова отправили на войну с Японией, и он долго не мог понять Промысла Божьего: вдруг его убьют, а он ведь не стал ещё монахом. Но на фронт Пётр не попал: его корпус успел добраться только до Красноярска, когда пришло известие об окончании войны. После этого он вернулся в обитель: «Но вот я, солдат Пётр Суханов, опять в Николо-Угрешском монастыре, настоятель которого архимандрит о. Макарий, ныне здравствующий, принял меня в чи-

*Вид Николо-Угрешского монастыря с северо-востока
Конец XIX - начало XX в.*

сло братии своей обители, а 3 декабря 1913 года постриг в монашество с именем Саввы»⁴⁴.

9 августа 1912 года, в праздник явления образа свт. Николая святому благоверному князю Димитрию Донскому, торжественно праздновалась 532-я годовщина основания монастыря. Неюбилейная дата празднества связана с 300-летьем дома Романовых, которое широко отмечалось в России. Высоких гостей из Москвы не было. Служили в Николаевском и Преображенском соборах настоятель архимандрит Макарий и насельник монастыря архимандрит Виталий. На крестный ход были вынесены ковчег с мощами Святителя Николая, чтимые образы святой Ефросинии Московской и Божией Матери «Взыграние». Пел большой монастырский хор под руководством о. Феодосия⁴⁵.

В 1913 году в 19 верстах от Троице-Сергиевой лавры в лесу, принадлежащем Николо-Угрешскому монастырю, была устроена пустынь во имя святителя Гермогена, патриарха Московского, прославленного в дни празднования 300-летия дома Романовых. Пустынь находилась в управлении монастыря, в ней была возведена деревянная Гермогеновская церковь и кельи. Работы велись, конечно, по благословению настоятеля.

Обитель продолжала вносить значительные пожертвования на нужды церкви и мирян. В 1913 году в эмеритальную кассу от Николо-Угрешского монастыря поступило 50 рублей. Это по сравнению с другими обителями было довольно значительной суммой. Например, от Давидовой пустыни тогда поступило 25 рублей, от Саввино-Сторожевского монастыря — 10 рублей, от Дмитровского Борисоглебского — всего 3 рубля⁴⁶. На братство св. Марии Магдалины (г. Руза) от Николо-Угрешского монастыря внесено 100 рублей⁴⁷, на Алтайскую миссию — 300 рублей⁴⁸. Подобные взносы и пожертвования совершались ежегодно.

6 мая 1913 года за беспорочное многолетнее служение архимандриту Макарию был пожалован орден св. Анны 2-й степени. Это была его третья государственная награда.

Николо-Угрешский монастырь при архимандрите Макарии не был обделён вниманием московских святителей. Об этом свидетельствует описание в «Московских Церковных Ведомостях» пятидневного посещения монастыря митрополитом Московским Макарием (Невским), прибывшим в пятницу 12 июля 1913 года.

В 6 часов вечера владыка прибыл со станции Люберцы к святым вратам, у которых его ожидала вся братия во главе с архимандритом Макарием. Облачившись в мантию и приложившись

ко кресту, митрополит выслушал краткое приветствие о. настоятеля и при пении тропаря свт. Николаю проследовал в древний Никольский собор. Выслушав краткое молебствие и приложившись к иконе св. Николая, митрополит преподал всей братии и собравшемуся народу общее благословение, затем в сопровождении настоятеля проследовал в приготовленные покои.

Вид Никольского собора. Начало 1910-х гг.

На следующий день владыка Макарий с о. архимандритом Макарием посетили село Остров, где митрополит внимательно осматривал церковь и приют для бедных духовного звания. Возвратившись в монастырь, вечером того же дня владыка присутствовал на всенощном бдении в Преображенском соборе, выходил на величание свт. Николаю и совершал помазание богомольцев елеем.

В воскресенье 14 июля, в день памяти святых Отцов шести Вселенских Соборов, митрополит Макарий совершил литургию в Преображенском соборе в сослужении настоятеля архимандрита Макария, архимандрита Виталия⁴⁹ со старшей братией, знаменитого протодиакона Здиховского⁵⁰ и четырёх иеродиаконов. Пел монастырский хор. Собор был переполнен богомольцами, и по окончании литургии владыка долго благословлял народ. В это время читались поучения и совершалось пение.

Из собора митрополит при всеобщем пении братии и богомольцев проследовал в покои. После трапезы владыка вместе с архимандритом Макарием в 4 часа пополудни отбыл в Крестовоздвиженский Лукинский женский монастырь⁵¹, откуда возвратился на следующий день.

16 июля в 8 часов утра вся братия Угрешской обители собралась в Никольском соборе. Здесь митрополит Макарий обратился со словами благодарности к настоятелю и братии за оказанный ему радушный приём. Братия, в свою очередь, просила митрополита чаще бывать в обители и любить их монастырь по примеру прежних святителей московских. Преподав каждому в отдельности благословение, митрополит Макарий прошёл в настоятельские покои, где на него произвело сильное и приятное впечатление старина, которая уцелела со времени XVII столетия. Настоятель угощал владыку чаем в царской беседке.

В половине 11-го часа утра была подана карета к настоятельскому крыльцу, но владыка пожелал идти пешком до святых врат, его с пением сопровождала братия и собравшиеся богомольцы. Ещё раз простившись и благословив всех, митрополит Макарий отбыл в город Коломну⁵².

В годы настоятельства архимандрита Макария угрешская братия была самой многочисленной по сравнению с прошлыми периодами. В 1909 году в обители проживало: иеромонахов — 21, иеродиаконов — 10, монахов — 21, послушников (включая тех, кто жил на испытании, не являясь членами братии) — 100. Всего 153 насельника, причём монашествующей братии 53 человека. В 1914 году в братии состояло 63 человека: 2 архимандрита,

20 иеромонахов, 10 иеродиаконов, 19 монахов и 12 бельцов⁵³, не считая послушников на испытании. В 1916 году братии было 59 человек, причём многие бельцы и иеромонах Филофей (Антипичев) находись на фронте⁵⁴.

В 1915 году Святейший Синод постановил перевести на проживание в Николо-Угрешский монастырь опального Саратовского епископа Гермогена (Долганова), впоследствии священномученика. К сожалению «о деятельности епископа Гермогена во время пребывания в обители известно не так много»⁵⁵. В архиве сохранилось донесение настоятеля⁵⁶ о. Макария Московскому митрополиту Макарию о том, что епископ Гермоген 1 ноября 1916 года неожиданно выехал из монастыря в Москву. После этого владыка уже не вернулся на Угрешу, в 1917 году он был назначен на Тобольскую кафедру, где претерпел в 1918 году мученическую кончину от рук безбожников.

6 мая 1916 года архимандрит Макарий был награждён орденом св. равноапостольного Владимира 4-й степени⁵⁷. Это его четвёртая и последняя государственная награда, которой он удостоился от Государя императора Николая II. 2 марта 1917 года царя вынудили отречься от престола. В России началась эпоха революций и Гражданской войны, в результате которой прочно утвердилась богоборческая власть, принёсшая тяжелейшие испытания верующим, особенно православным.

Подвиг исповедничества в период гонений

1917–1931 годы

Многое пришлось претерпеть архимандриту Макарию от советской власти: его арестовывали, притесняли и оскорбляли. Однако никакие внешние нападения не могли сломить дух горячо верующего служителя Божия. Монашеская жизнь и богослужения в монастыре не прерывались до 1927 года, и в этом большая заслуга настоятеля.

На Угреше с октября 1917 года жил на покое митрополит Московский Макарий (Невский-Парвицкий). Будучи правящим архиереем, он бывал с визитами в Николо-Угрешском монастыре, где всегда его ждал самый радушный приём архимандрита Макария с братией.

После февральской революции многие видные архиереи лишились своих кафедр. Владыке Макарию были предъявлены различные надуманные обвинения и по назначению Синода определено жить в Николо-Угрешском монастыре, куда он прибыл

в начале октября 1917 года и поселился в Архиерейском доме. Вот как пишет о своей жизни на Угреше митрополит: «Я живу в Николо-Угрешском монастыре. Адрес тот же. Телом не болею, по милости Божией, и пока не голодаю...»⁵⁸

Отношения между настоятелем монастыря архимандритом Макарием и бывшим Московским митрополитом Макарием, насколько об этом можно судить из сохранившихся немногочисленных документов и мемуаров, сложились хорошие. Ближайший сподвижник митрополита епископ Арсений (Жадановский) в своих воспоминаниях пишет: «Не порывал митрополит Макарий братского общения с монастырской братией... Все оставшиеся в обители иноки постепенно оценили святителя-изгнанника: по очереди приходили служить с ним и относились к нему с большой любовью... Часто навещал опального митрополита Угрешский настоятель архимандрит Макарий. Владыка встречал его всегда с радостью, оказывая ему всякое внимание, а в праздники посылал поздравления и просфору»⁵⁹. 19 января, в день ангела митрополита Макария, к имениннику всегда «приходил Угрешский настоятель и братия, приезжали из Москвы духовные друзья и почитатели. Всем устраивалась трапеза»⁶⁰.

Архимандриту Макарию (Ятрову) довелось претерпеть вместе с владыкой Макарием (Невским) унижения и оскорбления от представителей советской власти, с середины 1918 года начавшей изъятие монастырского имущества, хозяйственных и жилых строений для устройства детской колонии и дома отдыха Наркомфина.

2 августа 1918 года, в день памяти пророка Илии, когда верующие шли в церковь, из местного Совета прибыли вооружённые люди и с ними уполномоченный Борис Паршин с ордером на изъятие всех монастырских лошадей. Сначала они подошли к архимандриту Макарию, который собирался идти в церковь на литургию, и потребовали отдать лошадей. Настоятель усомнился в их полномочиях и послал казначея, иеромонаха Авеля, в местный Совет выяснить, действительно ли эти люди имеют право изъять монастырскую собственность. Паршина он послал к владыке Макарию, сказав при этом: «...Владыка отпустит вам лошадей, но я вашей власти не подчиняюсь, и если хотите, то грабьте и берите с меня последний крест, потому что я сам был офицером...»⁶¹ В это время народ, пришедший на праздник, возмутился насилием над о. Макарием и стал заступаться за него, нападая на представителей советской власти. Паршин и его сотрудник Гусев испугались и поспешили удалиться, но крестья-

не заперли их в пожарный сарай, где те пробыли два часа. Вла-
сти обвинили архимандрита в том, что именно он вёл агитацию
среди крестьян против советской власти и послал по окрестным
деревням посыльных, чтобы народ пришёл и заступился. Случай
этот попал в газеты. В «Известиях» от 8 августа 1918 года была
напечатана статья под названием «Святейшая контрреволю-
ция», где описан обыск и арест настоятеля в Угрешском мона-
стыре: «Обыск начался с покоев митрополита Макария, во время
которого обнаружено много документов, свидетельствующих о
его контрреволюционной деятельности». Автор сообщает, что на
письменном столе найдено только что составленное «Воззвание
к православному русскому народу по поводу гибели Николая II».
Также в статье говорится, что «игумен монастыря арестован и
препровождён в распоряжение ВЧК по борьбе с контрреволюци-
ей»⁶².

Действительно, 4 августа 1918 года по указанию москов-
ской уездной чрезвычайной комиссии архимандрит Макарий
был арестован. При аресте произведён обыск в его покоях и в по-
коях митрополита Макария, изъяты ценные вещи и документы.
Владыка по этому поводу писал: «Жалею, что увезли папки с де-

Я, Архимандрит Макарий, Настоятель
Яросло-Владимирского монастыря, заявляю
подписи Уездной Чрезвычайной Комиссии
при Николаевском Уездном Совете
в том, что обвиняемость в нем
по первому требованию администрации
и в том, что в нем и подписи
Настоятель Ярославского монастыря
Архимандрит Макарий

13 августа
1918 года

Подписка архимандрита Макария (Ятрова)
явиться по первому требованию. Автограф. 13 августа 1918 г.

ловыми бумагами, для них ненужными, а для меня очень дорогими, в том числе и дневники»⁶³. Были изъяты также церковная кружка с серебряными и медными деньгами на сумму 34 руб. 35 коп. и кредитные билеты на сумму 600 рублей⁶⁴. На допросе о. Макарий показал по поводу состряпанных против него обвинений: «Он <Паршин> не предъявил никаких документов. У нас уже был случай, когда один состоятельный человек взял в своё пользование лошадь. И это раньше уже вызвало нарекание со стороны крестьян. По этому поводу с нашей стороны — со стороны монастырских служащих — ничего не было предпринято, никуда никаких людей мы не посылали. И тут, почему получился шум в ограде, не знаю, я вёл службу. Между прочим, я послал своего казначея и отца Сергия в Совет просить для надобностей монастыря хотя бы временно оставить часть лошадей. Против Советской власти я не высказывался и против Совета не призывал. С митрополитом Макарием у меня были лишь отношения чисто служебного характера — ни по каким политическим вопросам не объяснялся. Митрополит Макарий живёт обособленно и, как он ведёт жизнь, не знаю... Больше добавить ничего не могу. Сим обязуюсь явиться по первому требованию, в чём подписуюсь»⁶⁵.

Крестьяне, казначей иеромонах Авель, иеродиакон Сергей показали, что никакой агитации настоятелем среди крестьян не велось. К сожалению, многие документы в деле пропали. Нет, к примеру, списка вещей, изъятых при обыске у митрополита и архимандрита. 13 августа 1918 года «за недоказанностью преступления» настоятеля архимандрита Макария освободили из-под ареста и отпустили под подписку о невыезде⁶⁶.

Через несколько месяцев после дела с лошадьми монастырь снова подвергся насилию со стороны властей. 22 октября 1918 года митрополит Макарий и вместе с ним архимандрит Макарий подверглись ограблению и страшному унижению. Были снова изъяты различные ценные вещи, а сам владыка избит⁶⁷.

Вскоре после Октябрьской революции было закрыто и разорено народное училище при монастыре, где много лет преподавал архимандрит Макарий. Это сделано на основании декрета об отделении церкви от государства, в котором говорилось: «Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом»⁶⁸, а также декрета от 16 января 1918 года о пе-

редаче всех церковных школ в Комиссариат просвещения. Этим декретом Церковь лишалась всех семинарий, училищ, академий и всего связанного с ними имущества. 3 марта 1919 года Наркомпрос постановил: «Воспретить лицам, принадлежащим к духовенству всех родов, всех вероисповеданий, занимать какие-либо должности во всех школах. Виновные в нарушении сего воспрещения подлежат суду Ревтрибунала»⁶⁹. Всё это привело к тому, что в 1919 году здания Николо-Угрешского училища пришли в полное запустение.

Кроме гонений со стороны властей монастырь испытывал и другие трудности. Начался голод. Святитель Макарий (Невский) писал: «Голод здесь весьма чувствуется. В Москву мне не придётся уехать, там тяжкое утеснение. Да и в Угреше не лучше. Братия разъезжается по домам от голода»⁷⁰.

Тем не менее, архимандрит Макарий сумел сохранить братию обители. Начиная с 1919 года, детская трудовая колония Наркомфина существовала на территории монастыря совместно с Николо-Угрешской трудовой артелью (общиной монахов). Религиозные общества были лишены прав собственности и прав юридического лица⁷¹. Поэтому архимандрит Макарий с разрешения земельного комитета преобразовал монастырь в трудовую артель монахов с названием «Труд»⁷² и стал её председателем. Артель с 1 июля 1919 года имела свой устав, была официально признана местными властями и в документах фигурировала как хозяйственная организация⁷³.

Сохранился «Список братии и живущих при Николо-Угрешском монастыре от 20 марта 1920 года»⁷⁴, в котором значатся 57 человек: митрополит Макарий, архимандрит Макарий, игумен Герман⁷⁵, игумен Филофей, иеромонахи Иосиф⁷⁶, Гурий⁷⁷, Антоний, Авель, Акакий, Софроний, Мефодий, Макарий, Вонифатий, Паисий⁷⁸, Нафанаил, Никифор, Геронтий, Пафнутий; иеродиаконы Иоанникий, Геннадий, Иосаф, Арсений, Иустин, Даниил⁷⁹, Нектарий, Сергей, Игнатий; монахи Сафоний, Андроник, Ипатий, Мелетий, Вадим, Амоний, Филипп, а также послушники Архип⁸⁰, Димитрий⁸¹ и другие. В сравнении с 1914 годом, когда в монастыре проживало 64 человека братии, в 1920-м году насельников было немногим меньше, если учесть, что некоторые престарелые монахи к этому времени уже скончались⁸².

Более того, 1920 году в списке появились новые имена за счёт вновь принятых в общину монахов и за счёт повышения сана ранее проживавших. Монашеская жизнь в обители была полнокровной, несмотря на притеснения братии⁸³. Таким образом,

*Вид на Никольский собор
Фото из архива
П.Д. Барановского.
Конец 1920-х гг.*

после 1917 года лишь некоторые монахи покинули Угрешу, большая их часть оставалась жить в монастыре под руководством настоятеля о. Макария.

В декабре 1920 года архимандрит Макарий отчитывался в земельный отдел Ухтомского совета о деятельности трудовой общины: «В прошлое лето артель пользовалась 1½ десятинами покоса и 3 десятинами огородной земли; на семена картофеля не брали, своего оставили на 1921 год на семена 35 мешков. Земля для артели была назначена от Ухтомского Совета; на огородной земле был посеян картофель, капуста и некоторые овощи. Лошадей 2, коровы 3»⁸⁴.

Работоспособных в артели было всего 20 человек, однако монастырская община не только обеспечивала себя мёдом, яблоками и овощами, но ещё и помогала детской колонии Наркомфина, отдавая воспитанникам часть урожая. Это следует из акта обследования Николо-Угрешской артели «Труд», составленного представителями власти 13 марта 1921 года.

Притеснения церквей и монастырей со стороны богоборческих властей усилились в 1922 году, когда было объявлено изъятие церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья. Тяжёлое время пришлось пережить архимандриту Макарию, но он встречал трудности с твёрдостью и всячески старался сохранить вверенную ему обитель.

Об изъятии монастырских вещей свидетельствует протокол Московской уездной комиссии от 22 апреля 1922 года⁸⁵. На Угреше оно проводилось 2 мая 1922 года представителями Московского уездного комиссариата М.П. Коршевым, В.И. Кондратовым, Н.К. Феофановым, В.П. Цыгановым в присутствии представителей общины верующих, ризничего иеромонаха Иоасафа и представителя церковного совета Ивана Григорьевича Киселёва. В протоколе зафиксировано несоответствие имевшегося в наличии списку 1905 года. Ризничий о. Иоасаф объяснял это отправ-

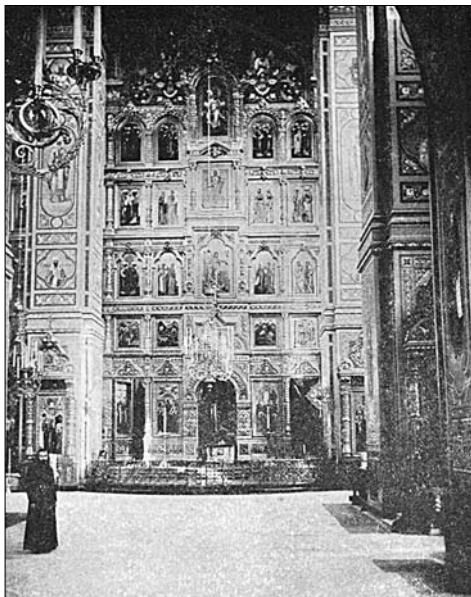
кой ценностей на фронт, в Сибирь, а также тем, что некоторые предметы церковной утвари находятся на монастырском подворье во Владимирской губернии. В документе перечислены предметы, изъятые из монастыря.

В докладной записке московскому губвоенному тов. Алмазову говорится о том, что изъятие ценностей в Николо-Угрешском монастыре Ухтомского района прошло спокойно. В углу пометка «копия командующему войсками МВО тов. Муралову». Это указывает на то, что власти боялись выступлений верующих в защиту монастырского имущества, как это произошло при попытке забрать монастырских лошадей, и поэтому строго следили, чтобы не возникла подобная ситуация.

Архимандрит Макарий, презирая угрожавшую ему опасность, старался спасти наиболее ценные предметы из ризницы и святыни обители. В этом ему помогал архимандрит Филофей Антипычев. По свидетельству Геннадия Ивановича Ерастова, который является родственником о. Филофея, архимандрита Макария обвиняли в сокрытии ценных вещей, но доказать это не смогли⁸⁶.

Несмотря ни на что в обители продолжалась полноценная литургическая жизнь, на службу приходили верующие из соседних селений, приезжали и приходили крестными ходами паломники из Москвы. По воспоминаниям духовной дочери о. Сергия Мечёва Т.И. Куприяновой, «летом 1924 отец Сергей Мечёв благословил молодёжь на поездку в Саров, а затем вместе с нами совершил поездку в Николо-Угрешский монастырь под Москвой»⁸⁷.

Зинаида Ивановна Карасёва, 1914 года рождения, старейшая жительница города Дзержинского, с 8 лет ходившая с

Интерьер Спасо-Преображенского собора

семьёй на службу в Преображенский собор Николо-Угрешской обители, помнит архимандрита Макария. Она рассказала, что он жил в корпусе, смежном с Успенской церковью, служил часто и благолепно, читал Евангелие так, что все слушающие замирали. Когда архимандрит служил, приходили со всех деревень. Прихожане его любили, всем он нравился. Внешне он производил приятное впечатление: не очень полный, видный. Очки не носил, Евангелие читал без очков. Борода у него была беловатая, но недлинная, волосы короткие, лоб открытый. В соборе он говорил проповеди. Речь о. Макария была понятная, спокойная, голос высокий. С ним всегда служил иеродиакон Иустин⁸⁸, обладавший прекрасным голосом. Службы проходили и в Успенской церкви, на первом этаже которой находилась ризница.

Отец Зинаиды Ивановны, Иван Кузьмич Карасёв, и её сестра Александра Ивановна пели в монастырском хоре, регентом которого был иеромонах Феодосий⁸⁹. Зинаида Ивановна рассказала также, что тогда в монастыре подвизались архимандрит Филофей, иеромонахи Арсений, Акакий, Нафанаил, Софроний, Мелетий, Иоасаф (ризничий), Гурий, диаконы Иустин и Ермолай. Действительно, все эти имена присутствуют в «Списке членов трудовой артели при Николо-Угрешском монастыре»⁹⁰, датированном 1921–1923 годами. В нём зарегистрированы архимандриты Макарий и Филофей, игумен Феодосий⁹¹, 15 иеромонахов,

*Святейший Патриарх Тихон в гостях
у митрополита Макария (Невского). 24 августа 1924 г.*

*Петропавловский скит Николо-Угрешского монастыря
1890-е гг.*

5 иеродиаконов, 8 монахов, 11 послушников, остальные — белцы. Всего в списке 51 человек. Туда включили нескольких женщин, чтобы у властей не было повода считать артель лишь формой существования мужского монастыря.

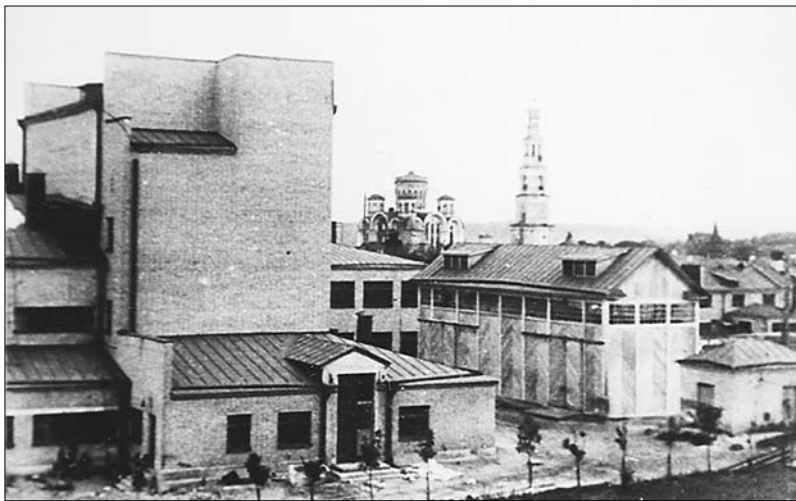
В престольный праздник 22 мая 1924 года Николо-Угрешский монастырь посетило небывало большое число богомольцев — более 14000 человек. Служили во всех действующих храмах обители⁹².

Особым вниманием пользовалась Николо-Угрешская обитель со стороны Святителя Тихона, Патриарха Московского, который не раз посещал монастырь в тяжёлое время, когда настоятель и братия испытывали большую нужду в поддержке первосвятителя.

22 августа 1924 года, в день памяти Явления чудотворной иконы Святителя Николая святому благоверному князю Димитрию Донскому, прибывшего в обитель Патриарха Тихона с сонмом архиереев встречал настоятель монастыря архимандрит Макарий с братией при большом стечении богомольцев. После литургии, отслуженной в Спасо-Преображенском соборе, первосвятитель, по свидетельству очевидца, исцелил беснующуюся кликушу.

Вполне возможно, что Святейший Патриарх пробыл в обители несколько дней⁹³ либо приезжал ещё раз 24 августа 1924 года. Тогда же в архиерейских палатах обители состоялось очень тёплое свидание Святейшего с бывшим митрополитом Московским Макарием, который с августа 1920 года был частично парализован вследствие инсульта. На сделанном тогда фотоснимке запечатлены участники этой встречи⁹⁴. Святители беседовали наедине около полутора часов. Это было последнее патриаршее посещение Николо-Угрешского монастыря перед закрытием его церквей.

С 1918 года детская колония Наркомфина и монашеская артель вместе занимали постройки бывшего монастыря, что зафиксировано в акте оценки его владений от 8 августа 1923 года. Однако уже в августе–октябре 1924 года в результате хозяйственных споров между Московским отделом народного образования (МОНО) и Московским отделом здравоохранения (МОЗО) земли, имущество бывшей детской колонии и трудовой общины монахов были переданы в ведение МОНО с целью создания Красного детского городка со значительно большей численностью детей, чем предыдущая колония. В 1925 году руководство МОНО и Красного детского городка стало настойчиво выселять монахов из обители, ходатайствовало о закрытии шести из семи действующих храмов и оставлении верующим только бывшей скитской

Вид на Николо-Угрешский монастырь со стороны строящегося дворца культуры. Начало 1930-х гг.

церкви Петра и Павла. Церковный совет при поддержке Главнауки пытался добиться оставления Успенской церкви вместо Петропавловской, но получил отказ ВЦИК⁹⁵. Верующих обязали поставить пятиаршинный (3,5 м в высоту) забор для ограждения храма от детского городка и проделать отдельный проход к храму в стене.

Руководство Красного детского городка относилось к монашеской артели враждебно, боясь религиозного влияния на мировоззрение детей. Об этом свидетельствуют не только документы, связанные с выселением общины и закрытием храмов, но и письмо заведующего Ивана Громова в МОНО, где описан случай обновления иконы святителя Николая:

«10–11 апреля сего года в помещении около входных ворот, занимаемом скотницей артели монахов Агафьей Маршевой, была сделана попытка спровоцировать население чудом обновления принадлежащей ей иконы Николая.

Слух о чуде распространился по окрестным деревням. В течение этих дней помещение посещалось местными жителями. О случившемся 11 апреля утром мной сообщено Ухтомской милиции. Прибывшие милиционеры составили надлежащий акт и произвели допрос причастным к делу лицам, о вышеизложенном сообщая для сведения»⁹⁶.

Архимандриту Макарию удалось уладить этот инцидент. Он взял у Агафьи обновившуюся икону к себе на хранение и успокоил верующих, приходивших на поклонение святыне.

2 мая 1925 года митрополит Макарий (Невский) и 13 человек, проживавших с ним в Архиерейском доме, выехали в село Котельники, где разместились в доме Мелании Павловны Трагем.

Архимандрит Макарий вплоть до самой смерти святителя глубоко его почитал. Когда митрополит был уже на смертном одре, архимандрит Макарий приехал проститься с ним. По свидетельству сестры милосердия М. Филипповой, бывшей при владыке Макарии, 16 февраля 1925 года состоялось соборование умирающего святителя, которое совершили: архиепископ Иннокентий Бийский, архиепископ Арсений (Жадановский), архимандрит Макарий Угрешский, архимандрит Филарет, протоиерей Сергей Лебедев, о. Сергей Мечёв и другие священники. По её же свидетельству, уже после смерти митрополита из Угreshи приходили и служили панихиды у гроба почившего владыки. Архимандрит Макарий присутствовал и на отпевании владыки⁹⁷.

*Параманный и постригальный кресты
архимандрита Макария (Ятрова). 2004 г.*

В апреле–мае 1925 года братии Николо–Угрешского монастыря пришлось освободить занимаемые кельи, переселиться в бывший скит и окрестные деревни. По свидетельству З.И. Карасёвой, в 1927 году монахи ещё проживали в скиту. После выселения архимандрита Макария из монастыря его принял к себе церковный староста Андрей Андреевич Лобанов, который имел два дома в деревне Александровке, что между деревней Денисьево и монастырём. Дом Лобанова был на месте современного пожарного депо на улице Советской⁹⁸, совсем недалеко от обители, ближе к старому кладбищу. Вероятно, это место имеется в виду в докладе о выселении монахов: «Они как вороны обсели монастырь, расселившись по деревням, а архимандрит под самым монастырём у кузнеца...»⁹⁹

30 августа 1927 года приказом Хозяйственного отдела ОГПУ помещения бывшего Николо–Угрешского монастыря были переданы трудовой коммуне № 2, куда постепенно перевезли более тысячи беспризорников из Саввино–Сторожевского монастыря. Приказом ВЦИК от 13 декабря 1928 года последняя действующая церковь во имя Петра и Павла была закрыта и её здание передано трудовой коммуне. Монахи были окончательно выдворены из скита, а оставшееся имущество разграблено¹⁰⁰.

В Капотне тогда церковь Рождества Пресвятой Богородицы

ещё действовала, но архимандрит Макарий там не служил. Вероятно, он был уже немощен и жил на покое. По свидетельству З.И. Карасёвой, за ним стал ухаживать иеромонах Арсений в домике церковного старосты, а сама она носила им молоко.

Смерть, место захоронения и обретение честных останков архимандрита Макария

Архимандрит Макарий (Ятров) преставился ко Господу 6 марта 1931 года. После его смерти встал вопрос о погребении: монастырь закрыт, а на местном кладбище власти запретили хоронить. И тогда бывший церковный староста Андрей Андреевич Лобанов, у которого жил покойный, решил похоронить его при церкви Рождества Богородицы в селе Копотня. Погребение архимандрита Макария осуществили тайно у алтаря церкви с правой стороны, ближе к клиросу. Могильный холмик обложили дёрном, а креста не поставили, чтобы не привлекать внимания. Но веру-

ющие люди знали, кто здесь похоронен, и по праздникам приходили на могилу о. Макария.

З.И. Карасёва помнит, что в 1952 году эта могила ещё существовала. Когда в 2003 году Зинаиде Ивановне предложили съездить и указать точное место захоронения, то она по немощи отказалась, но спустя год поездка с Божьей помощью всё же состоялась. Летом 2004 года Зинаида Ивановна побывала возле восстанавливаемой церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Копотне и точно указала место захоронения архимандрита Макария сотруднице монастыря Галине Андреевне Барабановой.

14 сентября 2004 года по благословению Святей-

*Могила архимандрита
Макария (Ятрова). 2010 г.*

шего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II под руководством проректора Николо-Угрешской духовной семинарии игумена Иоанна (Рубина) и при участии настоятеля церкви Рождества Богородицы в Капотне протоиерея Димитрия Медведева были начаты работы по обнаружению захоронения последнего настоятеля Николо-Угрешского монастыря архимандрита Макария (Ятрова).

16 ноября 2004 года обретенные останки были осмотрены профессором В.Н. Звягиным (РЦ Судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ, Москва). Он описал захоронение так (*запись со слов*): «Освидетельствование останков архимандрита Макария (Ятрова) становится возможным на основании наличия основных находок в погребении. Это остатки монашеского облачения, постригальный (возможно, кипарисовый) крест, отличающийся хорошей сохранностью. Следует отметить также и наличие основных групповых признаков. По визуальному впечатлению: возраст 60–70 лет, ближе к 70-ти. Внешность очень индивидуальная: слабовыраженное надбровье и надбровные дуги, выпуклый лоб».

Останки архимандрита Макария перевезли в Николо-Угрешский монастырь и поместили в церкви святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Здесь останки были уложены в гроб и облачены под руководством игумена Иоанна (Рубина). 23 апреля 2005 года, в Лазареву субботу, состоялось их перезахоронение перед алтарём церкви прп. Пимена Угрешского на братском кладбище монастыря. Преосвященным Вениамином, епископом Люберецким, была совершена панихида, на которой присутствовало множество богомольцев, в том числе Зинаида Ивановна Карасёва.

На могиле архимандрита Макария (Ятрова) установили крест из чёрного мрамора. В обители непрестанно молятся о упокоении его души. Многие прихожане монастыря почитают его как истинного подвижника и страдальца за веру Христову.

Ссылки и комментарии

¹ Даты до 1918 года приводятся по старому стилю.

² **Савва Мокиевич Ятров** служил в Вознесенской церкви села Санское Спасского уезда Рязанской губернии (Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. — Рязань, 1885. Т. 4. С. 294.)

³ **Симеон Саввич Ятров** служил вторым штатным священником с 1864 по 1884 год в селе Салаур Касимовского уезда в церкви Воскресения Христова (Государственный архив Рязанской области: ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Ед. хр. 61. Св. 224).

⁴ **Иван Симеонович Ятров** служил в 1915 году диаконом в церкви святых Космы и Дамиана в селе Видное (ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Ед. хр. 61. Св. 131. Л. 464 об.–465) Ранenburgского уезда (ныне Чаплыгинский район).

⁵ **Николай Симеонович Ятров** (1883–не ранее 1930) в 1915 году упоминается как священник церкви Сошествия св. Духа на апостолов в с. Благое Ранenburgского уезда (ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Ед. хр. 61. Св. 131. Л. 296 об.–297), 18 января 1930 года осуждён по ст. 58–13 УК РСФСР на 3 года лишения свободы, дальнейшая его судьба неизвестна (Помнить поимённо: книга памяти жертв политических репрессий Липецкого края с ноября 1917 года. — Липецк, 1997. Т. 1. С. 294).

⁶ **Трофим Мокиевич Ятров** служил с 1815 по 1837 год в церкви Богоявления Господня города Касимова Рязанской губернии. При нём храм был перестроен и обновлён (Добролюбов И. Историко–статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. — Рязань, 1885. Т. 1. С. 41). Его сын **Иоанн Трофимович Ятров** служил в той же церкви с 1837 по 1860 год.

⁷ **Стефан Трофимович Ятров**, протоиерей, настоятель собора Рождества Богородицы г. Данкова Рязанской губернии, где служил в 1866–1887 годах. При нём в Данкове был построен и в 1878 году освящён новый двухэтажный собор в честь Тихвинской иконы Божьей Матери (Добролюбов И. Историко–статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. — Рязань, 1885. Т. 1. С. 255, 258).

⁸ Это можно предположить из того, что в Синодике Николо–Угрешского монастыря, где приводится род архимандрита Макария, упоминаются иереи Иоанн и Василий, которых нет среди родственников по отцовской линии.

⁹ Память празднуется 6/19 сентября.

¹⁰ ГАРО. Ф. 627. Оп. 253. Ед. хр. 107. Св. 89. Л. 1047 об.

¹¹ ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Ед. хр. 61. Св. 224.

¹² ГАРО. Ф. 627. Оп. 234. Ед. хр. 385. Св. 26. Л. 56.

¹³ ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Ед. хр. 61. Св. 224.

¹⁴ 12 февраля 2007 года по благословению епископа Люберецкого Венямина была предпринята поездка на родину архимандрита Макария. Ныне Чулково — большой посёлок, включающий в себя несколько бывших сёл и деревень: Чулково–Одноворцы, Чулково–Лихарёво, Чулково–Выселки. Церковь свт. Николая в 1930 году была закрыта и полностью разрушена, на её месте пустырь, принадлежащий детскому лагерю. После революции в доме священника жили учителя местной школы. Разрушен он был в конце 1990–х, на его месте построен частный дом. В Чулково сохранилась школа дореволюционной постройки, дома диакона и пономаря, располагавшиеся рядом с домом священника.

¹⁵ После Октябрьской революции обитель была разрушена, возвращена Русской Православной Церкви 4 января 1996 года (Свято–Димитриевский монастырь. 10 лет возрождения. 1996–2006. — Рязань, 2005. С. 2–3).

¹⁶ Здание сохранилось, ныне в нём находится медицинское училище.

- ¹⁷ ГАРО. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 37 об.
- ¹⁸ Митрополит Новосибирский **Варфоломей** (Городцов, 1866–1956).
- ¹⁹ **Степан Дмитриевич Яхонтов** (1853–1942).
- ²⁰ Страницы былого // Сост. Гольцева Г.К., Любимова Е.Т., Мельник А.Н. и др. — Рязань, 1998. С. 112.
- ²¹ Синельникова Т.П. Яхонтовские чтения // Рязанский церковный вестник, 2002. № 10. С. 49–51.
- ²² ГАРО. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 459. Л. 60.
- ²³ ГАРО. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 10.
- ²⁴ Рязанские епархиальные ведомости, 1874. №3.
- ²⁵ В послужном списке архимандрита Макария (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 763. Ед. хр. 118. Л. 3–5), где значит, что он окончил 5 классов Рязанской духовной семинарии, допущена очевидная ошибка. Вероятно, к трём годам обучения в семинарии были прибавлены два года учёбы в духовном училище.
- ²⁶ ГАРО. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 24.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Ед. хр. 1165. Л. 183.
- ²⁸ Там же. Л. 182–186.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ При подготовке этой и последующих глав частично использована информация из книги: Е.Н. Егорова, И.В. Антонова. Угреша. Страницы истории. — Дзержинский: ДМУП «Информационный центр», 2005.
- ³¹ Митрополит Московский Леонтий (Лебединский) был на кафедре с 1891 по 1893 год.
- ³² Угреша. Историческое описание Николаевского Угрешского общежительного монастыря. — М., 1897. С. 48.
- ³³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 763. Ед. хр. 118. Л. 5.
- ³⁴ Летопись Николо-Угрешского монастыря. 1905–2009. — М.: Издательство Николо-Угрешского монастыря; ООО «Издательство «Пенаты», 2009. С. 25–26.
- ³⁵ **Священномученик Владимир (Богоявленский)**, митрополит Московский, пребывал на кафедре с 1898 по 1912 год.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 1–6.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 219.
- ³⁸ Средства, поступившие в фонд помощи голодающим по случаю неурожая // Московские церковные ведомости. 1907. № 18.
- ³⁹ Московские церковные ведомости. 1907. № 27.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 217.
- ⁴¹ **Священномученик Сергей Соловьёв** (1883–1937) с 17 октября 1910 года был священником Успенской церкви села Шубино Бронницкого уезда. 17 февраля 1938 года расстрелян органами НКВД по ложному обвинению в систематической антисоветской агитации. Причислен к лику святых в сонме новомучеников и исповедников Российских.
- ⁴² ЦИАМ. Ф. 1371. Оп. 1. Ед. хр. 84.
- ⁴³ Душеполезный собеседник. — Афон, 1915. С. 137.
- ⁴⁴ Там же. С. 138.
- ⁴⁵ 532-летний юбилей // Московские церковные ведомости. 1912. № 38.
- ⁴⁶ Московские церковные ведомости. 1913. № 7–8.
- ⁴⁷ Там же. № 40.
- ⁴⁸ Там же. № 47.

⁴⁹ **Архимандрит Виталий** (Василий Кудрявцев), угрешский насельник с 1858 года. Он был сыном священника, окончил курс духовного училища в Звенигороде, в 1850 году поступил послушником в Екатерининскую пустынь, где был пострижен 19 июня 1856 года и рукоположён в иеродиакона 21 июля 1857 года. В сан иеромонаха он был возведён на Угреше 27 августа 1861 года. С 19 марта 1886 года иеромонах Виталий был братским духовником. В 1891–1892 годах его наградили набедренником и наперсным крестом за беспорочную службу. В 1906 году в ознаменование 50-летия монашеского служения о. Виталий был посвящён в сан игумена, а ещё через 5 лет — в сан архимандрита. 6 мая 1915 года его пожаловали орденом св. Анны 3-й степени. В начале 1917 года 91-летний старец ещё сохранял бодрость, продолжая оставаться духовником братии и участвовать в богослужениях (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 763. Ед. хр. 118; ф. 1371. Оп. 1. Ед. хр. 84). В списке братии, составленном в 1920 году, он уже не числился.

⁵⁰ **Афанасий Иванович Здиховский**, протодиакон храма Христа Спасителя, славился уникальным голосом.

⁵¹ Крестовоздвиженский монастырь вёл своё начало от женской богадельни при Флоро-Лаврской церкви с. Старый Ям Подольского уезда. В 1865 году на её базе образована женская община, которая в 1870 году переехала в с. Лукино (на территории нынешнего Домодедовского района) на земли, пожертвованные Екатерининской пустыни помещицей А.П. Головиной. Насельниц духовно окормляли старцы Николо-Угрешского монастыря. В 1887 году община переименована в монастырь, который был закрыт в 1919 году, возобновлён в 1992 году как ставропигиальный.

⁵² Пребывание митрополита Макария в Николо-Угрешском монастыре // Московские церковные ведомости, 1913. № 30.

⁵³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 763. Ед. хр. 118. Л. 33.

⁵⁴ ЦИАМ. Ф. 1371. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 5.

⁵⁵ **Мраморнов А.И.** Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова). — Саратов: Вече, 2006. С. 316.

⁵⁶ РГИА. Ф. 796. оп. 194. ед. хр. 1102. Л. 115.

⁵⁷ ЦИАМ. Ф. 1371. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 3.

⁵⁸ Письма митрополита Макария (Невского) духовной дочери. — М.: Отчий дом, 1998. С. 79.

⁵⁹ **Арсений (Жадановский)**, епископ. Воспоминания. М.: ПСТБИ, 1995. С. 217.

⁶⁰ Там же. С. 238.

⁶¹ ЦИАМ. Ф. 1371. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 1.

⁶² Святейшая контрреволюция // «Известия». 1918. № 24.

⁶³ **Святитель Макарий (Невский)** «Не отчаиваюсь в Божьей помощи» — М.: Сретенский монастырь, 2006. С. 428.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Ед. хр. П-58970. Л. 12.

⁶⁵ Там же. Л. 3.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Ед. хр. П-58970. По ходатайству Преосвященнейшего Вениамина, епископа Люберецкого, наместника Николо-Угрешского монастыря, Ятров Михаил Иванович (архимандрит Макарий) был реабилитирован (Справка о реабилитации № 005759 от 15.12.2005).

⁶⁷ Московские церковные ведомости, 1918. № 3.

⁶⁸ Гидулянов П. Отделение церкви от государства / Под ред. П. Красикова. — М.: Издательство НКЮ РСФСР, 1926. С. 201.

⁶⁹ Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь / Под общ. Ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. С. 179.

⁷⁰ *Святитель Макарий (Невский)*. «Не отчаиваюсь в Божьей помощи». С. 431.

⁷¹ Гидулянов П. Отделение церкви от государства. С. 43.

⁷² ЦГАМО. Ф. 2501. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 48.

⁷³ Там же. Л. 1, 2, 69, 70.

⁷⁴ Там же. Л. 2.

⁷⁵ **Игумен Герман** (Григорий Васильевич Богоявленский, 1850 — начало 1920-х годов), поступил в Николо-Угрешский монастырь в 1866 году, пострижен и возведён в иеродиакона в 1884 году, в иеромонаха — в 1894 году, в этом сане числился в «Ведомости о монашествующих» за 1916 год, с 1908 года духовно окормлял насельниц Троице-Одигитриевского женского монастыря.

⁷⁶ **Иеромонах Иосиф** (Иван Баскаков), поступил в монастырь в 1866 году, пострижен в 1876 году, был награждён медалью в память государя-императора Александра III, в 1916 году уже не служил по старости, в 1920 году ему исполнилось 76 лет.

⁷⁷ **Иеромонах Гурий** (Григорий Осипов), в 1902–1905 годах служил на Дальнем Востоке, был награждён орденом св. Анны 3-й степени.

⁷⁸ **Иеромонах Паисий** (Войлоков или Волков, 1870 — после 1931), поступил в монастырь в 1899 году, пострижен 23 июня 1907 года, после закрытия монастыря перешёл в Гермогенову пустынь. Когда закрыли и её, служил в Казанской церкви с. Малыгино Сергиевского уезда, 3 января 1931 года осуждён Особым совещанием при Коллегии ОГПУ «за антисоветскую агитацию» и выслан в Казахстан. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁷⁹ **Иеродиакон Даниил** (Князев, 1888–1938), впоследствии иеромонах, после закрытия Николо-Угрешского монастыря был священником с. Белоомут Луховицкого района Московской области. Расстрелян 1 июля 1938 года на Бутовском полигоне, реабилитирован в 1989 году.

⁸⁰ **Пастухов Архип Маркович** (1873–1938), послушник, после закрытия Николо-Угрешского монастыря проживал в деревне Гремячево, работал столяром в трудовой коммуне № 2. Расстрелян 17 февраля 1938 года на Бутовском полигоне, реабилитирован в 1989 году.

⁸¹ **Дмитрий Григорьевич Милов**, послушник, впоследствии иеромонах (1863–1937), поступил в Николо-Угрешский монастырь в 1880 году, после закрытия обители скитался, жил подаянием. Арестован за церковную агитацию, «за антисоветские разговоры о приходе антихриста» и расстрелян 17 сентября 1937 года. Реабилитирован в 2000 году.

⁸² В списке 1920 года уже не значатся архимандрит Виталий, иеромонахи Товия, Мелетий, Серафим, Герасим, Нил, Иларию, находившиеся в 1914 году в старческом возрасте (72–89 лет).

⁸³ ЦГАМО. Ф. 2501. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 1, 2, 69, 70.

⁸⁴ Там же. Л. 70 об.

⁸⁵ ЦГАМО. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 2–5.

⁸⁶ Воспоминания *Геннадия Ивановича Ерастова*, правнучатого племянника игумена Филофея (Антипычева).

⁸⁷ Бычков С.С. Большевики против Русской Церкви / Очерки по истории Русской Церкви 1917–1941 годов. — М.: Sam&Sam, 2006. Т. 2. С. 145.

⁸⁸ Присутствует на фотографии в альбоме 1913 года с видами монастыря, на фоне иконостаса собора (см. с. 139).

⁸⁹ **Иеромонах Феодосий** (Михаил Волков), 1865 года рождения, из крестьян, поступил в Николо-Угрешский монастырь 25.02.1887, был регентом церковного хора с того же года, пострижен 1.02.1897, посвящён в сан иеродиакона 12.11.1897, в сан иеромонаха 5.09.1899, награждён набедренником 3.09.1901, наперсным крестом — 9.09.1912 (ЦИАМ. Ф. 1371. Оп. 1. Ед. хр. 84). В 1909 году преподавал церковное пение в школе для братии.

⁹⁰ ЦГАМО. Ф. 2501. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 71–71 об.

⁹¹ Вероятнее всего, иеромонах Феодосий был возведён в сан игумена. В списке насельников от 20 марта 1920 года его нет, на основании чего можно предположить, что некоторое время о. Феодосий подвизался в другом месте.

⁹² ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Ед. хр. 230.

⁹³ По воспоминаниям епископа Арсения (Жадановского), Святейший Патриарх Тихон побывал в обители 22 августа 1924 года, а в «Очерках по истории русской церковной смуты» А. Краснова-Левитина и В. Шаврова рассказывается о посещении Патриархом Николо-Угрешского монастыря также 24 августа 1924 года. Это даёт основание предположить, что Святейший пробыл на Угреше несколько дней.

⁹⁴ *Арсений (Жадановский)*, епископ. Воспоминания. С. 117.

⁹⁵ Архивные документы за этот период опубликованы в книге: Летопись Николо-Угрешского монастыря. 1905–2009. — М.: Издательство Николо-Угрешского монастыря; ООО «Издательство «Пенаты», 2009. С. 118–160.

⁹⁶ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Ед. хр. 230. Л. 23.

⁹⁷ Рукопись воспоминаний сестры милосердия М. Филипповой.

⁹⁸ Ныне улица имени академика Б.П. Жукова в г. Дзержинском.

⁹⁹ Летопись Николо-Угрешского монастыря. С. 143.

¹⁰⁰ Не все монастырские ценности были разграблены. 2 января 1925 года представителями Главнауки сделана ревизия имущества храмов и приняты меры по охране образцов церковной живописи и прикладного искусства. Ценности из закрываемых церквей были сосредоточены в Никольском соборе и ризнице Успенской церкви, затем в Спасо-Преображенском соборе. 20 сентября 1926 года составлен акт о передаче Преображенского и Никольского храмов в ведение Государственного музея «Коломенское». На Угрешу был командирован Пётр Дмитриевич Барановский (1892–1984), известный архитектор и реставратор памятников древнерусского зодчества. В 1926–1930 годах ему удалось вывезти в музей и тем самым спасти от уничтожения многие древние иконы, предметы церковной утвари и святыни Николо-Угрешского монастыря (Летопись Николо-Угрешского монастыря... С. 138–139, 166–169, 179).

Автор благодарит члена Союза писателей России, краеведа Елену Николаевну Егорову за литературное редактирование статьи и полезные советы.

Святитель Макарий (Невский–Парвицкий)

За многовековую историю обители святителя Николая немало подвижников благочестия и ревнителей духовной жизни совершали своё служение на Угреше. Среди них нельзя не упомянуть митрополита Макария (Невского), который в 1912–1917 годах управлял Московской епархией.

Митрополит Макарий, в миру Михаил Андреевич Парвицкий, родился 1 октября 1835 года в семье бедного причётника во Владимирской губернии¹. Будущий святитель был шестым ребёнком у родителей. Семье помогал брат матери — московский протоиерей Иоанн Рождественский. Почитание со стороны юного Михаила этого священника было столь высоко, что, как описывает епископ Арсений (Жадановский) в своих «Воспоминаниях», «однажды он даже бросился в объятия к незнакомому пожилому священнику, нашедши с ним сходство с любимым дядей»².

В 1843 году семья переезжает в Сибирь, Михаил поступает в Тобольское духовное училище, а после — в Тобольскую духовную семинарию. Во время обучения его родные переезжают в Томск, он остаётся один и ведёт чрезвычайно уединённый образ жизни, увлекается чтением аскетической литературы. Большое влияние оказывают на него труды святителя Тихона Задонского. Именно в семинарии Михаил получает прозвище «Невский», которое потом ошибочно стало приниматься за фамилию³.

В 1854 году он завершает обучение в семинарии⁴. Выйдя из духовной школы с твёрдым убеждением быть миссионером, с 1855 года становится участником Алтайской Духовной миссии. В своей речи при хиротонии во епископа святитель Макарий отмечал: «Ещё на школьной скамье мысль о миссионерстве занимала меня. Известия об апостольских трудах патриарха российских миссионеров⁵ влекли сердце моё к алеутам американским. Но Промысел Божий случайным разговором со мной одного из присных моих указал мне путь к алеутам алтайским, в Алтайскую Миссию, где и обретён мною мир душе»⁶.

При всём критическом отношении к синодальной эпохе истории Русской Церкви, начавшейся с петровских времён, нельзя не отметить два элемента церковной жизни, которые нашли государственную поддержку и достаточно успешно развивались.

Это система духовного образования и миссионерство. Историограф синодального периода И.К. Смолич отмечает, что миссионерство «нельзя рассматривать как чисто церковную инициативу, в значительной степени она направлялась государством, ставившим перед церковью определённые задачи в рамках своей внутренней политики»⁷.

Именно в этом направлении и действовала Алтайская Духовная миссия, основанная в 1830 году преподобным Макарием (Глухарёвым), одним из лучших миссионеров Русской Церкви⁸. Первоначальным центром миссии, существовавшей на скудные пожертвования и средства Синода, был город Бийск, а затем посёлок Улала. В 1843 году архимандрит Макарий (Глухарёв), получивший из Синода отказ на просьбу о разрешении перевода Священного Писания на русский язык, будучи физически весьма слабым, покинул миссию. Его наследниками стали протоиерей Стефан Ландышев, который руководил миссией до 1866 года⁹, и протоиерей Михаил Чевалков, крещёный алтаец и один из опытных переводчиков. Именно они встретили Михаила Парвицкого в миссии и стали его наставниками и сподвижниками в апостольском служении распространения веры.

Михаил с интересом отдавался сложному делу проповедничества, прерывая его лишь молитвенным уединением. Первоначально непонятный алтайский язык он изучил основательно. Протоиерей Михаил Чевалков вспоминал слова святителя Макария о том, что после двух лет безуспешного изучения языка ему явилась Божия Матерь и помогла в этом деле¹⁰. Епископ Арсений (Жадановский) в своих «Воспоминаниях» упоминает о явлении во сне будущему святителю Макарию архимандрита Макария (Глухарёва), ободрившего его словами: «Ты после меня здесь обучаешься»¹¹.

Миссия при протоиерее Стефане Ландышеве стала более крупной, её бюджет увеличился на порядок. К 1858 году в миссии трудились 12 монахов, 18 священников и 4 псаломщика¹².

С 1857 года Михаил Парвицкий становится рясофорным послушником строящегося Благовещенского Чулышманского монастыря¹³. В 1861 году состоялся его монашеский постриг, а затем — хиротонии во иеродиакона и иеромонаха¹⁴.

Иноческие труды о. Макария были направлены на устройство Чулышманского миссионерского монастыря. «В конце 1865 года руководителем Алтайской миссии стал архимандрит Владимир Петров, работавший там до 1883 года и проявивший себя достойным продолжателем трудов Макария Глухарёва»¹⁵.

*Иеромонах Макарий
(Невский-Парвицкий)
1860-е гг.*

Открываются мастерские по рукоделию и иконописи, свечной завод, семинария для подготовки учителей миссионерских народных школ, школа катехетов и типография. «Владимир послал в Казань иеромонаха Макария Невского для обучения миссионерским методам у Н.И. Ильминского¹⁶. После его возвращения школьная система Алтайской миссии была перестроена по принципам Ильминского»¹⁷.

Иеромонах Макарий посещает в 1864 году Петербург для решения вопроса о печатании в синодальной типографии переводов на алтайский язык и находится в столице в течение двух лет¹⁸. Второй раз он с этой целью

путешествовал в Петербург в 1867 году. За это время он издал чинопоследование литургии Иоанна Златоуста, последования из Часослова и последование Святого Крещения, огласительные поучения, священную историю Нового Завета и наиболее употребительные в богослужении евангельские тексты на алтайском языке.

В 1868–1869 годах иеромонах Макарий работал в Казани над грамматикой алтайского языка, издал ряд святоотеческих и богослужебных книг на алтайском языке¹⁹. Кроме того, он участвовал в работе казанской крещёно-татарской школы, благодаря чему богослужение стало совершаться на татарском языке. В 1868 году он впервые отслужил литургию для воспитанников школы Ильминского на татарском языке²⁰. За эти заслуги казанское миссионерское братство во имя святителя Гурия избрало иеромонаха Макария своим пожизненным членом, а казанский архиепископ Антоний представил его к сану игумена, в который он был возведён в 1871 году²¹.

По возвращении на Алтай отца Макария жизнь миссии приобрела масштабность и оригинальность. Стало выходить много литературы на алтайском языке, для чего была создана собственная переводческо-цензурная комиссия.

В 1875 году игумен Макарий назначен помощником начальника Алтайской миссии²². Новое служение требовало постоянного контроля всех миссионерских станом и наблюдения за процессом духовного просвещения. Сотрудничество начальника миссии архимандрита Владимира и его помощника игумена Макария историк Алтайской миссии И.И. Ястребов описывает так: «Архимандрит Владимир был инициатором, организатором и руководителем этого дела, а отец Макарий исполнителем, усовершенствователем и, главное, душой его. Их трудами создана та всесторонняя система просветительского воздействия на инородцев, которой следует подражать и другим нашим миссиям»²³.

*Владыка Макарий на Алтае
Конец XIX в.*

В 1880 году в связи с 50-летием миссии была организована Бийская кафедра. Епископом Бийским, викарием Томской епархии стал архимандрит Владимир, а его преемником по миссии — отец Макарий, возведённый в сан архимандрита. Уже в 1884 году состоялась его хиротония во епископа Бийского на место переведённого в Томск владыки Владимира. Миссия продолжала оставаться приоритетным направлением деятельности епископа Макария, но к ней добавилась борьба со старообрядчеством. В 1884 году в Бийске было учреждено противораскольническое братство во имя святителя Димитрия Ростовского. Открытые выступления против раскольников²⁴ или, по другому мнению, монархические выступления против ссыльных революционеров²⁵ стали причиной поджога архиерейского дома в 1886 году.

В 1891 году владыка становится епископом Томским и Семипалатинским, а в 1905 году — епископом Томским и Барнаульским²⁶. В 1903 году его наградили бриллиантовым крестом для ношения на клобуке²⁷. В 1906 владыка Макарий был возведён в сан архиепископа. В 1908 году он становится архиепископом Томским и Алтайским, поскольку была организована викарная кафедра в Барнауле²⁸.

В 1912 году в жизни святителя Макария произошла серьёзная перемена: он сменил на Московской кафедре митропо-

*Владыка Макарий,
епископ Томский и Барнаульский
1905 г.*

лита Владимира (Богоявленского), будущего священномученика, который получил назначение в Петербург на место скончавшегося митрополита Антония (Вадковского). Предполагалось, что на Московскую кафедру будет назначен владыка Антоний (Храповицкий)²⁹, однако весьма неожиданно выбор пал на архиепископа Томского и Алтайского Макария.

Очевидно, что своё высокое положение владыка получил по Промыслу Божию. «Окончив лишь Духовную семинарию, он двадцатилетним юношей по призванию ушёл на Алтай служить делу Евангельской проповеди. Простым послушником, учителем, ка-

техизатором он начал своё многотрудное поприще, ничего не видя пред собой, кроме славы Божией и спасения ближних — любимых им алтайцев, и тем более не думая ни о какой митрополичьей кафедре при множестве других высокопреосвященнейших иерархов»³⁰.

«У Владыки Макария был полувековой миссионерский подвиг, природная способность учительства и продолжительный монашеский и святительский опыт <...> всё это не могло укрыться от тех, кто стоит на страже хранения Православия, и смиренного святителя вызвали из далёкой Сибири в Москву, — писал в своих «Воспоминаниях» епископ Арсений (Жадановский). — Москва должна была бы радоваться назначению такого светильника, но она, к сожалению, не познала его. Гордые, обольщённые своим образованием современники не ценили просветительской деятельности митрополита Макария»³¹.

Действительно, московское общество было в массе своей недовольно новым митрополитом. Он казался им слишком старым, необразованным, простым. Более всего недовольство было связано с подозрениями о влиянии на назначение владыки Григория Распутина. Вот какой отзыв оставил насельник Трои-

це–Сергиевой Лавры архимандрит Вассиан (Пятницкий): «Митрополита Макария (Невского) не любили в Лавре да и вообще в интеллигентских кругах. Тёмным пятном падало на него расположение Григория Распутина. Именно благодаря Распутину после перевода московского митрополита Владимира на Петроградскую кафедру, Макарий, чуть ли не единственный из тогдашних архиереев не имевший академического образования, был назначен на Московскую митрополию. Сохранилась телеграмма, посланная Распутинным из Сибири Николаю II, в которой безграмотный автор, охая других кандидатов — архиепископа Антония (Храповицкого), Арсения (Стадницкого) и Сергея (Страгородского), — с настойчивостью указывал на Макария. Хитрый Распутин сумел обойти простодушного и чуждого политическим тонкостей старца, разыграть перед ним благочестивого человека и добиться от него некоторого к себе сочувствия. Поэтому он и решил возвести его на Московскую митрополию, чтобы иметь опору в Москве, и почти приказал царю: «Дай ему метру!» (то есть «митру»)³².

*Митрополит Московский
и Коломенский Макарий
(Невский-Павицкий)
1910-е гг.*

Эти обстоятельства, безусловно, осложняли митрополиту Макарию управление Московской епархией. При нём в храмах вводилось общенародное пение, активно велась работа по катехизации, издавались беседы и поучения митрополита, отличавшиеся простотой и доступностью.

Как правящий архиерей Московской епархии владыка посещал и Николо–Угрешский монастырь. В Московских Церковных Ведомостях было напечатано довольно подробное описание такого посещения в 1913 году³³.

В 1917 году наше Отечество переживало события, определившие ход его исторического развития на многие десятилетия вперёд. Смена монархического строя на власть Временного правительства и последующая победа большевиков сильно осложнили деятельность Русской Православной Церкви, которая вступила на путь беспримерных страданий.

Историк Игорь Смолич так охарактеризовал исторические реалии того времени: «Церковь пытается вступить на свободный и самостоятельный путь развития и провести реформу сверху донизу. Но внутривластный переворот в России ставит её теперь под удар новой государственной власти. Церковь теоретически от государства отделена, практически же новая государственная власть вмешивается в жизнь Церкви. Русская Церковь, или лучше сказать Восточно-Православная Церковь в СССР теперь должна бороться за своё христианское существование. Эта борьба имеет для данного периода эпохальное значение»³⁴. В таких сложных исторических условиях предстояло митрополиту Макарию оставить кафедру и переселиться на покой в Нико-ло-Угрешский монастырь.

Связанные с событиями февраля-марта 1917 года изменения церковной власти и появление новых людей в Синоде — вот обстоятельства, способствовавшие устранению с Московской кафедры митрополита Макария (Парвицкого-Невского).

В 1917 году в Святейшем Синоде появился новый обер-прокурор В.Н. Львов, «человек удивительно поверхностный, ни к чему, кроме произнесения либеральных речей, не способный и комически самовлюблённый»³⁵. Святитель Тихон дал такую характеристику этому обер-прокурору: «барин, на время одевший красную рубашку»³⁶.

«Уже 4 марта, только приступив к исполнению своих новых обязанностей, он явился в Синод и в очень резкой форме потребовал удаления... митрополита Петербургского Питирима и Московского Макария, которые, как всем было известно, попали туда по милости Распутина»³⁷.

Львов организует делегацию московского духовенства, которая предъявляет митрополиту ложные обвинения и обращается с просьбой о назначении нового архиерея к самому же Львову. Лжесвидетельства сводились к тому, что митрополит Макарий якобы «по старости лет не способен управлять епархией <...> по простоте произносимых им учений и вообще по образованию не подходит к такому учёному центру, как Москва, наконец, при определении на места священнослужителей допускает симонию под предлогом жертвы на Алтай»³⁸.

Обер-прокурор сам явился в покои митрополита в сопровождении военной охраны и с криками и угрозами принудил иерарха написать прошение об уходе на покой. Под ужасным давлением, не имея никакой поддержки, престарелый митрополит подал требуемое от него прошение.

Возникло очень странное противоречие: «Московский архипастырь был удалён от кафедры по неспособности к управлению, но при этом ему тут же преподнесли от Синода адрес, в котором восхвалялись его деятельность, миссионерские труды и любовь к нему простого народа в Москве»³⁹. Митрополит Макарий оказался лишённым управления Московской епархией без суда и достаточных оснований. В своём послании от 2 апреля 1917 года он говорил, что это событие — «факт небывалый для Московской митрополии. Московские митрополиты никогда не увольнялись на покой: ни по болезни, ни по старости, ни по слепоте, ни даже при появлении психического расстройства. Тем более мне не предъявили какой-либо неисправности или запущенности дел»⁴⁰.

Митрополит Макарий был изгнан из Москвы. Его лишили права проживания в Троице-Сергиевой Лавре, священноархимандритом которой он был, и положенного по статусу проживания на покое. Не задержался он и в Зосимовой пустыни, избранной им местом пребывания. Чуть ли не принудительным путём водворили его в Николо-Угрешском монастыре: «Окружной дорогой повезли Святителя на ближайшую к Угреше станцию, не дав ему даже возможности заехать в Москву и проститься с московской паствой. Выслана была одна лошадь с весьма грязным экипажем, в котором и перевезли Владыку на место заточения»⁴¹.

Митрополит Макарий пытался исправить своё положение. Тем более что возможность для этого предоставлялась — в Москве в 1917 году открылся Всероссийский Церковный Собор, ярчайшим событием которого стало восстановление патриаршества. Волею Божией на Всероссийский Патриарший престол был избран святитель Тихон (Белавин) — один из лучших архипастырей того времени. Но не только восстановлением патриаршества славен этот Собор. Значительным его завоеванием мы можем считать введение мирян в активную церковно-административную работу, начиная с Высшего Церковного Совета и кончая епархиальными собраниями, епархиальным советом, а также приходскими организациями.

Это был самый многочисленный Собор в истории Русской Православной Церкви. Однако митрополит Макарий не был приглашён на него и болезненно воспринимал замещение своей кафедры. Всё же Собор, вняв настойчивому ходатайству сибирских архипастырей-миссионеров, вынес полное оправдание митрополиту Макарию. К большому сожалению, данное постановление не было предано всенародной огласке, а сообщено лишь

одному святителю Макарию. Только в 1920 году этот вопрос был улажен — патриарх Тихон во внимание к 50-летним трудам на Алтае даровал владыке Макарию пожизненный титул митрополита Алтайского⁴².

В Николо-Угренском монастыре святитель Макарий прожил восемь лет, которые можно разделить на два периода. Первый занимает три с половиной года до его болезни (паралича); второй — до конца жизни, проведённый им большей частью в постели и инвалидном кресле.

Святитель Макарий поселился в архиерейском доме, где располагался домовый храм во имя преподобного Сергия Радонежского. Кроме этой церкви, он служил в монастырском соборе по воскресным и праздничным дням, проповедовал, принимал людей.

Епископ Арсений (Жадановский) писал, что у владыки Макария сложились очень тёплые отношения с детьми из местной колонии Наркомфина. «Он не терял случая благотворно влиять на них, благословлять, учить и наставлять. В утешение Святителю дети читали стихи, молитвы, пели духовные песни, а он учил их Священной истории, задавал и спрашивал уроки. В праздники малыши прибегали к службе, в дни Ангела непременно исповедовались и причащались. Один раз две девочки-именинницы пришли в церковь перед «Отче наш», и служащий иеромонах отказался их причащать. Заметив это, Владыка вызвал из алтаря

Архиерейский дом. Начало XX в.

иеромонаха и попросил его причастить детей, беря на себя невольную их ошибку, добавив при этом: «Не надо детей отстранять от Христа; сегодня они так близко подошли к Нему, а то, смотри, и охладеют: завтра уроки, а там прогулка и так далее»⁴³.

Святитель Макарий, поселившись на Угреше, расположил к себе монастырскую братию. Особым духовным торжеством был день тезоименитства святителя Макария, когда братия вместе с архимандритом Макарием сослужила владыке в крестовом храме Архиерейского дома. Владыка митрополит разделял и те трудности, которые испытывала обитель в сложные революционные годы.

Архиепископ Михаил (Ермаков), в 1917 году посетивший владыку Макария на Угреше, так описывает его нужды: «... Кухни при доме нет, с пропитанием у митрополита большие затруднения. Затем, старец нуждается во врачебной помощи, а в монастыре и в окрестностях никакого намёка на медицину нет <...> Тяжесть этих обстоятельств ещё усугубляется нелюбезностью о. настоятеля...»⁴⁴.

Однако сам митрополит Макарий не жаловался на настоятеля, а, наоборот, писал: «Угреша не может дать мне содержания и обстановки, ибо монастырь и сам нуждается в средствах...»⁴⁵ Этим, видимо, и объясняется та «нелюбезность» со стороны настоятеля, о которой говорит преосвященный Михаил. Следует отметить, что оскудение в монастыре дошло до такой степени, что даже не хватало чистой муки для просфор, и однажды на литургии, которую совершал митрополит Макарий, выяснилось, что в просфоре была ржаная мука. Об этом владыка сообщил Святейшему Патриарху Тихону, который отвечал: «Что касается муки, то для агнца можно и теперь иметь пшеницу»⁴⁶. Потерпел «угрешский заточник», как сам называл себя владыка Макарий, и голод, и холод. Это подорвало здоровье старца, и без того слабое.

В 1918 году произошло нападение на дом митрополита Макария.

*Митрополит Макарий
в Николо-Угрешском
монастыре. Около 1920 г.*

Он подробно писал об этом в письме святителю Тихону Московскому:

«Долг имею почтительнейше довести до Вашего Святейшества о нападении, произведённом 3 октября бандитами в занимаемом мною доме Николо-Угрешского монастыря, а также в помещениях, занимаемых начальствующими лицами этой обители.

В 6 часов вечера 22 октября 1918 года, когда начиналось вечернее богослужение в моей домовой церкви, вошли несколько лиц, вооружённых револьверами. Они вошли через парадную лестницу прямо в алтарь, а оттуда в смежный молитвенный зал, где по обычаю я нахожусь во время богослужения. Остановка богослужения, шум, смятение, произведённое вошедшими, дали знать, что это не благоговейные богомольцы, а кощунственные осквернители храма. Стоявший во главе вошедшей группы отличался сколько величиной роста, столько грубостью речи и оскорбительностью обращения со мной. Оставшиеся на карауле в нижнем этаже дома товарищи его принудили обитателей нижнего этажа дома подняться в церковный зал, воспретили им выходить куда-либо и выглядывать в окно, хотя на улице было уже темно. Старший из бывших во главе пришедших предложил мне сесть и начал делать вопросы в грубой форме о хранении капиталов и моей ризнице. Не получивши от меня желательного для него ответа, он при пособничестве своих товарищей стал делать обыск во всех моих комнатах, имея в виду по преимуществу желательные для него капиталы и ценные вещи. Не найдя там искомого, он дерзко стал требовать указать место хранения так называемого несгораемого шкафа с капиталами. При этом угрожал расстрелом. Получивши ответ, что такого ящика с капиталами нет, что я запасных капиталов не имею, содержусь на средства пенсии и при помощи монастыря, он направил на меня револьвер, который держал в руке.

На это я ответил, что смерть нам, христианам, не страшна, что я готов, и, оградив себя крестым знамением, обратился к нему грудью, ожидая выстрела, но такового не последовало. Разгневанный неудачей своей, он подошёл и сделал мне оскорбление рукой. После этого он пожелал видеть ризницу. Я поручил исполнение этого требования лицу, заведующему ризницей, которая находилась здесь же.

Перебравши и осмотревши всё, он взял из моих собственных вещей: одну митру ценную, с таким же дорогим крестом, при этом он кощунственно одел её на себя, две панагии и наперсный

крест; с головных бархатных скуфеек сорвал крестики.

Сделавши всё это, он с заметной торопливостью ушёл со своими товарищами делать обыск в монастырских храмах и келиях начальствующих лиц...»⁴⁷

В ответ святитель Тихон передал владыке Макарию свою митру с крестом, а также составил обращение к Совнаркому, где говорилось: «Надеюсь, что власть имущие примут, наконец, меры к тому, чтобы прекратились подобные явления и не допускались впредь...»⁴⁸ Председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ульянов (Ленин) отправил письмо к народному комиссару юстиции, где велел «немедленно назначить строжайшее судебное следствие по возмутительному делу об оскорблении действием 80-летнего старца бывшего митрополита Московского Макария и о других противозаконных поступках группы лиц, ворвавшихся во время богослужения в Николо-Угрешский монастырь»⁴⁹.

Однако к ноябрю 1918 года стало очевидно, что никаких конкретных результатов расследование Наркомата юстиции не принесло и дело следует закрыть.

Это происшествие сильно повлияло на здоровье митрополита Макария. С ним случился нервный удар, появилась бессонница. Он даже хотел покинуть Угрешу и переехать в другой монастырь, но письмо святителя Тихона ободрило и успокоило опального старца. Поспособствовало этому и следующее обстоятельство: во сне владыка увидел, будто его мать пришла к нему в дом, всё кругом осмотрела, наложила крючки на все двери и как бы заперла в нём сына-святителя⁵⁰.

Трогательно было отношение владыки к своим благодетелям: самые незначительные дары принимал он сам лично, тут же благословлял приносящих, благодарил их и усердно о них молился. Синодик его был испещрён множеством имён живых и умерших, поминаемых ежедневно на Литургии и в частной молитве⁵¹.

*Святейший Патриарх
Тихон (Белавин). 1918 г.*

Одна из воспитанниц детской колонии В.К. Чуренкова († 1995) рассказывает о пребывании в то время святителя Макария на Угреше следующее: «В ограде монастыря сохранился небольшой дом, где жил митрополит Макарий. Он был парализован, его возили в кресле-коляске прекрасные женщины, очень опрятные. Мы, дети, ходили к митрополиту. У него вокруг дома была застеклённая веранда. Он нас благословлял. Мы становились вокруг его кресла на колени и пели ему: «Был у Христа–Младенца сад». Он очень любил, когда мы ему пели, и давал нам маленькие иконки. В доме была небольшая церковь. И мы пели там ему заутреню на Пасху и обедню, регентом был наш завхоз колонии. И тут же в доме у него была небольшая звонница. Я очень любила звонить в эти колокола <...> до мозолей. Из дома митрополита был ещё один выход в большой фруктовый сад. Там росло всё, вплоть до орехов. Нас неоднократно пускали в этот сад...»⁵²

Ольга Серафимовна Дефендова, ухаживавшая за митрополитом, рассказывала: «В утешение святителю дети говорили стишки, читали молитвы, пели из «Лепты», а он учил их Священной истории, задавал уроки, спрашивал и вразумлял. В праздники малыши прибегали к обедне, а в дни Ангела непременно исповедовались и причащались... Дети очень любили старца и не боялись его: например, трёхлетние малютки говорили ему стишки и льнули к нему своей ангельской душой... Так утешали дети святого нашего старца, он же всем им отвечал одинаковой любовью и лаской. Трогательно было всё это... наблюдать»⁵³.

Митрополит Макарий очень любил природу, бережно относился ко всему живому, даже надоедливые крики грачей во время весеннего гнездования не раздражали его. На Угреше у него был хороший телескоп, и ночами он любовался звёздным небом. Днём старец с удовольствием прогуливался по территории обители и ближайшим окрестностям.

«6 августа 1920 года владыка долго гулял, пришёл радостный, светлый. «А я кругом всю монастырскую ограду обошёл»⁵⁴, — сказал он. Это была последняя его самостоятельная прогулка, в тот же день у него случился инсульт, после которого он уже не мог служить в монастырском соборе. С этого момента митрополит находился в покоях архиерейского дома вплоть до выселения в 1925 году.

Сохранились воспоминания В.Ф. Джунковского о святителе Макарии: «...Ему уже около 90 лет, он живёт в небольшом уютном домике в районе Николо-Угрешского монастыря, у него парализована вся левая сторона, рука и нога, и он совершенно беспомо-

щен, только благодаря чудесному ангельскому уходу сестры милосердия вдовы земского начальника Дефендовой, которая посвятила себя заботам о престарелом митрополите, он находится в хороших условиях. У него <...> крошечная домовая церковь, и ежедневно в этой церкви служатся всенощная и обедня, которые он никогда не пропускает, сидя в кресле, которое подкатывают в алтарь. Голова у него свежа, он всех узнаёт и трогательно радуется, когда его навещают, встречая всех со свойственной ему обворожительной, полной доброты и участия улыбкой (Я его навещал в последний раз в прошлом, т.е. в 1922 году)⁵⁵.

Большим утешением для престарелого митрополита стал приезд архиепископа Бийского Иннокентия⁵⁶, прослужившего в Алтайской миссии 53 года. Поселившись у митрополита Макария, 80-летний архиепископ, выпущенный из заключения в Бутырской тюрьме, стал постоянным собеседником святителя и помощником в богослужении. Кроме того, на Угрешу приехала Чемальская игуменья Людмила, словно привёзшая с собой частицу Алтая⁵⁷.

Особо значимыми событиями для Николо-Угрешского монастыря и жившего в нём митрополита Макария стали визиты Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона. 16 мая 1924 года состоялась первая поездка Патриарха Тихона в Николо-Угрешский монастырь после ареста⁵⁸.

21 августа 1924 года Патриарх прибыл в обитель для совершения всенощного бдения под праздник явления иконы святителя Николая⁵⁹. В тот же день в архиерейских палатах обители состоялось очень тёплое и дружеское свидание Святейшего с бывшим митрополитом Московским Макарием. Был сделан фотографический снимок, запечатлевший участников этой встречи⁶⁰.

Исследователь жизни Святейшего Патриарха Тихона М.И. Вострышев приводит описание посещения святителем Угрешского монастыря из воспоминаний епископа Сергия (Ларина): «Весь обширный монастырь в этот день был заполнен богомольцами, прибывшими не только из окрестных сёл, но — в большом количестве — из Москвы... Во дворе монастыря по выходе Святейшего из собора к нему подвели сопротивляющуюся кликушу, выкрикивающую непонятные слова. Но несколько человек, невзирая на её сопротивление, всё-таки подвели её к Патриарху, который ещё издали, слыша крики и вопли, поглядывал на неё с состраданием. Он благословил её, положив свою руку на голову, причём сказал несколько успокоительных слов, расслышать и понять которые среди общей суматохи и криков

было невозможно... Она сейчас же как-то осела, смолкла, перестала корчиться, а затем, отойдя немного, уселась в сторонке — бледная и измождённая. Она тихо плакала, утирая и размазывая слёзы концом головного платка, сбившегося на затылок»⁶¹.

Огромное стечение людей на праздник явления иконы Святителя Николая и патриаршее служение поражает нас: одним только водным путём по реке Москве прибыло свыше 14 000 человек⁶².

*Святитель Тихон, Патриарх
Московский и всея Руси. Стенопись.
Спасо-Преображенский собор
Николо-Угreshского монастыря.
2010 г.*

Спустя несколько дней святитель Тихон снова посетил Угreshскую обитель и навестил митрополита Макария (Невского), который был тогда тяжело болен. «24 августа 1924 года Патриарх прибыл к воротам монастыря. Встреченный настоятелем, в сопровождении архимандрита Анемподиста и шестнадцатилетнего иподиакона, Патриарх в куколе и мантии, войдя в храм и поклонившись престолу, проследовал в покои заштатного митрополита. Как всегда в минуты волнения, движения Патриарха стали порывистыми и быстрыми. В небольшом зале навстречу Патриарху выкатили в колясочке больного митрополита, чисто вымытого и одетого в белый клубук. Подойдя к митрополиту, патриарх поклонился старику до земли — из глаз больного катилась слеза <...> все присутствовавшие поспешили покинуть комнату. Патриарх оставался наедине с митрополитом Макарием полтора часа — всё время иподиакон, находившийся в соседней комнате, слышал не умолкавший ни на минуту голос Патриарха.

После посещения митрополита Макария Патриарх казался успокоенным, медленно обошёл он стены древнего монастыря, построенного ещё при Димитрии Донском, затем заходил в келью схимницы Михайлы, жившей около монастыря, пил у неё чай с вареньем и тихо беседовал...

Это был один из немногих хороших и спокойных дней за последний год жизни патриарха»⁶³.

Возможно, в этом воспоминании есть неточности. Скорее всего, описан не новый приезд Патриарха 24 августа, а окончание многодневного пребывания святителя на Угреше.

Может быть, именно визит святителя Тихона дал повод начальнику 6-го секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучкову начать агентурную разработку «группы крайне правых монархистов, объединяющихся вокруг бывшего Московского митрополита Макария, игумена Никола-Угрешского монастыря Аркадия, иоаннитки Матрёны Филипповой, бывшей непосредственной сподвижницы Иоанна Кронштадтского»⁶⁴. Тучков писал: «В Угрешский монастырь приезжают разные монахи и живут там продолжительное время. Недавно приезжала игуменья Чемальского монастыря Августа (Алтайская область) и проживала в монастыре несколько месяцев. По имеющимся сведениям, Филиппова имеет связь с иностранными монархическими организациями»⁶⁵. Об этой агентурной разработке Тучков докладывал 10 ноября 1924 г. начальнику СО ОГПУ Дерибасу. Названный Тучковым «игуменом монастыря» Аркадий (Шитов) был келейником митрополита Макария.

Атеистическая власть, желая уничтожить Церковь Христову, способствует расколу, в идеологическую основу которого ложатся либеральные течения в религиозных воззрениях. Свидетель того времени архимандрит Феодосий (Алмазов) писал, что «обновленцы» принизили, обмирщили небесный идеал христианства»⁶⁶. Обновленцев также называли «живоцерковниками» по имени группы протоиерея Владимира Красницкого. «Митрополит» Антонин (Грановский), первый глава обновленческой церкви, впоследствии охарактеризовал своих собратьев со свойственной ему резкостью так: «Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков»⁶⁷.

После того как в 1923 году Святейший Патриарх Тихон был освобождён из-под ареста, он начал служить в храмах, тем самым явно нанося удар по обновленческому расколу. Обычно эти храмы сохраняли верность тихоновской церкви, а если и уклонялись в обновленчество, то после принесения покаяния и переосвящения престолов храма общины переходили в ведение Патриарха. Лидер обновленческого раскола священник А.И. Введенский говорил о тех годах Патриарха Тихона: «Его теперь в Москве на каждом углу засыпают цветами, никогда до ареста он не пользовался такой популярностью»⁶⁸.

Важно отметить: визит патриарха подтверждает, что Угрешский монастырь не уклонился в обновленческий раскол, взволновавший церковную жизнь в 1920-е годы и последствия которого продолжались вплоть до послевоенных лет, в чём видна и заслуга митрополита Макария. Епископ Арсений (Жадановский) упоминает о попытках проникновения обновленческого раскола в монастырь: «Как-то раз явились представители от духовенства «Живой Церкви» с намерением обманом получить от владыки подпись на какую-то бумагу... Старец оставался непреклонным в своих православных взглядах и не дал никакой подписи»⁶⁹.

Преемник патриарха Тихона, Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Пётр (Полянский), также бывал на Угреше. О его встречах с митрополитом Макарием упоминает епископ Арсений (Жадановский): «Не раз навещал больного архипастыря и митрополит Пётр, который, сделавшись Патриаршим Местоблюстителем, почёл непременным долгом побывать у старца и испросить благословение на новое, в высшей степени ответственное своё служение»⁷⁰.

Близким человеком для митрополита Макария стал настоятель Никольского храма на Маросейке Сергей Мечёв, сын святого праведного Алексия Мечёва, будущий священномученик. Т.И. Куприянова, духовная дочь батюшки, писала: «...Летом 1924 отец Сергей <...> совершил поездку в Николо-Угрешский монастырь под Москвой»⁷¹. Она также рассказывала: «Впервые я встретилась со

*Митрополит
Пётр (Полянский)
Середина 1920-х гг.*

многими, кого знала лишь внешне по храму. Как-то особенно радостно было ехать вместе в поезде, чувствовать себя вместе со всеми, видеть среди нас о. Сергея — оживлённого, разговаривающего то с одной, то с другой группой.

Когда мы вышли из поезда и направились полевой дорогой к монастырю, сёстры запели, о. Сергей подхватил, и так радостно было идти в кругу близких, так легко дышалось, так дружно звучало пение.

Когда показались главы Угрешского монастыря, о. Сергей запел тропарь святителю Николаю, и здесь, среди полей, он звучал по-особенному торжественно.

Внезапно разразился тёплый летний дождик. Он только прибавил всем веселья, а по приходе в монастырь сёстры раздобыли утюг, и началось глажение. Особенно промокла белая ряса о. Сергия, её немедленно просушили горячим утюгом. И когда вручили о. Сергию идеально выглаженную рясу, он лукаво поглядел на одну из сестёр и сказал: «Вот бы дома так всё выполняли». Невольно покраснела не одна сестра: многие из нас забрасывали домашние обязанности.

Вскоре о. Сергей повёл нас за благословением к владыке Макарию. Он, разбитый параличом, сидел в кресле и мог только слегка поднять правую руку на благословение. В то время я очень мало знала о м[итрополите] Макарии, о его апостольском подвиге на Алтае, но когда увидела, с каким благоговением опустился у его кресла о. Сергей и как почтительно принял благословение <...> всем сердцем почувствовалось, что немощный, беспомощный старец — это значительная духовная личность.

Вечером молодёжь затеяла на лужайке игры, бегали в горелки, и сам о. Сергей принял горячее участие, а после подшучивал над теми, кто стоял в сторонке, называя их «старичками».

Каким-то образом всю нашу большую компанию разместили на ночёвку, а рано утром о. Сергей исповедовал нас и дал нам возможность быть причастниками.

После этого дня я значительно крепче ощутила свою связь со всеми, как-то реальнее стало понятие единой «семьи»⁷².

Однако именно с 1924 года начинается планомерная подготовка к закрытию монастыря. Буквально через неделю после торжеств в честь явления иконы Святителя Николая советская власть начала уничтожать в обители всё, что было связано с Церковью, а с наступлением весны 1925 года активно обсуждается вопрос о переселении митрополита Макария из монастыря. Мос-

*Священник Сергей (Мечёв)
у митрополита Макария
на Угреше. 1924 г.*

ковский отдел народного образования ходатайствует о закрытии храмов в бывшем Николо-Угрешском монастыре. 2 мая святитель Макарий и 13 человек, проживавшие с ним в Архиерейском доме Николо-Угрешского монастыря, выехали в близлежащее село Котельники. Митрополит разместился в доме Мелании Павловны Трагейм⁷³. Там и последовала кончина святителя 29 февраля 1926 года.

*Владыка Макарий в постели
Середина 1920-х гг.*

«В пять часов вечера, — вспоминает присутствовавший при кончине епископ Арсений, — отправлена была всенощная священномученику Ермогену, празднуемому 17 февраля. Архипастырь лежал в продолжение её тихо, спокойно, с удовлетворительным пульсом. После службы все вышли из комнаты, думая дать Святителю ночной покой. Но не прошло и получаса, как оставшаяся при больном сестра милосердия выбежала и объявила: «Идите же скорее, Владыка кончается, пульс слабеет!»

Все бывшие в доме, числом около шестнадцати человек, приблизились к одру умирающего и опустили на колени, а мне предложили читать отходную. Поместившись у изголовья архиерея Божия, неспешно, раздельно выполнил я это, и, когда окончил, святитель ещё продолжал дышать, хотя уже и с замедлением.

Присутствующие, стоя на коленях, продолжали молиться в ожидании кончины праведника: кто призывал на помощь Божию Матерь, взывая: «Богородице Дево, радуйся», кто шептал: «Живый в помощи Вышняго...» — или же «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...» — а кто своими словами из глубины сердца взывал ко Господу.

В такой исключительной обстановке, как бы в созерцании происходящего таинства смерти, пробыли мы ещё около получаса. Я решился тогда прочесть вторую отходную, положенную на скорейшее разлучение души с телом, и едва я кончил, как святитель Божий, глубоко вздохнув, тихо предал дух свой Господу...

Глаза его остались полуоткрытыми, и я, недостойный и грешный, прикрыл их до будущего славного Пришествия Христова и Общего Воскресения.

Чьи же и какие глаза прикрыл я? Того, кто на своём веку выразил много ласки, привета духовным чадам и особенно детям, того, кто, видя красоту природы, неоднократно радовался, того, кто обратился к свету Евангелия простых сердцем алтайцев, того, кто составил много полезных поучений, наставлений и переводов на инородные языки Слова Божия, того, чьи глаза более шестидесяти лет созерцали Тело и Кровь Господни при частом усердном и глубоко проникновенном служении Божественной литургии. Я закрыл глаза святителя, у которого недостойн лобызать и ноги, так долго потрудившиеся на святительском поприще»⁷⁴.

Три игумена, одним из которых был келейник святителя Аркадий, спрятали тело. Литургию и отпевание возглавил архиепископ Бийский Иннокентий. Всего же в последний путь апостола Алтая провожало 7 архиереев, 79 священнослужителей и множество мирян⁷⁵. Похоронили владыку в ограде церкви села Котельники. Перед погребением заранее проверенный замок на гробе вдруг сломался, и пришлось опускать гроб незакрытым.

В апреле 1957 года останки митрополита Макария были вскрыты и освидетельствованы представителями Московской Патриархии: гроб истлел, а тело и облачение остались целыми. Честные останки были перенесены в Лавру и захоронены в храме Всех святых, в земле Российской просиявших, где и покоятся поныне.

Жизненный путь святителя удивителен: он, следуя словам Спасителя (Мф. 16, 24), отвергся себя, взял крест свой и последо-

*Святитель Макарий (Невский-Парвицкий)
Стенопись. Спасо-Преображенский собор
Николо-Угрешского монастыря. 2010 г.*

*Храм во имя святителя Макария,
митрополита Московского и
Коломенского. г. Дзержинский
Московской обл. 2010 г.*

менно устроенном храме Свято-Макарьевского Покровского монастыря в г. Бийске начала мироточить незадолго до этого написанная художником С.А. Морозовым икона святителя Макария (Невского), где он изображён держащим в левой руке макет Покровского храма⁷⁸. Особенно явно миро истекало из левой двери макета храма, лика и контура мантии святителя.

На Угрешской земле, где благоговейно чтят святителя Макария, в его честь 8 мая 2003 года наместником Николо-Угрешского монастыря архимандритом Вениамином, впоследствии епископом Люберецким, освящена приходская церковь, возведённая на площади Дмитрия Донского на средства благотворителей.

1 октября 2009 года в Бийске на Архиерейском подворье

вал за подвигоположником Христом, отрёкшись своей воли и преклонив главу под десницу Божию. «Митрополит Макарий был духовным писателем, имел дар умной сердечной молитвы, был строгий монах и аскет»⁷⁶. «Живой русский святой» — так называл его священномученик Сергей Мечёв⁷⁷. За подвиг веры, проявленный в Алтайской миссии, в архиерейском служении и в исповедническом терпении скорбей Деянием Юбилейного Архиерейского собора 2000 года митрополит Макарий (Невский) прославлен в лике святых.

13 мая 2002 года во вре-

*Памятник святителю Макарию
г. Бийск. 2009 г.*

епископ Алтайский и Барнаульский Максим освятил бронзовый памятник святителю Макарию (Невскому), автором которого является известный скульптор Сергей Исаков. Торжество было приурочено к 140-летию открытия барнаульских духовных школ и 15-летию возрождения епархии⁷⁹.

Все эти факты свидетельствуют о широком почитании святителя Макария (Невского), митрополита Московского и Коломенского, в разных уголках нашего Отечества.

Ссылки и комментарии

¹ Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи в период с 1893 по 1965 год (включительно). — Erlangen. 1979–1989. С. 223.

² Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. — М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ПСТБИ), 1995. С. 186.

³ «Царю Небесному и земному верный». Митрополит Макарий Московский, апостол Алтайский (Парвицкий — «Невский»). — М.: Паломник, 1996. С. 249.

⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сб. в 2-х частях / Сост. М.Е. Губонин. — М.: ПСТБИ, 1994. С. 871.

⁵ Имеется в виду митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Попов-Вениаминов), предшественник по Московской кафедре святителя Макария, прославленный в лике святых в 1977 году.

⁶ Архипастырские послания, воззвания и наставления Макария, митрополита Московского и Коломенского. — Сергиев Посад, 1914. Вып. II. С. 201.

⁷ Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700–1917. В 2-х частях. — М.: Валаамский монастырь, 1997. Ч. 2. С. 200.

⁸ Там же. С. 243.

⁹ Там же. С. 245.

¹⁰ «Царю Небесному и земному верный»... С. 250.

¹¹ Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. С. 187.

¹² Смолич И.К. История Русской Церкви. С. 245.

¹³ «Царю Небесному и земному верный»... С. 250.

¹⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 872.

¹⁵ Смолич И.К. История Русской Церкви. С. 246.

¹⁶ **Ильминский Николай Иванович** (1821–1891), один из талантливейших миссионеров Русской Церкви, профессор Казанской Духовной Академии и Казанского Университета, член-корр. Петербургской Академии наук, специалист-тюрколог, организовал преподавание для иногородцев на их языке.

¹⁷ Смолич И.К. История Русской Церкви. С. 246.

¹⁸ Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи... С. 225.

¹⁹ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 872.

²⁰ Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. С. 190.

²¹ Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи... С. 230.

²² Там же. С. 232.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 233.

²⁵ «Царю Небесному и земному верный»... С. 256.

²⁶ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 872.

²⁷ Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи... С. 241.

²⁸ Там же.

²⁹ «Царю Небесному и земному верный»... С. XXV.

³⁰ Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. С. 194.

³¹ Там же.

³² Волков С.А. Последние у Троицы. Воспоминания о Московской духовной академии (1917–1920). — М.–СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 250.

Отметим, что слухи о влиянии Распутина на действия императора Николая II были весьма преувеличенными.

³³ Пребывание митрополита Макария в Николо-Угрешском монастыре // Московские церковные ведомости, 1913. № 30. С. 2.

³⁴ Смолич И.К. К вопросу периодизации истории Русской Церкви / Пер. с немецкого архимандрита Макария (Веретенникова) // Альфа и Омега, 1998. № 3. С. 25.

³⁵ Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.А. Очерки по истории русской церковной смуты. — М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. С. 33.

³⁶ Там же. С. 45.

³⁷ Смолич И.К. История Русской Церкви. С. 725.

³⁸ Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. С. 202.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 205.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 207.

⁴³ Там же. С. 216.

⁴⁴ «Царю Небесному и земному верный»... С. 314.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 163.

⁴⁷ Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. С. 212.

⁴⁸ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 156.

⁴⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. — М.: Политиздат, 1978. С. 186.

⁵⁰ Арсений (Жадановский). Воспоминания. С. 213.

⁵¹ Там же. С. 214.

⁵² Егорова Е.Н., Антонова И.В. Угреша. Страницы истории. — Дзержинский: ДМУП «Информационный центр», 2005. С. 198.

⁵³ Арсений (Жадановский). Воспоминания. С. 216.

⁵⁴ Там же. С. 235.

⁵⁵ Летопись Николо-Угрешского монастыря. — М.: Издательство Николо-Угрешского монастыря; ООО «Издательство «Пенаты», С. 101.

⁵⁶ Просветитель Алтая владыка **Иннокентий** (Константин Соколов) родился в 1846 году, после окончания Московской духовной семинарии в 1867 году назначен учителем Николо-Перервинского духовного учили-

ща, в 1871 году принят на службу в Алтайскую духовную миссию, в 1873 году рукоположён в иерея и назначен миссионером. В 1890 году он стал благочинным миссионерских церквей, в 1897 году возведён в сан протоиерея. В 1902 году он принял постриг, был возведён в сан архимандрита и назначен помощником начальника Алтайской миссии. В 1905 году Иннокентий хиротонисан в епископа Бийского, викария Томской епархии, и назначен начальником миссии. С 1919 по 1925 год он упоминается как архиепископ Бийский и Алтайский. Скончался 14 августа 1937 году в доме своего сына протоиерея Николая Соколова на подмосковной ст. Немчиновка.

⁵⁷ Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. С. 231.

⁵⁸ *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. — М.: Молодая гвардия, 2004. С. 351.

⁵⁹ Там же. С. 355.

⁶⁰ *Арсений (Жадановский)*, епископ. Воспоминания. С. 240.

⁶¹ *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. С. 355.

⁶² ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Ед. хр. 230. Л. 27.

⁶³ *Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.А.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 402.

⁶⁴ *Летопись Николо-Угрешского монастыря.* С. 131.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ *Феодосий (Алмазов)*, архим. Мои воспоминания (Записки соловецкого узника). — М.: Крутицкое Патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1997. С. 52.

⁶⁷ *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.А.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 190.

⁶⁸ Там же. С. 319.

⁶⁹ *Арсений (Жадановский)*, епископ. Воспоминания. С. 240.

⁷⁰ Там же. С. 239.

⁷¹ *Мечёв Сергей*, священномученик. «Вы — мой путь ко Христу»: проповеди, письма к общине, воспоминания. — М.: Благовест, 2009. С. 313.

⁷² *Летопись Николо-Угрешского монастыря.* С. 126.

⁷³ *Егорова Е.Н., Антонова И.А.* Угреша. Страницы истории. С. 223

⁷⁴ *Арсений (Жадановский)*, еп. Воспоминания. С. 242.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Акты Святейшего Патриарха Тихона...* С. 872.

⁷⁷ «Царю Небесному и земному верный». С. III.

⁷⁸ *Лушиников А.* Бийск православный // Алтайская правда. 11.05.2005.

⁷⁹ *Муравлёв А.* Негасимая свеча // Алтайская правда. 3.10.2009.

Ярослав Смеляков на Угрешской земле

Детство и юность

Судьба известного русского советского поэта Ярослава Смелякова не проста и во многом трагична. Родился он в городе Луцке Волынской губернии 26 декабря 1912 года / 8 января 1913 года. Его отец Василий Смеляков работал весовщиком на железнодорожной станции, мать Ольга Васильевна вела домашнее хозяйство, воспитывала троих детей. Младший сын Ярослав особенно любил её. С Луцком связаны первые детские воспоминания будущего поэта:

*Я родился в уездном городке
и до сих пор с любовью вспоминаю
убогий домик, выстроенный с краю
проулка, выходившего к реке.*

*Мне голос детства памятен и слышен.
Хранятся смутно в памяти моей
гуденье липы и цветенье вишен,
торговцев крик и ржанье лошадей.*

Ярослав был ещё маленьким ребёнком, когда к Луцку приближился русско-немецкий фронт, и семья Смеляковых уехала в деревню под Воронеж, на родину матери. Здесь мальчик пошёл в начальную школу. Знакомство с шедеврами русской поэзии, особенно с поэмами Лермонтова «Мцыри» и «Песнь о купце Калашникове», потрясло воображение Ярослава. Лет с десяти он начал писать стихи.

Семья Смеляковых жила, как и все, бедно. Особенно трудно стало после смерти отца в начале 1920-х годов. К тому времени старшие брат с сестрой обосновались в Москве, где учились в университете. Одиннадцатилетнего Ярослава мать послала к ним для продолжения учёбы в семилетней школе, а вскоре и сама, к радости сына, переехала в Москву.

В 1930 году после окончания семилетки на бирже труда подросток Смеляков получил направление в полиграфическую фабрично-заводскую школу имени Ильича. «В стенах этой школы, помещавшейся в Сокольниках, все мы с упоением дышали комсомольской атмосферой начала пятилеток», — писал поэт в авто-

биографии. Он помещал свои стихи в стенгазетах, участвовал в выступлениях агитбригады, посещал занятия литературного кружка при газете «Комсомольская правда», поэтические вечера в Доме печати и Доме учёных. Значительное влияние на его раннее творчество оказали стихи Владимира Маяковского, на выступлениях которого он несколько раз бывал.

Другим его кумиром был поэт Михаил Светлов, с которым его свёл случай. Ярослав принёс своё стихотворение «Баллада о числах» в молодёжный журнал «Рост», но перепутал дверь и оказался в кабинете главного редактора журнала «Октябрь» Светлова. Он неожиданно для начинающего поэта принял стихотворение в печать. Спустя некоторое время Смелякова, закончившего ускоренный курс машинных наборщиков, направили в 14-ю типографию Полиграфиздата. Буквально на третий день работы к нему в набор случайно попали страницы «Октября» с его стихотворением.

Ярослав всё больше и серьёзнее занимается поэтическим творчеством, посещает занятия литературного объединения при журнале «Огонёк», проходившие раз в 10 дней под руководством писателя Ефима Зозули¹ и главного редактора журнала Михаила Кольцова². Лучшие произведения молодых авторов, в том числе Смелякова, широко печатались на страницах «Огонька», а в 1932 году в библиотечке журнала вышла первая маленькая брошюра его стихов.

Вместе с ним литобъединение посещали тогда начинающие, а впоследствии именитые поэты Сергей Михалков, Лев Ошанин, Маргарита Алигер³. С Маргаритой в начале 1930-х годов Ярослава связывали нежные чувства. Молодые люди были влюблены, встречались, гуляли по Москве, читали друг другу стихи. Однако идиллия оказалась недолгой, они стали всё чаще ссориться и вскоре расстались, сохранив дружеские отношения. Во время одного из последних свиданий Ярослав подарил Маргарите массивное серебряное кольцо с масонской символикой: черепом и двумя скрещёнными костями. При этом он полушутя-полусерьёзно сказал: «Пока будешь носить кольцо, у меня всё будет хорошо».

*Ярослав Смеляков
Середина 1930-х гг.*

Сначала у Ярослава действительно всё складывалось замечательно. Он знакомится с известным поэтом Эдуардом Багрицким, который печатает его стихи в журнале «Новый мир», где ведёт отдел поэзии. В 1932 году в Госиздате художественной литературы у Смелякова выходит первая значительная книга «Работа и любовь», которую он сам набирает в типографии. Название книги довольно точно отражает содержание его творчества того периода. Хотя он немало писал о классовой борьбе, увлекаясь её патетикой, лейтмотивом его произведений можно считать четверостишие из стихотворения «Любовь»:

*Я набираю и слышу
в качанье истёртых станков,
как с каждой минутой ближе
твоя и моя любовь.*

Несмотря на то, что в годы его юности к слову «романтизм» относились несколько презрительно, Ярослав и его друзья по перу сами были романтиками, не сознавая этого. В 1932–1934 годах Смеляков печатается в центральных газетах и журналах, поэтических сборниках. На общем фоне его стихи выделяются особым лиризмом, искренностью и мастерством. В 1934 году его принимают в Союз писателей. Поэт увлечён пафосом социалистического строительства, а советские идеалы стали основой его мировоззрения, своего рода религией, заменив «неграмотный страх», как называл он веру в Бога в раннем стихотворении «Трус». Однако Смеляков никогда не был воинствующим атеистом и в угоду властям в стихах Бога не поносил.

Первый арест

Ярослав дружил с двумя талантливыми молодыми поэтами Павлом Васильевым⁴ и Борисом Корниловым⁵. Позднее в стихотворении «Три витязя», в советское время не опубликованном, Смеляков писал:

*Мы вместе жили, словно бы артельно,
но вроде бы, пожалуй, что не так —
стихи писали разное и отдельно,
а гонорар несли в один кабак.*

Все три поэта хоть и были «вполне советскими», но вождям заказных славословий не сочиняли. В их творчестве ощущалась внутренняя свобода, присущая настоящим поэтам. Неудивительно, что вскоре их начали травить в газетах, причиной чего

лишь формально была борьба с богемным образом жизни за «чистоту нравов» и трезвость. Смеляков предвидел это:

*Я был тогда сутулым и угрюмым,
хоть мне в игре пока ещё везло,
уже тогда предчувствия и думы
избороздили юное чело.*

14 июня 1934 года сразу в четырёх авторитетных газетах: «Правде», «Известиях», «Литературной газете» и «Литературном Ленинграде» — вышла первая часть обширной статьи Максима Горького «Литературные забавы», в которой приводится письмо некоего «партийца», а фактически доносчика:

«Несомненны чуждые влияния на самую талантливую часть молодёжи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Яр. Смелякова всё более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг. Но известно, что со Смеляковым, Долматовским⁶ и некоторыми другими молодыми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему от Смелякова редко не пахнет водкой, и в тоне Смелякова начинают доминировать нотки анархо-индивидуалистической самовлюблённости, и поведение Смелякова всё менее и менее становится комсомольским. Прочтите новую книгу Смелякова. Это скажет вам больше (не забывайте, что я формулирую сейчас не только узнанное, но и почувствованное)». Здесь доносчик имеет в виду брошюру политической лирики «Счастье», которая вышла у Смелякова в 1934 году.

Слова о беспорядочном пьянстве Ярослава и, главное, «почувствованном» клеветником якобы «анархо-богемском духе» его творчества стали причиной ареста поэта в декабре 1934 года. Следователь сказал ему на допросе: «Что же ты надеялся, мы оставим тебя на свободе? Позабудем, какие слова о тебе и твоём друге Павле Васильеве сказаны в статье Горького? Не выйдет!»

Когда Маргарита Алигер узнала о том, что Смеляков в тюрьме, она стала лихорадочно искать подаренное им кольцо, которое сняла с пальца и куда-то убрала, когда вышла замуж за композитора Константина Макарова. Однако поиски были тщетны. Спустя два года она случайно обнаружила кольцо в ящике письменного стола среди бумаг и тут же его надела. В пожилом возрасте она рассказывала знакомым загадочную историю с этим масонским кольцом, которое пропадало, когда Ярослав был в беде, и неожиданно находилось, когда дела его шли в гору. Перед

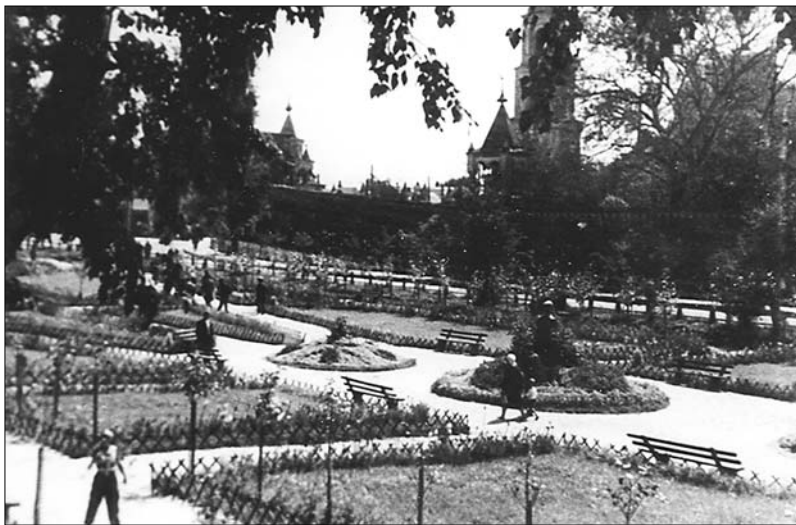
последним арестом Смелякова в 1951 году кольцо надломилось и потом 20 лет пролежало непочиненным в столе среди бумаг, но в день похорон поэта Маргарита нашла его целым, хотя сама в ремонт не сдавала... Трудно судить, всё ли в её мистическом повествовании соответствует действительности.

Первая «отсидка» Смелякова действительно оказалась очень долгой. Он ударно работал в тюрьме, был бригадиром, его выпустили досрочно в начале 1937 года и перевели на правах воспитанника в трудовую коммуну № 2 НКВД, располагавшуюся на территории подмосковного Николо-Угрешского монастыря.

Судьба друзей Смелякова сложилась гораздо более трагично: Павел Васильев был расстрелян в 1936 году, Борис Корнилов умер в лагере под Нарымом в 1938 году. Из «трёх витязей русского стиха» уцелел только Смеляков.

В трудовой коммуне

В начале 1937 года Ярослав приехал на Угрешу и поселился в общежитии коммунаров. Трудкоммуна, существовавшая к тому времени уже девять лет и только что получившая имя Ф.Э. Дзержинского, далеко шагнула за обширную территорию древнего монастыря и фактически превратилась в рабочий посёлок с населением около 12 тысяч человек, пятью заводами и фабри-

Сквер перед Николо-Угрешским монастырём. 1930-е гг.

ками, относительно развитой для того времени инфраструктурой, учебными заведениями, клубом и стадионом. В 1928 году, когда коммуны посетили М. Горький и М. Кольцов, среди её воспитанников преобладали несудимые подростки-беспризорники. В 1937 году несудимых среди коммунаров было человек 30, а большинство составляли переведённые из мест заключения молодые люди, близкие по возрасту Смелякову. Три четверти работающих на предприятиях были вольнонаёмными работниками.

Совместно с Болшевской трудовой коммуной № 1 здесь с 1934 года издавалась газета «Коммунар», но вскоре после приезда Смелякова дважды в неделю тиражом 1500–2000 экземпляров начала выходить вместо прежней газета «Дзержинец», ответст-

*Анна Николаевна
Илюнина (1918–2002)
1934 г.*

венным секретарём которой и стал опальный поэт. Помимо него в редакции работали две Анны: квалифицированная машинистка Анна Ивановна Морозова и экспедитор Анна Николаевна Илюнина, которая собирала заметки и статьи рабочих корреспондентов — рабкоров, приносила их в редакцию, а также дважды в неделю доставляла подготовленные к публикации материалы в московскую типографию на редакционной «эмке». Коллектив рабкоров был подобран Ярославом по поручению управляющего коммуной. Вначале поэт пытался организовать литературный кружок, но из-за перегруженности работой это дело заглохло после трёх-четырёх занятий. С коммунарами-стихотворцами поэт работал как редактор, помещал их лучшие произведения на «Литературной странице» газеты.

Главным редактором «Дзержинца» был помощник директора по воспитательной работе Михаил Петрович Щербаков⁷, несколько позднее избранный секретарём партийной организации. Будучи занят своей основной деятельностью, он, по сути, осуществлял лишь идейное руководство газетой, а основная работа по подготовке номеров и организации коллектива рабкоров легла на плечи Смелякова, к тому же ещё он курировал выпуск стенгазет. Ярослав с задачей справился. Днём его часто видели в цехах заводов и фабрик, он разговаривал с людьми, присматривался к ним, набрасывал заметки. Спустя много лет, вспоминая свою работу в трудкоммуне, Смеляков писал в стихотворении «Машенька»:

*А я в те дни, не требуя побряжки,
вертась, как чёрт, с блокнотом и пером,
работал в заводской многотиражке
ответственным её секретарём.*

По вечерам Ярослав подолгу засиживался в комнате № 12 на втором этаже просторного клуба, построенного в начале 1930-х годов в стиле конструктивизма. Каждый номер газеты он делал от начала до конца, свои стихи и фельетоны сам печатал на машинке и иногда помещал в газете. Он очень устал и частенько оставался ночевать в соседней комнате на диване главного редактора с его разрешения.

Клуб был идеальным местом расположения редакции. Здесь кипела культурная жизнь, работали разнообразные кружки, студии, располагалась библиотека, фондами которой пользовался Смеляков. Шестнадцатилетнюю сестру Анны Илюниной Таню Волкову, которая работала младшим библиотекарем и выдавала ему книги, он прозвал «Вишней» то ли за румяный цвет лица, то ли оттого что видел её в каком-то драмкружковском скетче в роли Вишни. Татьяна Николаевна, в замужестве Рудко, рассказывала, что Смеляков запомнился ей художавым молодым человеком со светлыми волосами, бровями и ресницами, глазами цвета «выгоревших на солнце цветков цикория». Лицо у него было бледное, щёки чуть впалые. Говорил он приятным «бархатным» баритоном, носил бежевый коверкотовый костюм и кирпичного цвета галстук. На первый взгляд Ярослав казался компанейским парнем, но при более тесном общении в нём чувствовалась какая-то отстраненность от окружающих, сосредоточенность на своих мыслях и проблемах. Он был замкнутым, упрямым, не поддающимся чужому влиянию, но Анне Николаевне Илюниной доверял, иногда откровенничал с нею, зная, что она никому ничего не расскажет.

*Татьяна Николаевна
Волкова, в замужестве
Рудко 1938 г.*

На внешнем облике молодого Смелякова сказались пережитые им испытания. Но мрачным меланхоликом он не стал, постоянно находясь в гуще культурных событий. Из творческих коллективов клуба Ярослав предпочитал народный театр, главным

*Мария Мамонова
в роли лётчицы
Лены Медведевой. 1937 г.*

режиссёром которого был Николай Николаевич Виноградов, актёр Первого московского передвижного рабочего театра, впоследствии театра им. Н. Баумана. Драматические кружки трудкоммуны были слиты в театр-студию в 1935 году, но в начале 1937 года после призыва в армию состав студийцев обновился. На сцене дебютировала юная талантливая самостоятельная актриса Мария Мамонова. Несколько лет до этого она занималась в кружках фортепиано, хореографии, театрального искусства. Её актерское мастерство быстро росло под руководством Н.Н. Виноградова. Девушка была хороша собой, необыкновенно пластична и грациозна, её мимика и движения рук были

очень выразительны, она вкладывала в игру душу. Всё это предопределило необычайную популярность Марии у зрителей, которые ей дружно рукоплескали, скандировали: «Мамонова! Мамонова!» Одной из первых её ролей была лётчица Лена Медведева в пьесе Виктора Гусева⁸ «Слава». Большим успехом стала роль крепостной актрисы Лизы Огоньковой в пьесе Юрия Беляева⁹ «Псиша», поставленной в 1938 году.

Смеляков всерьёз увлёкся очаровательной Машенькой, посещал все спектакли с её участием, помещал отзывы о них в «Дзержинце». Как рассказывала сама Мария Тимофеевна спустя много лет, Ярослав имел на неё виды, но она ему не отвечала, потому что любила другого. Может быть, именно к Марии Мамоновой обращены строки из стихотворения «Майский вечер», напечатанного в газете «Дзержинец» 11 июня 1937 года:

*Мария Мамонова
в роли Лизы Огоньковой
1938 г.*

*Чего ж, сероглазая, ты смеёшься?
Неужто опять над любовью моей?
То глянешь украдкой. То отвернёшься.
То шуришься из-под широких бровей.*

О переживаниях поэта свидетельствует четверостишие, не включённое в окончательную редакцию:

*И я, как дурак, в середине мая
в жаре и цветах, в предвечернем дыму
вдруг хохочу или вдруг вздыхаю,
согласно желанию твоему.*

Было исключено, вероятно, по цензурным соображениям, также самое первое четверостишие, где говорится про коммуны:

*Светом солнечным, светом лунным,
майскими звёздами освещена
не только Люберецкая коммуна —
вся наша Родина, вся страна.*

По окончании сезона 1938 года Мария Мамонова ушла в декретный отпуск, родила сына Рому. В связи с преобразованием коммуны в производственный комбинат НКВД театр был передан в ведение месткома профсоюза Электrozавода, средств на спектакли не имевшего. Постановки практически были прекращены и возобновились лишь осенью 1939 года. Мария Мамонова перед войной вернулась на сцену, участвовала также в танцевальном коллективе, проходила прослушивание на авторитетной комиссии, приехавшей в клуб из Москвы. Кто знает, как сложилась бы судьба талантливой самодеятельной актрисы, если бы не война. Брат её Пётр Мамонов поступил в театральный институт, но в силу трудных жизненных обстоятельств не закончил его.

Память о чувстве к Марии Мамоновой осталась у Смелякова на всю жизнь. В 1966 году он сочинил стихотворение «Машенька» по мотивам пережитых им событий 1937–1938 годов. Прототип легко узнаваем в главной героине, описанной с необычайной теплотой. Ситуация в стихотворении предельно заострена и содержит художественный вымысел, касающийся сорванного актрисой спектакля из-за запрета родственников даже близко подходить к сцене и объяснения с нею автора на её рабочем месте. Изменено и имя режиссёра: Николай Николаевич Виноградов выведен под именем Василь Васильича, может быть, в память об известном поэте Василии Васильевиче Казине¹⁰, редактировавшем первые сборники Смелякова. Мария Тимофеевна стала Марией Николаевной, да и вряд ли поэт спустя годы помнил её отче-

ство. Однако сам посёлок, обстановка творческого коллектива, впечатления от игры Марии Мамоновой, весь её образ описаны очень живо и достоверно. О своих чувствах убеждённый седи́нами поэт писал:

*Я Машеньку и ныне вспоминаю
на склоне лет, в другом краю страны.
Любил ли я её? Теперь не знаю, –
мы были все в ту пору влюблены.*

*После спектакля с участием Марии Мамоновой (в центре)
1938 г.*

Мария Мамонова не единственное сердечное увлечение Смелякова в коммуне. В 1939 году в «Молодой гвардии» было опубликовано его стихотворение «Лирическое отступление», посвящённое Валентине Аркадьевне Макаровой, урождённой Климович. По словам старожилов, происходила она из семьи донских казаков и внешностью напоминала знаменитую актрису Тамару Макарову. Валентина предпочитала одеваться в синий английский костюм, белую блузку со складочками, носила туфли-лодочки. Несмотря на строгую элегантность одежды, она была необыкновенно женственна и обаятельна: блестящие чёрные волосы, брови вразлёт, большие серые глаза с густыми длинными ресницами, ослепительная белозубая улыбка... В 1932 году 24-летняя Валентина устроилась работать секретарём управления коммуной. Замуж она вышла за юриста С. Макарова, приехавшего из Москвы для консультирования руководства. По воспоминаниям знавших его, он был очень умный и интересный человек. Жили молодые в просторной комнате бывшей монастырской гостиницы «Париж». Счастье их было недолгим: в начале 1937 года Валентина овдовела, ей пришлось оставить работу секретаря, переселиться в небольшую комнатку в фибролитовом доме по Клубному переулку, впоследствии ул. Бондарева. Работала она в бухгалтерии и для восполнения пробелов в знаниях по математике занималась с Илониной, сотрудницей Смелякова. Анна Николаевна и познакомила Валентину с Ярославом по его же просьбе. Обращённое к этой женщине «Лирическое отступление» отличается особой нежностью и глубиной чувства, бережным отношением к возлюбленной, несмотря на то, что она не отвечает с той же силой. По словам Т.Н. Рудко, отношения между Ярославом и Валентиной были очень нежными, почти супружескими. Скорее всего, к ней же относится стихотворение «Давным-давно», опубликованное в 1940 году в «Молодой гвардии», но написанное двумя годами ранее.

Работая в газете коммуны, Смеляков поддерживал связь со своими московскими друзьями, часто перезванивался с поэтом Евгением Долматовским, встречался с собратьями по перу во время отлучек в Москву на выходные, когда с разрешения начальства ездил навещать престарелую мать Ольгу Васильевну. В 1938 году он посвятил ей стихотворение «Мама», в котором удивительно точно передано близкое каждому человеку чувство любви к матери:

*... так, как у сердца меня носила,
в сердце своём я тебя ношу.*

«Примечательно его молодое мастерство», — писал М. Луко-нин о творчестве Смелякова того периода. В его стихах — впечатления от встреч с друзьями, от посещения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, от свечения светлячков в кустах у Москвы-реки... Но, к сожалению, не только это. Репрессивная политика властей создавала тяжёлую атмосферу подозрительности, которую Ярослав в полной мере испытал на себе. Обстановка тогда была такая, что даже на Всесоюзной Пушкинской выставке, куда Смеляков возил рабкоров, особое внимание посетителей обращалось на представленные в экспозиции доносы на великого поэта и анонимные письма.

В «Дзержинце» по указанию сверху помещались статьи о громких процессах того времени. В 20-м номере за 1937 год опубликовали материал «Приговор народа» о том, как на собрании коммуны был поддержан приговор о расстреле высших военачальников М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира и ещё шестерых «контрразведчиков германо-японского фашизма». В следующем номере появилось стихотворение Смелякова «Воля народа», заканчивающееся словами:

*Будь же проклята ложь тухачевских, якиров,
Восьмерых уничтоженных нами имён.*

Стихи были написаны явно «по наводке» главного редактора, да и знать истинного положения дел Смеляков тогда не мог. Не стоит строго судить его за эти строки, ведь он, как всякий воспитанник коммуны, должен был подчиняться указаниям начальства. Его обязывали помещать в газете анонимно написанные партийными функционерами материалы. Так, в 31-м номере за 1937 год напечатана статья «Вооружимся бдительностью», направленная против якобы действовавших «врагов народа», которых недвусмысленно предлагалось «вытащить на солнышко» для «выкорчёвывания охвостьев фашистского подполья не только в районе, но и в коммуне», где «не особенно любят даже общие разговоры о бдительности к врагу».

Волна сталинских репрессий прокатилась по Угрешской земле в 1937–1938 годах. Пострадали многие коммунары и вольнонаёмные работники, прежде всего руководители высшего и среднего звена. Особенно много людей арестовали на фибролитовом заводе, где работал инженером «враг народа» В.Л. Глебов, приёмный сын репрессированного политического деятеля Л.Б. Каменева. Поводом для арестов могла послужить любая производственная неурядица, объявленная «вредительской»: поломка

станков, очереди на автобус, якобы недостаточная рентабельность фибролита...

В конце 1937 года арестовали директора фибролитового завода Н.Е. Малахова, заведующего отделом М.И. Сафронова, механика А.Н. Разумова-Сергеева, помощника директора завода «Спартак» Я.Я. Маслова, калькуляторщика А.В. Емельянова, руководителя группы снабжения П.П. Эгле, заведующего сбытом трудкоммуны И.И. Бурцева и многих других¹¹. Им предъявили абсурдные обвинения в принадлежности к террористическим контрреволюционным организациям. Все они были расстреляны в январе 1938 года по приговорам пресловутых «троек» НКВД. Добрались и до Ефима Павловича Смелянского¹², управляющего коммундой. Его арестовали в декабре 1937 года и расстреляли на полигоне Бутово в феврале 1938 года, семью выслали.

В этой тяжёлой обстановке приходилось работать Смелякову: собирать рабкоровские совещания, обрабатывать представленные материалы, составлять редакционные планы, самому писать серьёзные и интересные деловые заметки и статьи, которые отличались краткостью и конкретностью. Собственные материалы в газете Смеляков подписывал своей фамилией и порицал некоторых рабкоров, ставивших только инициалы или скрывавшихся под псевдонимами типа «Зоркий глаз».

Дворец культуры «Вертикаль» (клуб коммунды), где в 1937–1940 гг. размещалась редакция газеты «Дзержинец»

Смеляков помещал в «Дзержинце» и свои литературные произведения, содержащие художественный вымысел. Так, написанный с мягким юмором рассказ «Поражение мастера» основан на реальном событии в коммуне — сеансе одновременной игры в шахматы, в котором гроссмейстер Исаак Яковлевич Мазель (1911–1943) выиграл девятнадцать партий из двадцати и свёл вничью лишь одну — с работником совхоза Каменевым, однофамильцем репрессированного государственного деятеля. В рассказе Смелякова, опубликованном в газете от 2 июня 1937 года, мастер проиграл партию, пораженный красотой своей неопытной соперницы. Рассказ заканчивается весьма поэтично: «И они прошли мимо нас — мастер и женщина — в майскую ночь вдвоём, под звёзды. И, перемежая улыбки и вздохи с гамбитами и дебютами, мастер подпрыгивал, как мальчик, и сиял».

В 1938 году посёлок трудовой коммуны стал самостоятельной административной единицей и получил имя Ф.Э. Дзержинского. В поселковой газете «Дзержинец» Ярослав Смеляков работал до ноября 1939 года, когда был призван в действующую армию Ухтомским райвоенкоматом. Тяжёлую финскую войну Смеляков провёл рядовым солдатом, благополучно вернулся в Москву весной 1940 года и был принят на работу в аппарат Союза писателей. Дела у Ярослава пошли в гору. Жил он у матери на Большой Молчановке, летний отпуск провёл в Крыму. Бывал он и в посёлке имени Дзержинского: вероятно, приезжал к Валентине Аркадьевне Макаровой. Кроме того, необходимо было решить вопрос с изменением местной прописки на московскую.

Посёлок трудкоммун № 2. 1930-е гг.

В самом конце сентября 1940 года Анна Николаевна Илюнина встретила Ярослава Васильевича на берегу пруда по дороге к гаражу, куда он шёл с вещмешком за плечами: видимо, вопрос о прописке был к тому дню уже окончательно решён. На руках молодая женщина держала полугодовалого малыша Киришу, не дававшего покоя матери ни днём, ни ночью. Смеляков не видел свою бывшую сотрудницу около года и очень обрадовался неожиданной встрече, но было видно, что он жалеет измотанную, сильно похудевшую Анну. Говорили они недолго, но очень душевно. «Ну, прощай, увидимся ли ещё?» — были его последние слова.

Перед войной молодой поэт плодотворно работает. Он пишет цикл «Крымские стихи», его произведения выходят в свет в «Молодой гвардии», «Литературной газете», «Красной нови», журнале «30 дней». Из его лучших произведений 1940–1941 годов наиболее известны «Если я заболею, к врачам обращаться не стану...» и «Хорошая девочка Лида». В августе 1940 года под редакцией В.В. Казина подготовлена к публикации новая книга стихов Смелякова, куда он включил и лучшие произведения, написанные на Угреше. К сожалению, брошюру так и не выпустили.

В фашистском плену, советском лагере и ссылке

В мае 1941 года Смелякова призвали в армию из резерва, зачислили рядовым во 2-ю легкострелковую бригаду и направили в Карелию. Осенью 1941 года во время тяжёлых боёв на подступах к Ленинграду он вместе со своей частью попал в окружение и затем в плен к финнам, воевавшим на стороне фашистов. В лагере он пробыл три года, испытал все тяготы подневольного труда на финской ферме, куда пленных сопровождали конвоиры с овчарками. Обращались фашисты с узниками жестоко. Не один раз пришлось Смелякову сносить сильные удары по лицу прикладом просто за пристальный взгляд на конвоира. Друзьям о нём не было ничего известно, ходили слухи о его гибели. Евгений Долматовский даже написал трагическое стихотворение, посвящённое его памяти. Лишь Маргарита Алигер полагала, что Ярослав жив: вернувшись из эвакуации зимой 1942 года, она неожиданно нашла дома кольцо, подаренное Смеляковым, которое снова куда-то заделалось в её квартире перед отъездом в октябре 1941 года.

Осенью 1944 года между финской и советской сторонами был произведён обмен военнопленных. Из фашистского лагеря

вместе с товарищами по несчастью Смеляков попал в наш провальный лагерь. В 1946 году его освободили из заключения, но в Москву вернуться не разрешили. Не довелось ему больше бывать и в Дзержинском. Ни с Марией Мамоновой, в замужестве Проворовой, прожившей в посёлке всю жизнь¹³, ни с Валентиной Макаровой-Климович он не встретился. В начале Великой Отечественной войны Валентина Аркадьевна эвакуировалась куда-то в Сибирь, где, видимо, осталась на постоянное жительство.

Ярослав Смеляков. 1947 г.

Смелякова направили в Сталиногорск (ныне Новомосковск) Тульской области. Ярослав работал на шахте в пос. Донском, потом был помощником заведующего банно-прачечным комбинатом, сотрудничал в газетах «Сталиногорская правда» и «Московская кочегарка», где выходили его заметки и стихи. В штат «Сталиногорской правды» Смелякова приняли при содействии главного редактора Константина Ивановича Разина.

Поэт Степан Поздняков¹⁴ приютил его в своей комнате в Сталиногорске. Жили в тес-

ноте, да не в обиду: койку Ярослава отделял от хозяев большой самодельный шифоньер. По ночам Ярослав часто сочинял стихи и утром читал их Позднякову. Изредка и неохотно по настойчивым просьбам друга Смеляков рассказывал о своей жизни в немецких и советских лагерях, признавался, что его очень беспокоила разлука с матерью, её страдания и лишения. «А что до меня самого, то это всё ерунда, были бы чернила да то, что этими чернилами можно писать, ведь моим истинным увлечением всегда были и будут одни стихи, и хорошее стихотворение делает меня счастливым вопреки всему остальному»¹⁵, — говорил он. По счастью, такая возможность в лагерях у Смелякова была. Несмотря на тяжёлые обстоятельства, он сочиняет светлые стихи о матери, полные патриотизма строки о Родине, о воевавших солдатах, о прекрасных русских женщинах. Из этих стихотворений особенно известны «Вот опять ты мне вспомнилась, ма-

ма...», «Земля», «Кремлёвские ели», «Милые красавицы России», «Манон Леско».

Смеяков приходит на спектакли городского народного театра, пишет о них в местной газете. Он руководит литобъединением, участвует в вечерах поэзии, организуемых Поздняковым во Дворце культуры. Стихи Смеякова начинают печатать толстые московские журналы «Знамя», «Новый мир». Московские друзья хлопочут за него, и в 1947 году ему разрешают вернуться в Москву.

Заключение в Инте

Ярослав Васильевич снова восстановлен в Союзе писателей, в 1948 году выходит в свет его книга «Кремлёвские ели», куда включены стихи, написанные до и после войны. К тому времени он был уже два года женат и жил с супругой Евдокией Васильевной и её дочкой Леночкой в однокомнатной квартире по Спасо-песковскому переулку.

Однако благополучный период длится только три года. В «Литературной газете» появляется критическая статья С. Львова¹⁶, где высказывается мнение, что сборник «Кремлёвские ели» лишь внешне оптимистичен, а по сути стихи Смеякова «всегда о смерти». Вновь начинается травля творческой интеллигенции, которую огульно обвиняют в «космополитизме». В 1951 году на квартиру Ярослава кто-то из «друзей» приводит провокатора, который во время застольной беседы получает на поэта необходимый «компромат». Вскоре Смеякова по доносу арестовывают и осуждают по печально известной 58 статье УК на 25 лет лагерей. Его потрясённая горем 74-летняя мать Ольга Васильевна умерла в Москве в 1952 году.

Несправедливое заключение поэт отбывает в приполярной Инте, где работает на добыче доломита. Поэзия снова помогла ему выстоять. Он не перестал верить в советскую власть, в её прогрессивность. Он считал, что её позорили люди, которые предавали, сажали, истязали его самого и его друзей. Глубинных причин происходящего он понять не мог. В 1952 году в лагере в стихотворении «Мы не рабы» Смеяков писал:

*Как же случилось, что я, запевала-поэт,
стал — погляди на меня — бессловесным рабом?
Не в чужеземном пределе, а в отчем краю,
не на плантациях дальних, а в нашей стране,
в грязной одежде раба на разводе стою,
номер раба у меня на согбенной спине.*

По-видимому, до конца жизни Смеляков так и не нашёл полностью удовлетворяющего его ответа на этот вопрос, что было одной из причин внутреннего трагизма, заметного в его облике.

Такие стихи не могли быть, конечно, опубликованы в советское время, в отличие от других, более светлых и не затрагивающих тему репрессий, написанных уже после того, как в 1954 году его освободили из лагеря. Тёплые строки были посвящены бывшей жене Евдокии, с которой поэт развёлся в преддверии ареста, чтобы не подвергать опасности репрессий, но сохранил добрые отношения. В ссылке Смеляков сочинил первую часть поэмы «Строгая любовь» о делах и чувствах, нежных и не очень, его ровесников, учившихся в школе имени Ильича. С высоты жизненного опыта он пишет об их наивном аскетизме, о борьбе с «мещанством» в быту, о первой любви увлечённых комсомольской работой Яшки и Лизки...

До 1956 года поэт оставался в Заполярье. Спустя десятилетие он писал в стихотворении «Воробышек» о влетевшей к нему в окно птичке, ставшей предвестницей освобождения:

*До Двадцатого до съезда
жили мы по простоте —
безо всякого отъезда
в дальнем городе Инте.*

Годы признания и творческих споров

После XX съезда КПСС Смелякова полностью освободили. Вернувшись в Москву, на квартире первой жены Ярослав Васильевич читает друзьям по перу первую часть поэмы «Строгая любовь», и в том же 1956 году она выходит отдельной книгой. К сожалению, поэма так и осталась незавершённой. Смеляков ограничился лишь набросками второй части.

Жизнь Смелякова внешне складывается вполне благополучно. Он вновь восстановлен в Союзе писателей, вместе с Михаилом Лукониным¹⁷ руководит отделением поэтов, ведёт раздел поэзии в журнале «Дружба народов», редактирует альманах «День поэзии», работает в издательстве «Молодая гвардия». Личная жизнь тоже складывается удачно: второй брак с поэтессой и переводчицей Татьяной Валерьевной Стрешневой оказался прочным и счастливым. Смеляков помогал жене воспитывать сына от первого брака, к которому относился как к родному ребёнку. Татьяна приспособилась к его трудному ершистому характеру, прощала вредные привычки¹⁸ и мимолётные увлечения, умела уладить конфликты

кты, возникавшие из-за нетактичного поведения поэта на застольях. Сближала их любовь к поэзии, искусству, природе, к людям и животным. В их двухкомнатной квартире на Ломоносовском проспекте и на даче в Переделкине жили две собаки-дворянжки, и ещё в последний год жизни поэт подобрал на улице беспородного щенка. Трогательные, дышащие любовью и состраданием стихи Смеляков написал о домашних любимцах и других «братьях меньших»: «Воробышек», «Ягнёнок», «Собака», «Собачья морды», «Недопесок»...

Ярослав Смеляков. 1960-е гг.

Жене Татьяне поэт посвятил несколько стихотворений. Самое красивое из них «Зимняя ночь». В нём говорится о возвращении из гостей по заснеженным ночным улицам Ленинграда с любимой, которая в снежных «блёстках похожа на русскую зиму-зиму». Стихотворение заканчивается словами:

*И с тебя я снимаю снежинки,
как Пушкин снимал соболей.*

Такое сравнение не случайно. Смеляков очень почитал великого русского поэта, написал о нём немало стихов, поверял свои произведения по нему, очень болезненно переживал его смерть на дуэли, по советской традиции осуждая за это царизм и вина Наталья Николаевна Пушкину. О жене великого поэта Смеляков в 1959 году написал резкое стихотворение «Натали», представление о содержании которого даёт последнее четверостишие:

*Мы не забыли и сегодня,
что для тебя, дитя балов,
был мелкий шёпот старой сводни
важнее пушкинских стихов.*

Спустя годы Смеляков понял, что был неправ, когда с таким осуждением и неуважением писал о Наталье Николаевне, и сочинил «Извинение перед Натали», прося её позабыть прежнее стихотворение, как при жизни она смогла «забыть великого поэта — любовь и горе всей земли». Таков был характер неистового Смелякова. Он наверняка написал бы ещё одно извинение, если бы

узнал, что Наталья Николаевна помнила Пушкина до последних дней жизни и каждую пятницу — день недели, когда он скончался, облачалась в траур, постилась и молилась за его упокоение. Великодушный второй муж её, П.П. Ланской, разрешал это. А вот Смеляков рассудком вряд ли смог бы понять её молитвенный подвиг, ведь он был неверующим, а вернее — безразличным к религии. Однако его поэзия иногда была красноречивее его самого. Так, в стихотворении о Красной площади (1947), где по ощущениям автора «и сейчас ещё воздух насыщен электричеством ленинских слов», есть глубокое и для тех времён очень нетривиальное по внутреннему содержанию четверостишие, которое могло бы стать самостоятельным произведением:

*Над клубящейся пылью Вселенной,
над путями величья и зла,
как десницу, Василий Блаженный
тихо поднял свои купола.*

Эти строки не случайны в творчестве Ярослава Васильевича. Он глубоко интересовался российской историей и культурой, придерживался русских националистических взглядов, входя со своими учениками и единомышленниками в так называемую «Русскую партию» в Союзе писателей СССР. Однако русофильство Смелякова не было фанатичным. Он вполне признавал права других народов на свои национальные идеи, восставая только против навязывания их русским писателям и вообще русскому народу, а также против преуменьшения его роли в истории России и политики вытеснения русских народных традиций и обычаев из жизни общества.

В 1950–1960–е годы Смеляков много пишет, переводит с разных языков народов СССР и социалистических стран сочинения национальных поэтов. Как отмечал писатель Н.М. Кор-

Ярослав Смеляков. 1964 г.

Ярослав Смеляков

Автограф Ярослава Смелякова

жавин¹⁹, его лучшие стихи выделяются на общем фоне зрелостью чувств, чистотой и благородством тона, мужской смелостью и приглушённым трагизмом.

Одна за другой издаются и переиздаются книги Смелякова: однотомики и двухтомники избранных стихотворений (1957, 1961, 1964, 1967, 1970), «Строгая любовь» (1957, 1967), «Работа и любовь» (1960, 1963), «Разговор о главном» (1959), «Золотой запас» (1962), «Хорошая девочка Лида» (1963), «Милые красавицы России» (1966), «Роза Таджикистана» (1966), «Товарищ комсомол» (1968), «Молодые люди. Комсомольская поэма» (1968). В 1968 году Смеляков был удостоен Государственной премии СССР за книгу «День России», опубликованную в 1967 году и ставшую явлением в советской поэзии. Книга эта потом неоднократно переиздавалась. Были у Ярослава Васильевича и высокие правительственные награды — три ордена.

К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина выходит в свет книга Смелякова «Связной Ленина» (1970). Однако поэт, хотя и считал себя ярким сторонником советской власти и вполне искренне с пафосом и глубоким патриотизмом прославлял её в стихах, особой любовью советских правителей не пользовался. Ему не прощали собственного мнения, отсутствия подобострастности к высшей номенклатуре. Когда все охаивали Сталина после разоблачения «культа личности», в 1964 году Смеляков вдруг пишет ностальгическое стихотворение о могиле поверженного вождя, несмотря на 10 лет своего узничества в ГУЛАГе. Исключение он делал лишь для В.И. Ленина, которого, как и большинство советских граждан, идеализировал.

Писал Смеляков и стихи, публиковать которые в то время было невозможно: «Три витязя» — о репрессированных друзьях-поэтах, «Жидовка» о еврейке-революционерке, которая в 1930-е годы славилась особой жестокостью, работая в органах НКВД, а потом и сама попала в ГУЛАГ. Формальный повод говорить о его антисоветизме был. С другой стороны, именно в «советизме» обвиняли его собратья по перу, вынужденные эмигрировать за рубеж. Так, Н.М. Коржавин порицал Смелякова за интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс», в котором поэт критиковал за «антисоветскую» направленность произведения А.И. Солженицына о ГУЛАГе²⁰.

В последние 10–15 лет своей жизни Смеляков — признанный, маститый поэт, любимый читателями. Он выступает на радио, в телевизионных передачах, гораздо больше других советских литераторов ездит по стране, бывает в зарубежных командировках, встречается с молодыми поэтами России и других рес-

Могила Ярослава Смелякова. 2009 г.

публик, многие из которых с благодарностью вспоминают его строгую, но всегда доброжелательную и справедливую критику²¹. Начинающим литераторам он помогает публиковаться, отечески опекает их. Ярослава Васильевича уважают за стоический характер, принципиальность, доброту, юмор.

Его здоровье, подорванное в лагерях, резко ухудшилось в конце 1960-х годов. До последних дней жизни он продолжал писать хорошие стихи, встречаться с молодыми литераторами, творчество которых курировал, с друзьями. Поэт немного не дождал до своего 60-летия и скончался 27 ноября 1972 года. Похоронили его на Новодевичьем кладбище.

После смерти Смелякова вышли в свет его книги «Моё поколение» (1973), «Служба времени» (1975), собрание сочинений в трёх томах (1977–1978) и другие издания. Во второй половине 1980-х годов стали печататься и его стихотворения, которые раньше не пропустила бы цензура.

Ярослав Смеляков оставался верным убеждениям юности и даже в предсмертном бреду, по словам жены, всё с кем-то спорил, всё советскую власть отстаивал. Он был крупным русским поэтом, но не гениальным мыслителем и провидцем. Словно подводя итог своему творчеству, незадолго до смерти он написал:

*Что делать? Я не гениален,
нет у меня избытка сил,
но всё ж на главной магистрали
с понятием собственным служил.*

Критик В.В. Дементьев так оценивал творчество Смелякова: «Его лучшие строфы написаны на высокогорном уровне»²². «Он часть нашей жизни и часть нас самих», — отмечал эмигрант Н.М. Коржавин²³. Несколько десятков стихотворений Смелякова, даже по мнению критиков его творчества, прочно вошли в сокровищницу русской поэзии. Это стихи о вечном: о состояниях человеческой души, о труде, о любви к женщине, к матери, к Родине, к животным, к природе, и о подвигах ради этой любви. В это избранное можно включить и несколько стихотворений, написанных Смеляковым на Угрешской земле или посвящённых происходившим здесь событиям. Когда он встречался с людьми из посёлка имени Дзержинского, то расспрашивал о жизни в нём. Однажды он беседовал по телефону с Т.Н. Рудко, которая продолжала созваниваться с его женой Т.В. Стрешневой уже после его смерти. В начале 1970-х годов Смеляков собирался приехать на литературный вечер в поселковый дворец культуры «Вертикаль», где в конце 1930-х годов располагалась редакция многотиражки «Дзержинец». К сожалению, тяжёлая предсмертная болезнь помешала поэту выполнить задуманное, и вечер прошёл без его участия.

Ссылки и комментарии

¹ **Зозуля Ефим Давидович** (1891–1941), советский писатель, автор философско-сатирических сказок, незаконченных романов «Мастерская человека» и «Собственность», незаконченного цикла новелл «Тысяча». В 1930-е годы работал заместителем редактора журнала «Огонёк». Погиб на фронте.

² **Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович** (1898–1940), советский писатель, журналист, автор сатирических рассказов, фельетонов и очерков, книги «Испанский дневник» (1938). Участник революции и гражданской войны, а также войны в Испании. Сотрудничал с органами НКВД. Основал журналы «Огонёк», «Крокодил», «Чудак». Сотрудничал в газете «Правда», редактировал журнал «За рубежом». Был репрессирован в 1938 году, в 1940 году расстрелян (по другим данным, умер в ГУЛАГе в 1942 году), реабилитирован посмертно.

³ **Алигер Маргарита Иосифовна** (1915–1992), поэтесса, автор сборников «Памяти храбрых» (1942), «Ленинские горы» (1953), «Синий час» (1970), «Четверть века» (1981), а также мемуаров. В 1943 г. М.И. Алигер удостоена Государственной премии за поэму «Зоя», посвящённую подвигу Зои Космодемьянской.

⁴ **Васильев Павел Николаевич** (1910 — 1937), поэт, очеркист, автор сборников очерков «В золотой разведке», «Люди в тайге», поэм «Соляной столб», «Кулаки», «Синицын и компания», «Христолюбовские ситцы» о сибиряках, в том числе сибирском казачестве. Стиль Павла Васильева был близок к фольклору. В 1936 году поэт был арестован, в 1937 году расстрелян. Реабилитировали его в 1956 году.

⁵ **Корнилов Борис Петрович** (1907 — 1938), поэт, входил в группу «Смена», автор книг «Молодость», «Все мои приятели», поэм «Триполье»,

«Моя Африка» и песен, популярных в первой половине 1930-х годов. В 1936 году исключён из Союза писателей, в 1937 году арестован в связи с делом об убийстве Кирова. Скончался в лагере 21 ноября 1938 года, по-смертно реабилитирован.

⁶ **Долматовский Евгений Аронович** (1915–1994), поэт, писатель, автор текстов популярных песен. Наиболее значимые книги: «Слово о завтрашнем дне» (1943), «Годы и песни» (1963), «Зелёные брама» (1982), «Международный вагон» (1986), трёхтомник «Было. Записки поэта» (1973–1988).

⁷ **Щербаков Михаил Петрович** работал заместителем управляющего трудовой коммуной № 2 по политической и воспитательной части, в 1937 году избран секретарём ячейки ВКП(б), в 1941–1942 годах возглавлял Московский подпольный обком на оккупированной территории, позднее работал в высшем аппарате милиции г. Москвы. В отставку вышел в чине генерал-майора.

⁸ **Гусев Виктор Михайлович** (1909–1944), поэт, драматург, автор пьес в стихах «Слава», «Сын Рыбакова», киносценариев «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны». Лауреат Государственных премий (1942, 1946).

⁹ **Беляев Юрий Дмитриевич**, журналист, критик и драматург. Критические статьи Беляева собраны в книгах «Актёры и пьесы» (1902) и «Мельпомена» (1905). Издал два очерка: «В.Ф. Комиссаржевская» и «Л.Б. Яворская». В 1905 г. предпринял путешествие по Волге и Заволжью, результатом которого явились фельетоны, собранные после в книгу «В некоем царстве». С 1908 г. начал писать для театра. Большой успех имели его пьесы «Путаница, или 1840», «Псиша».

¹⁰ **Казин Василий Васильевич** (1898–1981), советский поэт, один из организаторов группы пролетарских поэтов «Кузница». Наиболее значимыми книгами В.В. Казина являются «Рабочий май» (1922), «Избранное» (1978).

¹¹ Митюшкин В. Репрессии 1937–1938 годов // Угрешские вести. 2001. № 30–32.

¹² **Смелянский Ефим Павлович** (1903–1938), в 1929–1930 годах заместитель управляющего по воспитательной части Болшевской трудкоммуну № 1, в 1930–1935 годах работал в той же должности в трудкоммуне № 2, в 1935–1937 годах управляющий трудкоммуну № 2. Смелянский обладал широкой гуманитарной эрудицией, увлекался литературой, историей, в свободное время много занимался с воспитанниками, которые его любили и доверяли ему. Репрессирован, расстрелян 8 февраля 1938 года. Реабилитирован в 1957 году.

¹³ Мария Тимофеевна Проворова скончалась в г. Дзержинском в 2004 году в возрасте 86 лет.

¹⁴ **Поздняков Степан Яковлевич**, поэт, публиковался в периодических изданиях, автор книги стихов «Ветка» (Тула, 1961). Возглавлял литобъединение в г. Сталиногорске (Новомосковске) после Я.В. Смелякова.

¹⁵ Цитируется по книге: *Дементьев В.В.* Ярослав Смеляков. Сильный, как тёрн. — М., 1967.

¹⁶ **Львов Сергей Львович**, советский писатель, журналист, литературный критик.

¹⁷ **Луконин Михаил Кузьмич** (1918–1976), поэт, лауреат Государственных премий СССР (1949, 1973). Основные издания: «Сердцебиение» (1947), «Рабочий день» (1948), «Необходимость» (1969), «Пять книг» (1974).

¹⁸ Смеляков иногда крепко выпивал, нецензурно выражался, что простительно после 12 лет заключения в советских и фашистских лагерях.

¹⁹ **Коржавин Наум Моисеевич** (р. 1925, настоящая фамилия Мандель), поэт, критик. В 1947 г. репрессирован, в 1954 г. вернулся в Москву из ссылки, в 1956 г. реабилитирован. Автор сборника стихов «Годы» (1963), пьесы «Однажды в двадцатом» (1967). В 1973 г. эмигрировал в США. Сотрудничал в русскоязычных журналах «Континент» (США), «Грани» (ФРГ). Вышли в свет сборники его стихов и поэм «Времена» (1976), «Сплетения» (1981), «Письмо в Москву» (1991), «Время дано» (1992). Живёт в Бостоне, часто приезжает в Россию.

²⁰ *Коржавин Н.М. Судьба Ярослава Смелякова* // Грани. 1974, № 91. С. 131–179.

²¹ См. например: *Крещик В.А.* «На всех земных пирах...». Этюды о поэтах и поэзии. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 3–97. По этой книге излагается история арестов Смелякова.

²² *Дементьев В.В.* Ярослав Смеляков. Сильный как терн.

²³ *Коржавин Н.М.* Судьба Ярослава Смелякова. С. 179.

Библиография

1. *Дементьев В.В.* Ярослав Смеляков. Сильный как терн. — М., 1967.
2. *Евтушенко Е.* О Смелякове // Строфы века. Антология русской поэзии. — Минск–Москва: Полифакт, 1995.
3. *Коржавин Н.И.* Судьба Ярослава Смелякова // Грани. 1974. № 91. С. 131–179.
4. *Крещик В.А.* «На всех земных пирах...»/Этюды о поэтах и поэзии. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990.
5. *Куняев С.* Терновый венец // Наш современник. 1997. № 12.
6. *Лебединская Л.* Жизнь поэта замкнулась, как кольцо // Русский ювелир. 1998. № 4(9).
7. *Меситов А.* «Чугунный, нежный голос мой...». Первые послелагерные годы поэта Ярослава Смелякова // Независимая газета. 2001. 8 мая.
8. *Митюшкин В.* День России // Угрешские вести. 1996. № 37.
9. *Митюшкин В.* И встанет театр // Угрешские вести. 1997. № 41.
10. *Митюшкин В.* Режиссёр Н.Н. Виноградов // Угрешские вести. 1998. № 8.
11. *Митюшкин В.* Репрессии 1937–1938 годов // Угрешские вести. 2001. № 30–32.
12. *Митюшкин В.* Театр–студия // Угрешские вести. 1998. № 7.
13. *Митюшкин В.* Ярослав Смеляков // Угрешские вести. 1999. № 25–27.
14. *Рассадин С.В.* Ярослав Смеляков. Литературный портрет. — М.: Художественная литература, 1971.
15. *Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь.* — М.: Вече, 2000.
16. *Смеляков Я.В.* Стихотворения и поэмы. — Л.: Советский писатель, 1979.

«История не терпит суесловья...»

Стихи

* * *

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.
Обращаюсь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.

Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.

Порошков или капель — не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада —
Вот чем стоит лечить.
От морей и от гор
так и веет веками,
как посмотришь, почувствуешь:
вечно живём.

Не облатками белыми
путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путём.

1940

Классическое стихотворение

Как моряки встречаются на суше,
когда-нибудь в пустынной полумгле,
над облаком столкнутся наши души,
и вспомним мы о жизни на Земле.

Разбередя тоску воспоминаний,
потупимся, чтоб медленно прошли
в предутреннем слабеющем тумане
забытые видения Земли.

Не сладкий звон бесплотных райских птиц —
меня стремглав Земли настигнет пенье:
скрип всех дверей, скрипенье всех ступенек,
поскрипыванье старых половиц.

Мне снова жизнь сквозь облако забрезжит,
и я пойму всей сущностью своей
гуденье лип, гул проводов и скрежет
булыжником мощённых площадей.

Вот так я жил — как штормовое море,
ликуя, сокрушаясь и круша,
озоном счастья и предгрозьем горя
с великим равнозначием дыша.

Из этого постылого покоя,
одну минуту жизни посуля,
меня потянет чёрною рукою
к себе назад всеильная Земля.

Тогда, обет бессмертия наруша,
я ринусь вниз, на Родину свою,
и грешную томящуюся душу
об острые каменья разобью.

1946

История

И современники, и тени
в тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущение
Шагов Истории самой.

Она своею тьмой и светом
меня омыла и ожгла.
Всё явственней её приметы,
понятней мысли и дела.

Мне этой радости доньше
не выпадало отродясь.
И с каждым днём нерасторжимей
вся та преемственная связь.

Как словно я мальчонка в пубке
и за тебя, родная Русь,
как бы за бабушкину юбку,
спеша и падая, держусь.

1966

Надпись на «Истории России» Соловьёва

История не терпит суесловья,
трудна её народная стезя.
Её страницы, залитые кровью,
нельзя любить безумною любовью
и не любить без памяти нельзя.

1966

Попытка завещания

Т.С.

Когда умру, мои останки
с печалью сдержанной, без слёз
похорони на полустанке
под сенью слабою берёз.

Мне это так необходимо,
чтоб поздним вечером, тогда,
не останавливаясь, мимо
шли с ровным стуком поезда.

Ведь там лежать в земле глубокой
и одиноко и темно.
Лети, светясь неподалеку,
вагона дальнего окно.

Пусть этот отблеск жизни милой,
пускай щемящий проблеск тот
пройдёт, мерцая, над могилой
и где-то дальше пропадёт...

1966

Сердце

*Если мир треснет, трещина
Пройдёт через сердце поэта*

Генрих Гейне

Мир был разъят и обесчещен,
Земля крутилась тяжело.
Ах, сколько их, тех самых трещин,
По сердцу самому прошло!

Оно ещё живёт покуда
и переваривает быт,
но, словно с трещиной посуда,
весёлым звоном не звенит.

Оно ещё стучит неплохо,
В нём не совсем погаснул жар;
Оно годится твой, эпоха,
Последний выдержать удар.

1968

Вечернее стихотворение

Последний час стучит всё ближе,
виднее заповедный срок,
и я в дверях беру не лыжи,
а неказистый посошок.

Не посох выпранный пророка,
который риторичен всё ж,
а тот, с каким неподалёку,
но тихо как-нибудь дойдёшь.

И я иду неторопливо,
снежок январский шевеля,
сквозь полускрывшиеся нивы
к тебе, последняя земля.

Иду дорогой заметённой,
боясь неправильно свернуть,
и посошок мой немудрёный
прямой указывает путь.

1968

* * *

Чужих талантов не воруя,
я потаённо не дышу,
а сам главу очередную
с похвальной робостью пишу.

В работе, выполненной мною,
как в зыбком сумраке кино,
моё лицо немолодое
неявственно отражено.

Как будто тихо причащаясь,
я сам теперь на склоне дней
в печали сладостной прощаюсь
с далёкой юностью моей.

Не дай мне, Боже, так случиться,
что я уйду в Твои поля,
не полистав её страницы
и недр её не шевеля.

1972

«Певучие строки стиха» Сергея Красикова

В послевоенное время литературные традиции на Угрешской земле были продолжены объединением «Родник», которое работало во дворце культуры «Вертикаль». С конца 1960-х годов более двадцати лет этим литературным объединением руководил известный московский поэт Сергей Павлович Красиков. Дважды в месяц он приезжал в пос. Дзержинский из Текстильщиков, где получил квартиру.

Сергей Красиков. 1960-е гг.

Вечера литобъединения проходили в очень тёплой непринуждённой атмосфере. На одном из них весной 1976 года мне довелось присутствовать. Вечер был посвящён Дню Победы. С десяти до шестнадцати лет я писала стихи, но в ранней юности отнеслась к своим сочинениям критически и тетрадки с ними не хранила. На вечер я отправилась поддержать свою находившуюся в депрессии подругу, которая была членом литературного объединения. Мы расположились в просторном зале на втором этаже за столиками с каким-то немудрёным угощением.

Наш столик был самым последним в длинном ряду. Вечер вёл статный мужчина в элегантном костюме, который украшали, видимо, в честь праздника, ордена и медали. Члены литобъединения читали неплохие стихи и короткие рассказы о войне. Выступала и моя подруга. Потом несколько стихотворений прочёл сам руководитель, как я позже узнала — Сергей Павлович Красиков. Вот его-то стихи мне и понравились больше всего. Что именно он тогда читал, я теперь не припомню, но осталось ощущение чего-то глубоко лирического, пронзительного и душевного... В конце вечера подруга хотела познакомить меня с известным поэтом, но я застеснялась и ушла, ведь тогда больше не собиралась ничего писать, кроме обязательных школьных сочинений. Произведениями Красикова я заинтересовалась спустя много лет,

когда, снова обратилась к литературному творчеству.

Судьба Сергея Павловича, как и большинства людей его поколения, сложилась нелегко. Родился он 10 октября 1928 года в деревне Александровке, что в Кормиловском районе Омской области. Уже в зрелом возрасте поэт писал о своём рождении:

*Я родился в Сибири
В высоком бревёнчатом доме
Под разлив листопада
И грустный напев журавлей,
Когда жёлтые птицы
На жёлтой-прежёлтой соломе
Увлечённо клевали
Проталины солнечных дней...*

Родители Сергея, Павел Егорович и Анна Корнеевна, были простыми крестьянами. В годы коллективизации они сдали весь свой скот и сельскохозяйственный инвентарь в колхоз, где потом и трудились. Там же работал шофёром любимый дед Егор Семёнович, сильный волевой человек, оказавший большое влияние на своих внуков. Его памяти Сергей Павлович посвятил проникновенные строки:

*Горохом сыплется роса
В ладони лета.
Поёт коса, звенит коса
Лучом рассвета.
Ручьями мятлики журчат
На косогоре.
Широк, две сажени в плечах,
Мой дед Егорий.
Гонюсь за ним почти бегом,
Шаги всё шире.
Размах, один его загон —
Моих четыре.
За взмахом взмах кладём под след
На колос — колос.
За горизонт уходит дед,
Трава по пояс.*

У Сергея было два младших брата. Иван впоследствии получил специальность электротехника, Алексей стал квалифицированным электросварщиком.

Поэтический талант Сергея начал проявляться уже в отроческие годы. Первые его стихи были напечатаны в районной газете. Среднюю школу на родине он окончить не успел: в самом

конце Великой Отечественной войны его призвали в действующую армию, в 13-й мотострелковый полк, дислоцированный в Прибалтике. Недолго Сергею Павловичу довелось повоевать, но его стихи о войне написаны с правдивостью очевидца и проникнуты духом православной веры, которую он хранил в сердце с детских лет:

*Планету пожирал огонь.
В том гибельном огне
Сгорел солдат, лишь тень его
Осталась на стене.
Когда ж рассвет вздымал вдали
Два огненных крыла,
Колоннами солдаты шли,
Тень рядом с ними шла.
Качалась на семи ветрах,
На выносах лихих
И в жарких гибельных боях
Стояла за своих.
Когда ж семи громов оркестр
Ронял на землю грусть,
Вздымала тень багряный крест
И им крестила Русь.
И перед тем, как стать золой
И на землю упасть,
Взошла высокою звездой
И с небом обнялась.*

После войны Красиков служил в Кремлёвской охране, где прошёл путь от рядового до капитана, стал кавалером нескольких боевых наград, в числе которых орден Великой Отечественной войны 2-й степени. Позднее, будучи ветераном, он получил звание майора.

Среднее образование Сергей Павлович завершил уже в Москве, а потом окончил курсы младшего комсостава и получил в 1953 году первое офицерское звание. В том же году он обзавёлся семьёй. Жену Надежду Афанасьевну Красиков привёз в Москву с малой родины: она происходила из села Корнилово, что на противоположном от Александровки берегу речки Омки. Отец Надежды Афанасьевны работал железнодорожником, а сама она много лет преподавала русский язык и литературу в школе. В 1955 году в семье родился единственный сын Саша.

В силу своей профессии Сергей Павлович много общался с советскими государственными мужами от Сталина до Брежнева,

Младший лейтенант Сергей Красиков. Середина 1950-х гг.

о чём написал интересную книгу мемуаров «Возле вождей», вышедшую в свет в Москве в 1997 году. Участником многих описанных там событий был сам автор. К примеру, в феврале 1950-го года ему довелось быть членом комиссии по выборам в Верховный Совет СССР по Кремлёвскому избирательному участку. И тут на Красикова обратил внимание сам Сталин, встретившийся с ним на лестнице. Молодой курсант оторопел и не мог вымолвить ни слова. Однако вождь, миролюбиво похлопывая его по плечу, «с улыбкой интересуется:

— Фамилию-то свою не забыли?

— Никак нет, товарищ Сталин. Красиков моя фамилия.

— Красиков? — спрашивает вождь. — Вы случаем не родственник Петра Ананьевича Красикова?

— Далёкий, товарищ Сталин. Двоюродным, не то троюродным братом приходился Петру Ананьевичу мой дед Егор Красиков.

— То-то. А я думаю, где мне приходилось встречать столь похожего человека. Очень схожи Вы с молодым Петром Ананьевичем. Очень. Скоропостижно, рано скончался Пётр Ананьевич. Верным ленинцем был. Пусть земля будет ему пухом...

Ещё раз окинул меня взглядом и стал медленно подниматься по лестнице к урнам для голосования.

Другой любопытный случай произошёл в Большом Кремлёвском дворце, где курсант Красиков нёс охрану в бывших царских покоях:

«Я захотел уточнить, высокого ли роста был царь Иван Васильевич Грозный. Рулетки с собой не оказалось, и потому я взял да и разлёгся на царской кровати государевой опочивальни. Вытянуться не успел. Выяснилось, что это прокрустово ложе мне всего до щиколоток. Очень огорчился оттого, что Иван Великий оказался не таким уж великим по росту. Тяжело вздохнул и увидел перед собой глаза проверяющего посты начальника караула.
<...>

Из-за настырности лейтенанта я вжиться в роль государя не успел, о чём до сих пор горько сожалею. А на завтра в приказе коменданта Московского Кремля значилось: «Объявить рядовому Красикову С.П. выговор за недостойное поведение в покоях Ивана Грозного». Покорный смерд понёс наказание, так и не испытав, сколь тяжела шапка Мономаха».

В книге «Возле вождей» Сергей Павлович описал много интересных происшествий — и курьёзных, вроде спасения им от утопления Мишки, собачки породы чихуахуа, принадлежавшей Н.С. Хрущёву, и серьёзных (задержания террористов, подробности ареста Л.П. Берии и другие). Немало места в мемуарах уделено быту коммунистических вождей, далёких от аскетизма.

Со временем служба в престижной Кремлёвской охране стала тяготить Красикова, которого всё больше увлекало литературное творчество. В 1957 году он поступил на заочное отделение факультета журналистики МГУ, которое окончил в 1963 году. Тогда же в Омске вышла его первая книга «Басни». Ещё во время учёбы в университете Сергей Павлович начал редактировать известный альманах «Поэзия», одним из основателей которого он был. В 1966 году Красиков не без труда добился отставки и полностью посвятил себя литературе. До 1972 года он редактировал альманах «Поэзия», работал в издательстве «Молодая гвардия» и

С.П. Красиков (2-й слева) в группе литераторов у памятника А.С. Пушкину в Москве. 4-й справа - известный поэт В.Ф. Боков, 3-й справа - Г.Г. Пушкин, потомок А.С. Пушкина. 1962 г.

до середины 1970-х годов вёл передачи на радиостанции «Юность». Впоследствии он жил только на гонорары за публикации и выступления, свою пенсию военного и скромное жалование за руководство литобъединением «Родник» в посёлке им. Дзержинского.

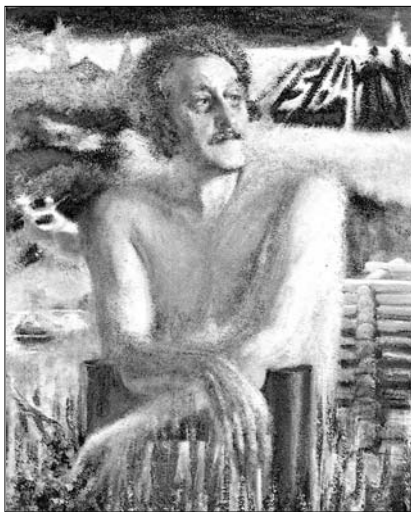
В конце 1960-х годов произошла встреча, круто изменившая семейную жизнь поэта. На фестивале творческой интеллигенции Беларуси, проходившем у озера Свитязь, он познакомился с Нинелью (Неллой) Ивановной Счастной², талантливой и тогда уже известной художницей. Ей он сразу заказал оформление третьего выпуска альманаха «Поэзия». Вспыхнула взаимная любовь. Прежняя семья Красикова распалась, а Счастливая к тому времени была разведена. Однако и отношения Сергея Павловича с бывшей женой Надеждой Афанасьевной, сыном Александром³ и впоследствии с внуком Максимом⁴ оставались добрыми. Сергей Павлович то жил у своей второй жены в Минске, то они вместе жили в Москве, то разлучались на некоторое время, писали друг другу письма, в которых Красиков посылал жене посвящённые ей стихи. Вот отрывок одного из них:

*Глазастая бессонница моя,
Прохлада расцветающих акаций,
Одной тобой дышать — не надыхаться...
Могу ли бедным называться я?*

Нелла рисовала иллюстрации к произведениям супруга, увлечённо писала его портреты. Красиков помогал жене воспитывать её дочь от первого брака Ладу⁵, впоследствии ставшую очень интересной, самобытной художницей и выставившуюся вместе с матерью.

И Нинель Ивановна, и Сергей Павлович были высокоодарёнными самодостаточными личностями. Их порой непростые отношения сглаживало чувство взаимной любви. *«Со вторым супругом мы понимали друг друга с полуслова, — вспоминала впоследствии Счастливая. — Это была такая любовь! Были он, я и то самое пространство любви, которое способствовало творчеству, питало своей энергией и давало силы... 30 лет вместе, хотя и в разных городах».*

В 1970–1990-е годы у Сергея Красикова в Москве и Минске выходило много публикаций собственных произведений и переводов белорусских авторов: сборники лирики, книги для школьников, новеллы. Несколько раз переиздавалась его книга «Легенды о цветах и самоцветах» (1996, 1998). Очень интересен труд «На грани мистики» (1995) о том, как поэты невольно предсказы-

*Счастливая Н.И.
Портрет С.П. Красикова. 1987 г.*

вают в стихах свою судьбу. Среди других его публикаций известны книги «Таёжная быль» (1972), «Птица алого пера» (1979), «Отчее крыло» (1984), «Перевал» (1989), «Лесная энциклопедия» (2001), «Охранный свет» (2002). Всего перу Сергея Павловича принадлежит около 50 книг.

Красиков широко известен как поэт–песенник. На его стихи написано более 400 песен. Авторами музыки были известные композиторы Николай Желтовский, Григорий Пономаренко, Геннадий и Александр Заволокины и другие. Особенно тёплые дружеские

и творческие отношения связывали Сергея Павловича с соседом по даче в Одинцовском районе — слепым композитором Николаем Петровичем Поликарповым, заслуженным деятелем искусств РСФСР. Песни на стихи Красикова исполняли популярные эстрадные певцы Лев Лещенко, Владимир Трошин, Ольга Зарубина, ансамбль «Песняры». Большую известность получили

На съезде Союза писателей СССР. Слева направо: С. Красиков, В. Волков, Н. Агеев, С. Михалков, Вс. Кочетов, А. Теплятов. 1960-е гг.

песни на слова Красикова «Льняные волосы», «Кони», «Белая сирень» и многие другие. Жители подмосковного города Одинцова любят свой гимн, текст которого сочинил Сергей Красиков.

Не забывал поэт и г. Дзержинский, хотя в начале 1990-х годов руководимое им литературное объединение «Родник» распалось. Он приезжал сюда, иногда вёл литературные вечера, выступал на радио «Угreshа», бывал в гостях у поэтессы Татьяны Иосифовны Уваровой, впоследствии руководителя литературного объединения «Угreshа».

Сергей Красиков. 2003 г.

Несмотря на преклонный возраст, Сергей Павлович не переставал активно участвовать в литературной и общественной жизни: был членом поэтического бюро Московской городской организации Союза писателей России, заместителем председателя совета ветеранов Московской писательской организации, секретарём Московской региональной организации писателей-участников Великой Отечественной войны. За свои произведения Красиков удостоился двух литературных премий: имени Алексея Фатьянова⁶ и имени Константина Симонова.

Последние 15–20 лет, укрепившись в вере, Сергей Павлович сочинял много духовных стихов. В стихотворении «С нами Бог!» он словно предвидел свой уход из жизни зимой:

*Из последнего страшного зова,
Из печалей и горьких тревог
Троекратное слышится слово:
С нами Бог! С нами Бог! С нами Бог!*

*Среди белых снегов, средь пустыни,
Когда ступит беда на порог,
Не дай Бог, если Бог нас покинет:
С нами Бог! С нами Бог! С нами Бог!*
<...>

*И когда из печалей былого
Мой последний послышится вздох,
Троекратно возвысится слово:
С нами Бог! С нами Бог! С нами Бог!*

Сергей Павлович Красиков скончался в Москве 6 января 2007 года, накануне праздника Рождества Христова.

Примечания

¹ **Красиков Пётр Ананьевич** (1870–1939), советский государственный и партийный деятель, член Коммунистической партии с 1892 года. После установления Советской власти член коллегии Наркомата юстиции (руководитель отдела култов), председатель кассационного трибунала при ВЦИК, с 1921 года член Малого Совнаркома, заместитель наркома юстиции, с 1924 года прокурор Верховного суда СССР, в 1933–1938 годах заместитель председателя Верховного суда СССР. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. Автор атеистических книг и публицистических статей.

² **Счастливая Нинель Ивановна** (род. 1933), родилась в Полоцке, в 1961 году окончила Ленинградскую академию художеств. Живописец, график, архитектор, монументалист, народный художник Беларуси, заслуженный деятель искусств Беларуси, почётный гражданин г. Полоцка, где в 2009 году открыт музей её творчества.

³ **Красиков Александр Сергеевич** (род. 1955), поэт, журналист, писатель, в 1984 году закончил факультет журналистики МГУ, работал зам. главного редактора журнала «Берегиня», ответственным секретарём журнала «Русский язык за рубежом». Литературный псевдоним — Максимкин. Член Союза писателей и Союза журналистов России. В 1998 году выпустил сборник стихов «Осень плачущих небес», в 2008 году — авторский аудиодиск в содружестве с композитором Александром Золотниковым. Помимо стихов пишет прозу, готовит к изданию детектив для детей «Том Роден, Виктория и Васька».

⁴ **Красиков Максим Александрович** (род. 1984), старший лейтенант, после окончания Академии государственной противопожарной службы МЧС России работает в ФСО (Кремлёвской охране).

⁵ **Счастливая Лада Сергеевна** (1963–2007), выпускница Минского художественного училища, Белорусского государственного театрально-художественного института, член Союза художников Беларуси, преподавала в Белорусском государственном университете культуры и искусств.

⁶ **Фатьянов Алексей Иванович** (1919–1959), русский советский поэт и певец, автор популярных в 1940–1970-х годах песен: «Соловьи», «В городском саду играет духовой оркестр...», «Первым делом, первым делом самолёты...» и других. Премия его имени учреждена Союзом писателей России в 1996 году.

«Я иду полоскою заката...»

Духовные стихи

* * *

Лепестковым снегом через лес
Ангелы спускаются с небес.
Синюю прохладу звёзды льют,
Лунная тропинка чуть видна.
Всенощную ангелы поют.
В такт им подпевает тишина.
Полнолуния серебристый блеск
Слился с полуночной тишиной,
И возник в хрустальном небе крест
Над луной, над жизнью неземной.
Тополя на цыпочках встают.
Всенощную ангелы поют.

* * *

Белые берёзовые свечи.
Медленно текущая вода.
Вечер листья на лужайку мечет,
Начинает шёпотом гадать.
Уповая на судьбу и Бога,
Покропит прохладною росой.
Выпадет мне трудная дорога,
Трудная дорога со слезой.
Понесу через дожди и стужу
Свет души лампадою в горсти.
Сотни зол неопытную душу
Выйдут совратить и погасить.
Гневная насупится эпоха,
Что не ей я верою служу,
Уповая на судьбу и Бога,
Душу перед Богом положу.
В позднем листопаде остаётся
Только лишь на Бога уповать,
И, быть может, на душу прольётся
Пресвятая Божья благодать.

* * *

Я иду полоскою заката
Через времена эпох и битв.
Жизнь на дольки времени разъята
Звука, света, истин и молитв.
Здесь вот время простирает руки,
Козырьками на уши кладёт
И идёт на медленные звуки,
К понимающую истины идёт.
А вот здесь преобразилось в зренье,
Жаждет воскрешения Руси.
Постигает зреньем откровенье
Истины, чтоб души воскресить.
А вот здесь в молитву обратилось,
Вековой одолевая страх,
Призывает страстно Божью милость.
Божий Сын снисходит во слезах.
А вот здесь стоит перед решением
Божьего Суда. Спаситель свят.
Ниспослёт ли Божий Сын прощенье?
Чёрный от молящихся закат...

* * *

Н.И. Счастной

Над молчаливою водой
На звёздном вече
Ведут беседу меж собой
Душа и Вечность.
Душа о Боге говорит,
Ей Вечность вторит.
Зарёю истина горит
В согласном хоре.
На сонный лес и частокол
Туман повиснет.
Спит тишина. И лишь щегол
Спросонья пискнет.
Над нашей суетной судьбой
В прозрачный вечер
Ведут беседу меж собой
Душа и Вечность.

* * *

Над широкой степью
Дышит зноем земля.
Над широкой степью —
Тополя, тополя.
Над широкой степью —
Тишь, безлюдье окрест.
Над широкой степью —
Скорбный выцветший крест.
Он стоит — крест разлуки —
В зной, в дожди и мороз.
Тянет скорбные руки
К Небу скорбный Христос.
Говорит Небу: «Отче!
Тяжко жить на Руси.
Ты крестьян и рабочих
От несчастья спаси.
Им живётся несладко.
То нужда, то запрет.
Нет в их доме достатка.
Счастья в доме их нет.
Потому нет в них веры
Ни в закон, ни в Завет.
Жить хотят, изуверы,
Без царя в голове.
Без царя и без Бога
Дни их, грешных, летят.
Годы жизни убогой
Изуверов плодят».
Тень скользит по дороге.
Гулкий гром прогремел.
Скорбный крест от тревоги
Посинел, почернел.
Частый дождик накрапом
Кинул струи вразброс.
На распятье заплакал
Горько-горько Христос.

* * *

Очнулся я от вздоха,
Взглянул по сторонам
И, памятуя Бога,
Пошёл по временам.
Шагнул в сырое пламя,
Куда ушёл Иисус.
Где прорастает память,
Вся горькая на вкус.
Вся розовая цветом,
Вся тёплая лицом,
Вся верная заветам
И вся на свете том,
Где плещется великий
Хорал народных масс,
Где лики,

лики,

лики

И никаких гримас.
Созвездья в небе реют
Серебряным мостом,
Где праведно умеют
Крестить себя крестом,
Где Истине молиться
Явились стар и мал,
Откуда возвратиться
Никто не пожелал.

Редакция благодарит А.С. Красикова, сына поэта, за предоставленные для публикации произведения отца и фотографии из семейного архива.

Николо-Угрешский монастырь: краткая летопись событий 1380–2010 годов

Летопись учитывает все существенные события истории Угрешской обители, включая предание об основании, письменные упоминания в древних книгах и летописях, посещения великих князей, царей, святителей, других известных лиц, строительство зданий и сооружений, освящение храмов, царские вклады, обретение святынь и другие примечательные факты. В отличие от летописи, ранее опубликованной Д.Д. Благово в книге «Исторический очерк Николаевского Угрешского общежительного мужского монастыря» (Москва, 1872), опущены не очень значительные события XIX века, суть остальных событий изложена более лаконично. При составлении летописи событий XX — начала XXI века использована книга «Летопись Николо-Угрешского монастыря. 1905–2009» (Москва: Издательство Николо-Угрешского монастыря; ООО «Издательство «Пенаты», 2009), а также публикации в газете «Угрешские вести» и журнале «Угрешский вестник». Летопись продлена до первой половины 2010 года. Даты до 1917 года даны по старому стилю. Наиболее знаменательные даты выделены жирным шрифтом, предполагаемые даты даны в квадратных скобках.

1380	[9 августа]	Явление иконы Святителя Николая Чудотворца великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому на Угреше накануне Куликовской битвы.
1380	[Сентябрь-октябрь]	Дмитрий Донской на обратном пути с поля Куликова отслужил молебен на Угреше, повелел возвести храм в честь Святителя Николая и основать монастырь.
1432-1443		Первое письменное упоминание: надпись в книге житий святых, которая «... повелением Господина Зиновия игумена Сергиева монастыря списася грешником Ионою игуменом Угрешским».
1479	9 августа	Первое летописное упоминание в связи с пожаром на Угрешском подворье в Московском Кремле.
1488	Весна	Второе летописное упоминание в связи со ссылкой на исправление монаха Галицкого Паисиевского монастыря, публично пророчившего пожар в Москве на Пасху.
1491	16 ноября	Угрешский игумен Авраамий посвящён в епископа Коломенского.
1493	4 мая	Угрешский игумен Силуан посвящён в епископа Крутицкого.
1497	Январь	Посещение Анны Васильевны, сестры Ивана III, великой княгини Рязанской, с братом Юрием Васильевичем, князем Дмитровским.

1519	Май	Посещение великого князя Московского Василия III Ивановича.
1520	14 февраля	Угрешский игумен Тихон посвящён в епископа Коломенского.
1521	Май-июнь	Сожжение и разорение обители войсками крымского хана Магмет-Гирея. Разрушена каменная церковь.
1545	26 января	Великий князь Иван IV Грозный даровал Опасную грамоту, закрепившую за монастырём право владения 14-ю селами и запретившую незаконные порубки в монастырских угодьях.
1546	6 мая	Иван IV молился о даровании победы над войском крымского хана Девлет-Гирея.
1551	17 мая	Царь Иван IV подтвердил Опасную грамоту, пожалованную в 1545 году.
1555	29 июня	Торжественная встреча иконы Николы Великорецкого.
1567	20 июня	Царь Иван IV пожаловал грамоту на владение рыбными ловлями и право беспошлинной торговли.
1572		Угрешский игумен Тихон (Хворостинин) принял участие в Церковном Соборе, разрешившем царю Ивану IV четвёртую женитьбу с наложением епитимьи.
1575	5 июля	Игумен Тихон посвящён в епископа Казанского.
1587	20 октября	Царь Фёдор Иванович подтвердил беспошлинную грамоту 1545 года.
1589	Январь	Угрешский игумен Лаврентий участвовал в Церковном Соборе, учредившем патриаршество, затем в избрании Патриарха Иова и его интронизации.
1598	Февраль-март	Угрешские игумены Елиазар и Тихон участвовали в избрании на царство Бориса Годунова.
1599	1 марта	Царь Борис Годунов подтвердил беспошлинную грамоту 1567 года.
1602	Февраль	Пребывание Григория Отрепьева, опального диакона Чудова монастыря, впоследствии Лжедмитрия I.
1606	31 июля	Царь Василий Шуйский подтвердил дарованную его предшественниками беспошлинную грамоту.
1609		Пребывание войск атамана Салкова, одержавшего победу над московской дружиной Василия Сукина в бою у деревни Алексеевки.
1610	Август	Лжедмитрий II и Марина Мнишек принимали послов польского гетмана Жолкевского, побуждавших самозванца отказаться от притязаний на московский трон. 26 августа Лжедмитрий II и его «супруга» бежали из монастыря.
1610	11 сентября	Угрешский игумен Иона вошёл в состав русского посольства к польскому королю Сигизмунду III.
1611	27-28 марта	Сбор дружин Первого земского ополчения против польских интервентов и выступление на Москву.
1613	17 апреля	Царь Михаил Фёдорович подтвердил жалованную грамоту на рыбные ловли.
1614	5 мая	Первый Угрешский поход. Царь Михаил Фёдорович присутствовал на освящении церкви (вероятно, обновлённого Никольского собора).
1616	9 мая	Второй Угрешский поход. В свите царя Михаила Фёдоровича был князь Дмитрий Пожарский.

1618	26 марта	Мать царя Михаила Фёдоровича инокиня Марфа Ивановна сделала вклад — книгу «Толковый Апостол».
1620	5-10 мая	Третий (пеший) Угрешский поход Михаила Фёдоровича. 8 мая в письме патриарху Филарету царь назвал Угрешский монастырь «честною лаврою».
1620	23 июня	Царь Михаил Фёдорович сделал вклад — воздух и два покровца красного атласа.
1623		Царь Михаил Фёдорович сделал вклад — напрестольный крест с частицами мощей.
1622-1634		Царь Михаил Фёдорович совершил шесть Угрешских походов.
1623	28 августа	Царь Михаил Фёдорович пожаловал монастырю грамоту на охрану владений и обеспечение продовольствием.
1645	28 сентября	Угрешский игумен Дионисий участвовал в венчании на царство Алексея Михайловича Романова.
1647	9 мая	Первый Угрешский поход царя Алексея Михайловича.
1648	6-9 мая	Второй Угрешский поход царя Алексея Михайловича.
1648	7 сентября	Царь Алексей Михайлович пожаловал грамоту на безбродные рыбные ловли.
1652	22 ноября	Царь Алексей Михайлович пожаловал грамоту на владение Кременецким посадом вместо вотчин Вологодской Дюдиковой пустыни.
1652-1664		Царь Алексей Михайлович совершил семь Угрешских походов.
1655		Во время эпидемии чумы скончалось более 50 насельников. На Угрешу переведена братия из упразднённой приписной Вологодской Дюдиковой пустыни.
1662	Лето	Содержались в заточении зачинщики Медного бунта.
1666	14 мая - 5 сентября	Содержался в заточении протопоп Аввакум, глава старообрядчества. Царь Алексей Михайлович был у его темницы, но встречаться с ним не стал.
1667	Июль-август	Протопоп Аввакум дважды кратковременно содержался в заточении на Угреше и дважды на Угрешском подворье в Московском Кремле с целью увещевания в вере.
1668	10-11 июня	Посещение царя Алексея Михайловича и трёх патриархов: Московского - Иоасафа, Антиохийского - Макария, Александрийского - Паисия.
1669	9 мая	Царь Алексей Михайлович совершил 11-й Угрешский поход с наследником Фёдором Алексеевичем.
1671	6-9 мая	Царь Алексей Михайлович совершил 12-й Угрешский поход.
1671	8 сентября	Царь Алексей Михайлович внёс вклад — рукописную книгу «Житие и чудеса Святителя Николая в лицах».
1672	Февраль - март	Угрешский игумен Викентий участвовал в погребении Патриарха Иоакима.
1675	14-19 мая	Последний Угрешский поход царя Алексея Михайловича.
1676	16 июня	Угрешский игумен Герасим участвовал в венчании на царство Фёдора Алексеевича.
1678	Июнь	Царь Фёдор Алексеевич подтвердил жалованные грамоты, данные в 1623, 1648, 1652 годах.

1682	25 июня	Угрешский игумен Иосиф (Шохнев) участвовал в венчании на царство Петра и Ивана Алексеевичей.
1683	1-2 мая	Посещение юного царя Петра I Алексеевича.
1690	27 апреля - 2 мая	Царь Пётр I во главе флотилии из мелких гребных судов причалил к берегу Москвы-реки близ монастыря.
1691	14 марта	Царь Пётр I катался на новой яхте в бурную погоду по Москве-реке до Угреши.
1692		Главу Успенской церкви покрыли железом.
1698	[Сентябрь-октябрь]	В монастырских темницах содержались участники 2-го стрелецкого бунта.
1721-1722		Угрешские игумены Феофан и Варлаам подписали Духовный регламент и Прибавления к Духовному регламенту.
1739	29 мая	Во время бури строениям монастыря нанесён значительный урон. Архитектор Иван Мичурин сделал опись строений.
1742-1743		Монастырские здания перестроены и обновлены при игумене Ионе.
1754		Построена и освящена часовня у святых ворот.
1758		Начато строительство новой колокольни по проекту Ивана Жеребцова.
1764	Февраль	В ходе церковной реформы все владения монастыря отошли государству, и он стал штатным 3-го класса (численность братии до 12 чел.). Приписная Леонидовская пустынь в Вологодской губернии упразднена.
1770-1772		Во время эпидемии чумы открыт лазарет, затем приют для нищих и сирот. Монахи переведены в Николо-Перервинский монастырь.
1771		Упразднено Угрешское подворье в Московском Кремле в связи со строительством Большого Кремлёвского дворца.
1778		На средства, выделенные по указу императрицы Екатерины II, начался ремонт и обустройство монастырских зданий: завершена постройка колокольни, на которой установлены часы с разобранной за ветхостью церкви Спаса Нерукотворного.
1781	7 февраля	Архиепископ Московский Платон освятил обновлённую Успенскую церковь.
1782		Осуществлён ремонт Никольского собора.
1795	7 ноября	Прославление иконы Богородицы Угрешской «Взыграние».
1812	Сентябрь - декабрь	Во время Отечественной войны ризница вывезена в Вологду. Монастырь занят конным отрядом французской армии.
1813		Заново освящены Успенская церковь и Никольский собор, осквернённые французами.
1824	23 февраля	Сильная буря нанесла строениям большой урон.
1825	2 июля	Крупное ограбление монастырской ризницы, в связи с которым игумен Израиль отрешён от должности.
1833	[Октябрь]	Игумен Аарон, приведший монастырь в полный упадок, отрешён от должности.
1834	13-14 марта	На Угрешу прибыл новый настоятель — иеромонах, впоследствии игумен, Иларию вместе с келейником Петром Мясниковым, будущим архимандритом Пименом.
1840	22 октября	Освящён храм во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи во втором ярусе колокольни.

1843	2 сентября	Реконструированный Никольский собор освящён митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым).
1849		Никольский собор заново расписан.
1851	16 сентября	Освящён придел Успенской церкви во имя прп. Марии Египетской.
1852	10 августа	Освящена обновленная Успенская церковь.
1852	17 ноября	Игумен Иларию по собственному заявлению уволен на покой, настоятелем назначен казначей иеромонах Пимен, впоследствии архимандрит.
1853	16 октября	Преобразование монастыря из штатного в общежительный.
1854		Построена деревянная зимняя гостиница на 30 номеров.
1854	26 октября	Освящена церковь при братской трапезной во имя святых Матфея и Параскевы.
1855	21 апреля	Заложена новая ограда.
1855	8 сентября	Освящена возобновлённая часовня у святых ворот.
1855	23 октября	Освящён водопроводный канал у южных водяных ворот.
1855-1860		Строительство братских корпусов, больницы и богадельни.
1859	12 мая	На берегу пруда заложен скит.
1859	24 октября	Установкой креста завершена перестройка колокольни, достигшей высоты 79 метров.
1860	24 июля	Освящён больничный храм во имя иконы Богоматери «Всех скорбящих Радость».
1860	15 сентября	Освящена деревянная скитская Петропавловская церковь митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым), в последний раз посетившим Угрешу.
1861	3 июня	Посещение юных членов царской семьи: великой княжны Марии Александровны и великого князя Сергея Александровича Романовых.
1861	6 октября	Посещение святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского.
1862	1 мая	Прорыв плотины на верхнем пруду с повреждением ограды.
1866		Возведение ограды завершено постройкой Палестинской (Иерусалимской) стены.
1866	8 апреля	Открытие Николо-Угрешского народного трёхклассного училища.
1866		Построена деревянная летняя гостиница на 45 номеров.
1867	30 апреля	Окна и крыши построек пострадали от очень крупного града.
1867-1880		Послушание нёс духовный писатель Д.Д. Благово, впоследствии архимандрит Пимен, автор книг по истории Угрешы.
1868	Март	В селе Остров куплен и разобран деревянный дворец графа А.Г. Орлова-Чесменского, из материалов дворца начато строительство Архиерейского дома.
1870	6 сентября	Митрополитом Московским Иннокентием (Поповым-Вениаминовым) освящена церковь во имя Казанской Богоматери при богадельне.
1870	25 сентября	Освящена церковь во имя Сергия Радонежского при Архиерейском доме епископом Дмитровским Леонидом (Краснопевковым).

1871-1872		На покое в Петропавловском скиту жил игумен Антоний (Бочков), духовный писатель.
1871	12 декабря	Открытие и освящение владычной богадельни на 90 семей в селе Остров и церкви во имя святителей Петра и Иннокентия при ней.
1873	3 июня	Открыто новое здание монастырского училища на 200 учащихся и при нём освящена церковь во имя Сошествия Святого Духа.
1874-1875		Построено второе здание богадельни в селе Остров (на 30 семей).
1875		Завершено строительство кирпичной гостиницы на 90 номеров.
1876	30 мая	Освящена нижняя церковь при богадельне во имя св. Василия Парийского.
1876	1 июля	Угreshское народное училище передано в ведение Министерства народного просвещения и преобразовано в двухклассное.
1877	29 июля	В монастырский лазарет прибыли первые воины, раненные на Балканской войне с Турцией.
1878	Март	Последние излеченные раненые выбыли из лазарета.
1878	3 сентября	На колокольню поднят колокол-благовестник весом 1230 пудов (19,7 т.).
1879	28 июля	Посещение святителя Макария (Булгакова), митрополита Московского.
1880	9 августа	Празднование 500-летия основания монастыря. Закладка Преображенского собора.
1880	17 августа	Кончина архимандрита Пимена (погребён в деревянной часовне во имя Знамения Креста на Небеси, построенной на братском кладбище в 1868 году).
1880	17 декабря	Вступление в должность игумена Нила (Скоронова), впоследствии архимандрита, настоятеля монастыря до мая 1893 года.
1888	20 августа	Никола-Угreshское народное училище преобразовано в церковно-приходскую школу.
1893	18 июля	Вступление в должность игумена Валентина (Смирнова) с посвящением в сан архимандрита.
1893	19 сентября	Освящение часовни на месте явления иконы Святителя Николая великому князю Дмитрию Донскому.
1894		Завершение строительства и оформления внутренних интерьеров Преображенского собора под руководством архитектора А.С. Каминского.
1894	20 июля	Освящение в Преображенском соборе престола во имя св. равноапостольного князя Владимира и равноапостольной княгини Ольги.
1894	24 августа	Освящение главного престола Спасо-Преображенского собора митрополитом Московским Сергием (Ляпидевским).
1905	3 апреля	Кончина архимандрита Валентина (Смирнова).
1905	3-15 июня	Избрание и назначение настоятелем иеромонаха Макария (Ятрова) с возведением в сан архимандрита.
1908	13 сентября	Убийство боевиками настоятеля Екатерининской пустыни игумена Мартирия (Михайлова), бывшего насельником Никола-Угreshского монастыря в 1868-1902 годах, казначая в 1894-1902 годах.

1909	5-13 июня	Участие архимандрита Макария (Ятрова) в I Всероссийском съезде монашествующих.
1909	Ноябрь-декабрь	Назначение угрешского казначея иеромонаха Феогноста (Яковлева) настоятелем Екатерининской пустыни.
1912	9 августа	Торжественное празднование 532-ой годовщины основания монастыря.
1913		Основание Гермогеновой пустыни в 19 вёрстах от Троице-Сергиевой лавры.
1913	12-16 июля	Посещение святителя Макария (Невского), митрополита Московского.
1914	9 мая	Торжественное празднование 300-летия освящения Никольского собора.
1915 - 1916	25 августа — 1 ноября	В монастыре жил опальный владыка Гермоген (Долганов), епископ Саратовский, впоследствии Тобольский и Сибирский, причисленный в 2000 г. к лику святых как священномученик.
1917-1925		В Архиерейском доме жил «на покое» святитель Макарий (Невский-Парвицкий), незаконно отстранённый от кафедры митрополит Московский, впоследствии Алтайский.
1917	декабрь	Упразднение Николо-Угрешской церковно-приходской школы.
1918	январь	Декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» формально упразднён Николо-Угрешский монастырь.
1918	Весна	Размещена детская колония Наркомфина. Действующими оставлены семь храмов.
1918	2-13 августа	Выступление прихожан против изъятия имущества монастырской братии. Арест архимандрита Макария (Ятрова) и содержание его под стражей.
1918	22 октября	Ограбление и избиение митрополита Макария (Невского) и архимандрита Макария (Ятрова) представителями властей.
1919	7 января	Здания народного училища серьёзно пострадали от пожара.
1919	1 июля	В целях сохранения братии монастыря образована «Николо-Угрешская трудовая община» под председательством архимандрита Макария (Ятрова).
1921	2 февраля	Детская колония передана Наркомпросу.
1922	2 мая	Изъятие церковных ценностей Николо-Угрешского монастыря.
1922	22 мая	Торжества в честь престольного праздника посетили около 14000 паломников.
1924	22-24 августа	Последнее патриаршее богослужение на Угреше совершил патриарх Тихон (Белавин).
1924 - 1925	Май-Февраль	Постепенная передача монастырского имущества Московскому отделу народного образования и организация Красного детского городка.
1925	Март-май	Выселение братии из монастыря.
1925	10 апреля	Чудо обновления иконы Святителя Николая, принадлежавшей скотнице артели монахов Агафье Маршевой.
1925	2 мая	Митрополит Макарий перевезён в Котельники, где скончался 16/29 февраля 1926 года.

1925	7 июля	ВЦИК принял постановление о закрытии четырёх храмов: Иоанна Предтечи, Успенского, Никольского и Спасо-Преображенского. Скитская Петропавловская церковь стала приходским храмом.
1925—1926	Сентябрь Июль	Безуспешная борьба прихожан за сохранение за ними Успенской церкви.
1926	20 сентября	Акт передачи Никольского и Преображенского соборов в ведение Государственного музея «Коломенское». Командирование на Угрешу П. Д. Барановского, в 1929-1930 годах перевёзшего главные ценности монастыря в музей и сохранившего их.
1928		Закрытие и разорение Гермогеновой пустыни.
1928	13 декабря	Закрыта Петропавловская церковь.
1927	30 августа	Приказом ХОЗО ОГПУ в зданиях Николо-Угрешского монастыря открыта трудовая коммуна № 2. Постройки обители использовались под жильё, хозяйственные и производственные нужды.
1928	8 июня	Торжественный приём в коммуне писателя Максима Горького и журналиста Михаила Кольцова.
1931	6 марта	Кончина последнего настоятеля обители архимандрита Макария (Ятрова) в доме бывшего церковного старосты А.А. Лобанова.
[1930-1931]		Разорение усыпальницы под алтарём Спасо-Преображенского собора в ходе его перестройки. Перезахоронение честных останков угрешского архимандрита Нила у южной стены.
1931-1935		Открытие при коммуне общеобразовательной школы, ВТУЗа, пяти заводов и фабрик, строительство клуба, жилого застройки окрестностей бывшего монастыря.
1934		Передача в фонды Третьяковской галереи главной святыни Угрешы - явленного чудотворного образа Святителя Николая.
[1934]		Разобран древний Никольский собор.
1936		Трудкоммуне присвоено имя Ф.Э. Дзержинского.
1937-1939		В многотиражной газете коммунаров «Дзержинец» ответственным секретарём работал известный поэт Ярослав Смеляков.
1938	30 декабря	Трудкоммуна преобразована в производственный комбинат НКВД.
1941	Осень	Снесены два верхних яруса колокольни из-за опасения, что она станет ориентиром для фашистских бомбардировщиков.
1941-1990		Здания монастыря принадлежали разным организациям и практически утратили вид церковных построек.
1959	23 июля	Принято решение Мособлисполкома «О мерах по улучшению охраны, содержания и использования зданий и сооружений ансамбля Николо-Угрешского монастыря, состоящего под охраной государства». Виновниками аварийного состояния комплекса признаны эксплуатирующие его организации.
1960	30 августа	Постановлением Совета министров РСФСР «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» в число памятников государственного значения включены постройки Николо-Угрешского монастыря.
1970		Начало реставрационных работ.
1977	Весна	Пожар уничтожил Архиерейский дом.

1986		Принят новый план реставрационных работ.
1990	24 октября	Первое посещение Николо-Угрешского монастыря Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.
1990	16 ноября	Решение Дзержинского городского совета о возвращении Николо-Угрешского монастыря Русской Православной Церкви.
1990	19 декабря	Первую литургию в Успенском храме совершил архимандрит Вениамин (Зарицкий), ныне епископ Люберецкий.
1991	28 февраля	Принято постановление Мособлисполкома о возвращении Николо-Угрешского монастыря Русской Православной Церкви. Монастырь стал ставропигиальным.
1991	1 мая	Святейший Патриарх Алексий II освятил Успенский храм.
1991	12 сентября	Создан общественный комитет по возрождению Николо-Угрешского монастыря.
1992		Открыта воскресная школа для детей.
1992	7 июня	Святейший Патриарх Алексий II отслужил литургию в сослужении епископа Додонского Хризостома (Греция).
1992	12 июня	Архимандрит Вениамин назначен наместником Николо-Угрешского монастыря.
1992	24 сентября	Спасо-Преображенский храм г. Астрахани стал подворьем Николо-Угрешского монастыря.
1993		При городской больнице освящён храм во имя великомученика Пантелеимона.
1993		Спасо-Преображенский собор увенчан куполами.
1994		Восстановлена трапезная церковь во имя святых Матфея и Параскевы. Совершён чин малого освящения.
1994	март	Установлен крест на центральном куполе Спасо-Преображенского собора.
1994	29 июня	В ходе визита в г. Дзержинский президент России Б.Н. Ельцин посетил Николо-Угрешский монастырь.
1995	23 июня	Святейшим Патриархом Алексием II освящена Петропавловская церковь.
1995	19 декабря	Праздничное богослужение в день памяти Святителя Николая возглавил Святейший Патриарх Алексий II.
1996	15 января	Празднование пятилетия возобновления монашеской жизни. Божественную литургию совершил Святейший Патриарх Алексий II.
1997	13 апреля	Святейшим Патриархом Алексием II освящён придел Успенского храма во имя прп. Марии Египетской.
1997	21 сентября	Архимандритом Вениамином с братией освящён памятник святому благоверному князю Дмитрию Донскому.
1998		Основан церковный музей-ризница.
1998	5 апреля	Святейший Патриарх Алексий II в сослужении архиепископа Истринского Арсения и клира обители совершил божественную литургию в Успенском храме в день памяти св. Марии Египетской.
1998	22 мая	Святейшим Патриархом Алексием II освящена часовня в память явления иконы Святителя Николая Чудотворца Дмитрию Донскому. Освящён памятный знак Святителю Николаю в сквере у Палестинской стены.
1998	1 сентября	Начало занятий во вновь открытом духовном училище.

1999	28 марта	Святейший Патриарх Алексий II совершил божественную литургию в Успенском храме в день памяти св. Марии Египетской.
1999	9 октября	Духовное училище преобразовано в Николо-Угрешскую семинарию.
1999	16 ноября	Святейшим Патриархом Алексием II освящена церковь во имя иконы Богоматери «Всех скорбящих Радость».
1999		Игумения Макарина (монастырь Дау, Греция) преподнесла в дар монастырю частицы мощей Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.
2000	Январь-май	Завершение работ по внутренней отделке Спасо-Преображенского собора, монтаж иконостаса, благоустройство территории обители.
2000	22 мая	Епископ Диавлийский Дамаскин передал в дар монастырю частицу мощей Святителя Николая Чудотворца.
2000	28 мая	Святейшим Патриархом Алексием II освящён возрождённый Спасо-Преображенский собор. Архимандрит Пимен (Мясников) прославлен в лике святых Московской епархии (день памяти - 30 августа).
2000	19-22 июля	В обители пребывали мощи великомученика Пантелеимона, поклониться которым пришло около 50000 паломников.
2000	21 августа	Празднование 620-летия обители. Освящение закладного камня на месте Никольского собора.
2000	30 августа	Первое празднование дня памяти преподобного Пимена Угрешского.
2000	20-21 октября	Пребывание мироточивой иконы царя-страстотерпца Николая II.
2000	19 декабря	Святейший Патриарх Алексий II в сослужении архиепископа Истринского Арсения и клира обители совершил праздничную божественную литургию и молебен в Спасо-Преображенском соборе.
2001		Освящение часовни в честь иконы Богоматери «Взыскание погибших».
2001	22 мая	Святейший Патриарх Алексий II в сослужении архиепископа Истринского Арсения и клира обители совершил праздничную божественную литургию в Спасо-Преображенском соборе и молебен у памятного знака Святителю Николаю.
2001	7 августа	Святейший Патриарх Алексий II совершил молебен и закладку храма во имя прп. Пимена Угрешского.
2001	19 декабря	Святейший Патриарх Алексий II в сослужении епископата и клира обители совершил праздничную божественную литургию и молебен в Спасо-Преображенском соборе.
2001	Декабрь	Пребывание святыни из Успенского собора Московского Кремля — Гвоздя Господня.
2002	10 августа	Мироточение иконы преподобного Пимена Угрешского.
2002	22 сентября	Освящение Святейшим Патриархом Алексием II храма во имя преподобного Пимена Угрешского.
2003	30 марта	Монастырю передан образ Божией Матери «Взыграние».

2003	8 мая	На пл. Дмитрия Донского архимандритом Вениамином освящена церковь во имя святителя Макария (Невского), окормляемая монастырём.
2003	24 июля	Завершены работы по восстановлению колокольни, на которой установлены куранты. Колокольня увенчана куполом с крестом.
2003	7 июня	Первый выпускной акт Николо-Угрешской духовной семинарии.
2003	14 августа	Хиротония архимандрита Вениамина в епископа Люберецкого.
2003	21 августа	Освящение образа Святителя Николая, списанного с чудотворной явленной иконы XIV века.
2003	Декабрь	Начаты работы по воссозданию Никольского собора.
2004	15 марта - 9 апреля	Пребывание святынь Успенского собора Московского Кремля.
2004	22 мая	Святейший Патриарх Алексий II в сослужении епископата и клира обители совершил праздничную божественную литургию и молебен в Спасо-Преображенском соборе.
2004	21 сентября	Закладка воссоздаваемого Никольского собора. Чин основания возглавил митрополит Калужский и Боровский Климент.
2004	6 октября	Преподобный Пимен Угрешский прославлен в лике святых Русской Православной Церкви.
2004	Ноябрь	Завершено золочение главного купола Спасо-Преображенского собора.
2004	19 декабря	Первый звон 20-тонного колокола-благовестника, поднятого на колокольню 4 декабря.
2004		Завершено строительство храма-часовни Страстей Господних.
2005	Январь	Начало реконструкции здания канцелярии.
2005	Апрель	Завершено золочение иконостаса Спасо-Преображенского собора.
2005	23 апреля	Перезахоронение честных останков архимандрита Макария (Ятрова) за алтарём церкви прп. Пимена Угрешского.
2005	Май-июль	Золочение потолочной лепнины в Успенском храме.
2005	20 мая - 2 июня	Приём делегации Элладской Православной церкви, пребывание ковчега с мощами великомученика Пантелеимона.
2005	22 мая	Празднование 625-летия основания монастыря. Святейший Патриарх Алексий II в сослужении митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, архиепископа Истринского Арсения, епископата Русской Православной Церкви и поместных церквей, а также епископа Вениамина с клиром обители совершил праздничную божественную литургию в Спасо-Преображенском соборе, крестный ход и молебен у памятного знака Святителю Николаю.
2005	2 августа	Закладка храма в честь Сошествия Святого Духа на апостолов на новом городском кладбище.
2005	11 августа	Первая праздничная служба в честь рождества Святителя Николая.
2005	22 августа	Праздничное богослужение в день 625-летия обители возглавил епископ Люберецкий Вениамин.

2005	26 августа	Никольский собор увенчан золочёным куполом с крестом.
2005	9 октября	Закладка храма во имя св. благоверного князя Дмитрия Донского на главной площади города.
2005	6 ноября	Передана частица ризы Пресвятой Богородицы.
2005	8 ноября	На колокольню поднят 15-тонный полиелейный колокол.
2005	19 декабря	Празднование 15-летия возрождения монашеской жизни в обители. Святейший Патриарх Алексей II в сослужении епископата и клира обители совершил праздничную божественную литургию и молебен в Спасо-Преображенском соборе.
2005		Восстановлены святые ворота.
2005-2008		Реконструкция южных корпусов.
2006	26 марта	Маркиза Имаколата Соларо дель Борго передала в дар частицу мощей великомученика Георгия Победоносца.
2006	Май	Выход в свет 1-го выпуска журнала «Угрешский вестник».
2006	Июнь-август	Восстановление часовни у святых ворот.
2006	19 июля	Передана икона Влахернской Божией Матери.
2006	Август	Храм Дмитрия Донского увенчан золочёными куполами. На Владычную башню водружена фигура ангела.
2006	30 августа	В день памяти прп. Пимена Угрешского литургию возглавил архиепископ Истринский Арсений.
2006	28 октября	Первая панихида в храме Сошествия Святого Духа на апостолов. Малое освящение храма епископом Вениамином.
2006	31 октября	Первый молебен в храме Дмитрия Донского.
2006	4 ноября	Передана Казанская икона Богоматери (XVII в.)
2006	9 ноября	При семинарии открылись православные духовно-просветительские курсы «Сокровенный мир Православия».
2006	Ноябрь	Завершена реконструкция здания канцелярии, освящена церковная лавка у святых ворот.
2006	3 декабря	Епископ Вениамин совершил чин малого освящения и возглавил первую литургию в храме Дмитрия Донского.
2006	4 декабря	Епископ Вениамин возглавил первую литургию в храме Сошествия Святого Духа на апостолов.
2006	Декабрь	Завершение строительных работ в здании Никольского собора и монтажа иконостаса и киотов в верхнем храме.
2006	19 декабря	Святейший Патриарх Алексей II отслужил праздничную литургию в Спасо-Преображенском соборе и посетил восстановленный Никольский собор.
2007	9 февраля	Визит делегации Старообрядческой православной церкви во главе митрополитом Московским и Всея Руси Корнилием.
2007	31 марта	Епископ Вениамин совершил чин малого освящения и возглавил первую литургию в верхнем храме Никольского собора.
2007	30 августа	В музее-ризнице в день памяти прп. Пимена Угрешского открылась выставка «Святые и древности Николо-Угрешского монастыря».
2007	29 октября	Состоялись I Антониевские чтения, посвящённые памяти игумена Антония (Бочкова). Восстановлена его могила у Петропавловской церкви.

2007	Октябрь	Начало росписи Спасо-Преображенского собора. Завершение золочения купола храма прп. Пимена Угрешского.
2007	19 декабря	Святейший Патриарх Алексий II отслужил праздничную литургию в Спасо-Преображенском соборе. Это было его последнее (22-е) посещение Николо-Угрешского монастыря.
2008	12 апреля	Епископ Вениамин совершил великое освящение трапезного храма апостола Матфея и великомученицы Параскевы Пятницы.
2008	22 мая	Открылся музей императора-страстотерпца Николая II на основе коллекции, переданной А.В. Ренжиным.
2008	15 июля	Приём делегации Кипрской Православной церкви во главе с её предстоятелем архиепископом Хризостомом II.
2008	20 августа	Епископ Вениамин совершил великое освящение храма Сошествия Святого Духа на апостолов.
2008	9 октября	Празднование 10-летия Николо-Угрешской духовной семинарии. Обитель посетил ректор Московской духовной академии архиепископ Верейский Евгений.
2008	4 ноября	Епископ Вениамин совершил малое освящение восстановленной Казанской церкви.
2008	5 декабря	Блаженная кончина Святейшего Патриарха Алексия II, священноархимандрита Николо-Угрешского монастыря.
2008	19 декабря	Праздничную литургию в Спасо-Преображенском соборе возглавил Патриарший Местоблюститель митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Ему сослужили архиепископы Истринский Арсений, Чкодинский Пётр, Орехово-Зуевский Алексей, епископы Бронницкий Феофилакт и Люберецкий Вениамин. Московский объединённый музей-заповедник передал икону Собора архистратига Божия Михаила (XVII в.), бывшую святыней обители до 1920-х годов, другие иконы и книги.
2009	26 января	Посещение делегации Украинской Православной Церкви во главе с её предстоятелем Митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром.
2009	27 января, 1 февраля	Избрание митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла Святейшим Патриархом Московским и всея Руси и его интронизация.
2009	29 января	Обитель посетили делегаты Поместного собора (около 150 человек) во главе с митрополитом Одесским и Измаильским Агафангелом.
2009	2-11 февраля	Пребывание древней чудотворной Феодоровской иконы Богородицы из г. Костромы.
2009	24 марта	Принесение мироточивого образа Божией Матери «Семистрельная».
2009	15 апреля	Список чудотворной иконы Святителя Николая, явленной на Угреше, украшен ризой, выполненной по образцу ризы 1852 года.
2009	31 мая	Божественную литургию в Спасо-Преображенском соборе возглавил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, священно-архимандрит Николо-Угрешского монастыря.
2009	28 августа	Божественную литургию в Успенском храме возглавил архиепископ Волоколамский Илларион.

2009	11 сентября	Первый молебен в храме Усекновения главы Иоанна Предтечи (во 2-м ярусе колокольни) ознаменовал начало работ по восстановлению этого храма.
2009	Октябрь	Начало работ по росписи нижнего храма Никольского собора.
2010	4 января	Открытие православного молодёжного клуба при Николо-Угрешской духовной семинарии.
2010	Январь	Завершение работ по росписи Спасо-Преображенского собора.
2010	Март-май	Установка ночной подсветки Спасо-Преображенского собора и колокольни.
2010	Май-сентябрь	Празднование 630-летия основания обители и победы в Куликовской битве.
2010	22 мая	Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил чин великого освящения Никольского собора, отслужил праздничную литургию в Спасо-Преображенском соборе в сослужении архиепископа Сергиево-Посадского Феогноста, епископа Люберецкого Вениамина, духовенства г. Москвы и Николо-Угрешского монастыря, возглавил крестный ход к памяtnому знаку Святителю Николаю Чудотворцу, где состоялся краткий молебен.
2010	31 мая	Решением Святейшего Синода владыка Вениамин (Зарицкий) назначен управляющим Пензенской епархией в сане епископа Пензенского и Кузнецкого с освобождением от должности наместника Николо-Угрешского монастыря.
2010	6 июня	Вениамин (Зарицкий) передал управление монастырём игумену Варфоломею (Петрову), духовнику обители, назначенному исполняющим обязанности наместника. Ректором Николо-Угрешской духовной семинарии назначен игумен Иоанн (Рубин), ранее занимавший должность первого проректора.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК УГРЕШЕ

Валерий Аушев

России уголок

Где перепад высот,
Где водопад красот,
Есть город небольшой
С распахнутой душой.
Среди карьерных чаш,
Песков и родников
Встречает город наш
Гостей и земляков.

Мой город–городок —
Весёлый говорок.
Здесь, над Москвой–рекой,
Когда–то князь Донской
Уверовал в исход
Сражения с Ордой
И выступил в поход
За честь Руси святой!

Мой город–монастырь
Встречал врагов не раз.
Он сердцем не остыл,
Душою не погас,
Но ни ордынец–хан,
Ни сам Наполеон
Души заветный храм
Взять не могли в полон!

Мой город-городок —
России уголок.
Здесь, над Москвой-рекой,
Века хранят покой
И славу давних лет,
И гордость наших дней
Как дальний-ближний свет
Истории своей.

Борис Щербатов

Поединок

Развернулись полки для битвы,
у последней стоят межи...
Отложи, Александр, молитвы,
дланью Господу послужи!

Как на подвиг, угодный Богу,
на попрание тёмных сил,
проводя тебя в дорогу,
сам игумен благословил.

Гнётся конь под твоею тяжестью,
как попоною, рясой крыт.
Спас со стяга великокняжьего
прямо в душу тебе глядит.

За поруганных,
обезглавленных,
за пожарища на крови,
за отечество православное
басурманина посрами!..

Пересвет только молвил:
— С Богом!
Грудь размахисто осеня,
он метнулся, как ясный сокол, —
травы бросились под коня!

По обычаю бьются двое:
чей осилит — за теми верх.
И ореховой скорлупою
на обоих трещит доспех!

Бьёт навывлет копьё!
И замертво
оба падают в ковыли.
И на миг показалось:
замерло всё —
от облака до земли.

На мгновение — дрожь по коже.
Но сошлись уже впереди...
Если Бог рассудить не может,
поле русское,
рассуди!

Елена Егорова

Угреша малиновозвонная

Угреша малиновозвонная!
Твоя колокольная песнь
В пространство плывёт заиконное.
Прочь, мира безумная спесь!

Садами пройдя благовонными,
Смиренно склоняю главу
Во храмах святых пред амвонами,
Христовой молитвой живу.

Окрест распростёрлись исконные
Московии древней края.
Угреша малиновозвонная —
Родная сторонка моя!

Татьяна Уварова

* * *

Медовая тишь в монастырском дворе.
На лавочке чудно!
Как лодки в пруду, облака в серебре.
Свежо и безлюдно.

Меж службами колокол сонный молчит,
А голубь воркует.
И прежняя горечь в душе не горчит —
Забвенья взыскует.

Николо-Угреша врачует меня —
Святая обитель.
Иных уж пытается грехов западня
И змей-искуситель.

А мне в монастырском дворе, как в раю.
Жду звон с колокольни.
Я с хором церковным молитву спою,
Крестясь на иконы.

И надобно в храме мне свечи возжечь:
«Дай, Господи, внукам
И разум пресветлый, и добрую речь,
И Божью науку».

Валерий Аушев

Ботик юного Петра

Принимай, Москва–река,
Ботик юного царя:
Воля царская крепка
Бросить в море якоря.

Аскетичен внешне ботик
Только лишь на первый взгляд —
«Парус, мачта, рея, клотик» —
Вашу душу распалят,
И захочется абсурда —
Протаранить штиль речной,
Чтоб стрелой взлетело судно
Над взметнувшейся волной,
Чтоб пружинил гордый парус
Парусиной на ветру,
Чтоб с лица сходила ярость,
Непокорная Петру...

Вот опять не в духе кормчий:
Вся флотилия его —
Шлюпки, лодки, струги, кочи —
Омрачили торжество.
Задержались на излучке,
На мели песчаной сев...
У Петра вскипели руки
И в душе поднялся гнев.

Слава Богу, что наружу
Не успел прорваться он:
Над царём, смиряя душу,
Плыл угрешский перезвон.
И на глади серебристой
Впереди, в саженьях ста,

Вдруг обрисовалась пристань,
Неприметная в кустах.

С благочестием монахи
В монастырь Петра ведут,
И народ в почтённом страхе
Расступался там и тут:
— Царь-то прибыл к нам водою,
По реке, и иже с ним,
А теперь его святою
Мы водою окропим!

Помолясь недолго Богу,
В трапезной ухи вкусил
И в обратную дорогу
Заспешил что было сил...
Но и после, душу теша,
Шёл под парусом сюда.
Помнит древняя Угреша
Те петровские суда.
Как-никак отрадно всё же,
Не забыл ещё народ,
Что и здесь рождался тоже
Наш российский славный флот.

Елена Егорова

Рождественское утро на Угреше

Отразившись тенью величавой
На экране голубом тумана,
В ореоле солнца блещут главы
Храма над простором белотканым.
Инея волшебными волнами
Ниспадают до сугробов ветви.
До чего сияющий над нами
Свет Христова Рождества приветлив!
Ласковыми лучиков перстами
Человечьи души он лелеет.
Лик Пречистой Девы над крестами
Расцветает белою Лилеей.
И, Младенца-Господа качая
В светозарной поднебесной зыбке,
Богоматерь в Нём Спасенье чаёт
И благословляет мир — улыбкой,
И взирает добрыми очами,
Холст сугробов милостью расцветив.
До чего сияющий над нами
Свет Христова Рождества приветлив!

Геннадий Кобылкин

Угрешский монастырь

Осенняя листва и монастырский купол —
Всё отражается на зеркале воды.
И некуда идти, и тёплый ветер скупю
Ерошит волосы, как сохлые цветы.

Редеев небосвод, пустеет даль седая,
И снова впереди аллея и скамья...
И хорошо сидеть, подолгу наблюдая,
Как лебедей плывёт счастливая семья.

Эмма Сироткина

Угреша

Угреша — тихий милый городок
Вдали от магистральных всех дорог...
К заутрене торопится дьячок,
И свечи инок в храме вновь зажжёт.
Малец улыбчивый, бегущий на урок,
Кидаёт в воду озорно сучок.
Стен ожерелье в зеркале пруда,
И лебедей узорный теремок,
И золотые звёзды куполов,
И утра свет... Не надо больше слов.
Ты в моём сердце навсегда,
Угреша, тихий милый городок.

Галина Черкес–Филатова

Мой город

Ветер волосы треплет и нервы,
Бьёт, шутя, зеркала прудов.
И покой потревожит он первый
Монастырских колоколов.

Поиграет малиновым звоном
И потянет меня с собой
Вдоль по улицам, с детства знакомым,
Засыпая глаза листвой.

Приведёт меня запах кленовый
В старый дом под родной навес.
Брызнет в сердце закатом лиловым
Недопитая синь небес.

Дождь с ресниц тушь и слёзы мне слижет...
Звёздно–синее забытьё
Город мой подпускает всё ближе
И — угрешское сердце моё.

Ия Фролова

Весна на Угреше

Широкая пойма речная.
А дальше — просторы глазам.
Весенняя цветь кружевная
Лежит по крутым берегам.
Со звоном церковным надежда
В сердцах поселяется вновь.
И в городе чистом, как прежде,
Живут красота и любовь.

Валерий Аушев

Мы из Угреши

Коль невтерпёж природы захотелось,
Невероятных видов и красот,
В Угрешу заглянуть имейте смелость —
И дух вас по России понесёт.

Как терпок запах утренних черёмух,
Как светел мир занятий и затей!
В предместьях подмосковных незнакомых
Легко узнать восторженных людей.

Сам Дмитрий-князь рукой приветно машет
И с поля битв несёт благую весть,
Что Русь жива среди лесов и пашен,
А русичам в веках — хвала и честь!

Пусть минул день, который был не промах,
Вы, разомлевшие от запахов и чувств,
Как будто в древних рубленых хоромах
Зажгли простую русскую свечу!

В устоях крепких и сосновых кронах
Предстанет светлый лик земли родной,
Где колокольный звон и снег черёмух
Омоют душу трепетной волной.

Максим Клюев

* * *

Дьякон в церкви погасит свет,
Но не гаснет тепло икон,
И плывёт, словно майский цвет,
Над Угрешею тихий звон.

Заглядится в Москву-реку
С поднебесья свеча звезды,
И опустится к роднику,
И напьётся живой воды.

В синих сумерках город спит,
Только мне не уснуть опять,
Я хочу мечтать и бродить,
И весною взахлёб дышать.

На Донского — гордость побед,
На Лесной — соловьи поют,
На Дзержинского — в окнах свет,
И меня там, конечно, ждут...

У Николо-Угрешских врат
Сердце города бьётся вновь.
Здесь души моей светлый клад,
Здесь я встретил свою любовь.

Словно линии добрых рук,
Разноцветных улочек вязь.
Здесь очаг и семейный круг,
В них судьба — для меня и нас.

Елена Егорова

В монастырском саду

В обители за вечерело.
Уж всенощная отошла,
Но солнышко ещё не село
За золотые купола,
И гладь прудов, как днём, светла,
А небо чуть порозовело.

Под соловьиные свирели
И тихий шелест камыша
Безмолвно молится в смиренье
Пред Господом моя душа,
Душистой аурой дыша
Цветущей вишни и сирени.

Отдалена земная вещьность,
И ближе небеса... Когда
Хотя б на миг отверста вечность,
Не властны над душой года.
И бесконечна благодать,
И благодатна бесконечность.

Валерий Аушев

Гремячевский родник

Для зрячего–незрячего,
Глухого–неглухого
Роднее, чем Гремячево,
Селенья нет другого.
В овражке, вниз сбегающий,
К Москве–реке впритык
Клокочет несмолкающий,
Века оберегающий
Гремячевский родник.

Вот звоны монастырские.
Душа внимает звону...
Дружины богатырские
Ступали кучно к Дону
И, думой озабочены,
Как путь закрыть беде,
Звения кольчугой звончатой,
Вздымая пыль с обочины,
Спускались вниз к воде...

Часовенка поставлена
У льющейся водицы,
Которая по–старому
Бежит себе, струится.
Давно уж нет Гремячева,
А вот родник шумит,
Им свежесть не утрачена,
Звенит вода прозрачная
И путников манит.

Евгений Хазов

Угрешские звоны

Проснулся древний монастырь,
Воспринял солнечную ласку
И ожил, русский богатырь,
Былых времён живая сказка.

Звонят в тиши колокола,
Взывая души к пробуждению,
И золотые купола
Сияют чудным обновленьем.

Витает колокольный звон
Над шлемом Дмитрия Донского —
Как звуковая связь времён
Угреши с полем Куликовым,

Как клич сквозь дремлющую тишь
От предков из глубин веков:
«Проснись, Россия! — долго спишь,
Воспрянь под звон колоколов!»

Елена Егорова

Угрешский родник

Угрешский родник. В тишине
Поют серебристые струи.
В их пении слышится мне:
Аллилуйя! Аллилуйя!

Когда от предчувствий беды
На сердце всё горше и горше,
Черпну родниковой воды
И выпью глоток из пригоршни.

Вернусь, обойдя вокруг пруда,
К надкладезной белой часовне.
Забуду смятение, когда,
Присев на скамейке тесовой,

Начну не спеша наблюдать
За бабочкой, пчёлкой, улиткой...
Угрешской земли благодать
В душе отзовется молитвой.

И вновь к роднику приложусь:
Живительны чистые струи.
В них светится матушка-Русь...
Аллилуйя! Аллилуйя!

ДУХОВНЫЙ ЦВЕТНИК УГРЕШИ

Валерий Аушев

Завещание великого князя Дмитрия Ивановича

Засобирался Дмитрий тихо к Богу,
Угас во цвете лет среди цветов,
И лепестками май устлал дорогу —
Последний путь во царствие крестов...

И в завещании по духу православном
Благочестивый князь сказать спешил,
Что жил всегда он с мыслию о главном —
О единенье всех удельных сил.

«По чести, дети, заодно живите,
И матери вы слушайтесь во всём.
Не дай вам Бог из Божьей воли выйти,
Когда почну глубоким вечным сном.

Кому что даст она, тому и бысть отныне.
Отныне с вами только Бог и мать.
Тому ж, кто жизнь свою предаст гордыне,
Благословенья моего не ждать...

Я отхожу, судьбу вручая Небу,
А ваши судьбы — Богу и вдове.
Стезю храните к отчинному склепу,
Не дайте сорной прорасти траве!

Бояр любите, дети, к слугам будьте
Приветливы и вежливы вельми.
И вы, бояре, не застряньте в блуде,
А оставайтесь верными людьми.

Тем паче, что, бояре, вам известен
Мой сызмальства открытый честный нрав.

Вся жизнь моя случилась с вашей вместе...
Прощения прошу, коль был неправ.

Я ведь рождён пред вашими очами,
При вас возрос, на ваших же глазах.
С врагами был предерзок и отчаян,
Не отступая в битвах ни на шаг.

Я с вами отчину свою узрел свободной,
Деливши радость с горем пополам,
Когда прошли, слиясь, колонной сводной
По схваченным осенней ржой полям...

Мой час пробил... Рука всё реже, реже
Легко и вольно ощущает меч...
Благословенье Неба на Угреше
Я завещаю, други, вам беречь.

Ещё немало разных татей, воров
Нагрянет разорять Святую Русь,
Но если глянет Бог на них сурово,
Вам предвещать печали не берусь.

Да что печаль и скорбь в сём мире бренном,
Где нет моих соратников в живых:
Ни Пересвета-инока, ни Бренка?! —
Их кровь в корнях и травах луговых...

Я тоже пал на поле Куликовом
И запах смерти краешком вкусил:
Играли трубы над моим покровом
Из русских тел, не пожалевших сил

Спасти Христа, Отечество и княже...
Я вместе с вами чашу пил светло:
Живот иль смерть? — иные мысли даже
Не сокрушали сердце и чело...

То был лишь первый зов небесных братьев.
Я отхожу... Да пусть примет Бог!
Вы после хлада рук моих объятий
Не загоняйте Кремль в переполох.

Я вас любил и ваших деток малых,
И вы давали верности обет.
Пусть не сулил зело небесной манны,
Но звал всегда на княжеский обед.

Прощайте же и благосклонны будьте
К моей княгине, к чадушкам моим,
И в радости, и в скорби не забудьте...
Воздавши мёртвым, кланяйтесь живым!»

Подкова

Перед тем, как выступить с дружиной
В путь-дорогу к полю Куликову,
Князь на кузне у реки Неглинной
Попросил на счастье подкову.
Взмок кузнец от жара иль смущенья,
Из ушата взял пруток овальный,
Раскалил до белого каленья,
Перенёс щипцами к наковальне
И давай стучать без остановки —
Искры вкругорядь от сей поковки
Полетели, жаля и проказя,
И одна прожгла холстину князя.
Улыбнулся он работнику: «Тем паче,
Искра Божия! А это, брат, к удаче...»

Елена Егорова

Цветы Куликова поля

Расцвели снова ландыши
В бирюзовой полян тиши.
И в черемухах за овинами
Слышно пение соловьиное.

Обняла теплынь благодатная
Неоглядное поле ратное,
Куликово полюшко славное,
Где рождалась Русь державная.

Здесь сражались и упокоились,
Вечной памяти удостоились
Наши пращуры православные.
Здесь хранят цветы образ давнего:

Незабудки, фиалки, лютики —
Словно очи в годину лютую
За Отчизну погибших ратников:
И бояр, и простых посадников.

Всюду красной гвоздики крапинки,
Словно пролитой крови капельки.
В роще, где от жестоких врагов
Был укрыт под зелёным пологом

Князь Димитрий Донской израненный,
Нежно льётся благоухание —
В бирюзовой полян тиши
Снова молятся ландыши.

Крестный путь России

Кремнист России крестный путь
и тяжек крест —
ни уронить, ни отдохнуть
нельзя ей не на миг.
Прочь, прочь отыди, бес!
В кресте — души живая суть,
Безмолвный сердца крик.
Нельзя России без Небес,
без истинных начал.
Пасхальный гимн:
«Христос воскрес!» —
в гонения звучал
призывом, сердцу дорогим.
И хоть от гордого ума
соблазнов тьма,
злу пламя веры не задуть.
Жива Благая Весть!
Кремнист России крестный путь
и тяжек крест,
но ей пути иного нет.
Маяк — Господень Свет.

Сияющий крест

В поднебесье красотой нетленной
Крест сияет светочем Вселенной
На свинце суровых облаков,
Землю ливнем оросить готовых.
Он душе и радость, и покров,
И спасенье от ярма грехов,
И надежда жизни — вечной, новой.

Православное сердце России

Колокольные звоны родные —
Вечный зов к неземной высоте.
Православное сердце России
На небесной поёт частоте.
Сколько горя оно выносило!
Сколько счастья любви во Христе
Оно знало! И этой любовью
Было живо в лихие года.
Не погасла молитвы звезда,
И воскресшей Руси изголовье
Покаянья слеза оросила.
Слышат ясные своды небес
Православное сердце России,
Колокольный её благовест.

Предрассветное

Голубую утреннюю стужу
Золотит прощальный блеск луны...
Тише, не спугните тишины,
Благодатно охватившей душу.
Полюбуйтесь, как издалека —
Из-за леса спящего — любовно
Алой акварелью облака
Луч румянит. В куполе церковном
С каждым мигом ярче переливы
Синих и малиновых цветов.
Тянется по снегу нить следов —
Инок в церковь шёл неторопливо.
Гаснет медленно ночник луны,
Мглы рассветной розовеют волны...
Тише, не спугните тишины —
Пусть душа помолится безмолвно.

Ноябрьское утро в обители

Первые лучи на куполах
Чудной светомузыкой взыграли.
Ангелы запели в небесах.
Им куранты звоном отвечали.
Сколько в этих утренних часах
Светлой радости, смирения, печали
Об осеннем тихом увяданье,
Об угасшей голубой звезде...
Но всё ярче солнца ликование
На последнем золотом листе,
Всё сильнее на Бога упование.
Вся душа открылась Красоте.

Дорога к храму

Ломая лужиц тонкий хризолит,
Иду на колокольный зов Угреши.
Как воспалённо смотрят из проплешин
Холодных облаков глаза зари!
А иней на траве, как седина
Моих висков, но в сердце небезгрешном
Не мудрости покой и тишина,
А голоса страстей неотболевших.

Я знаю, Боже, в чём моя вина
И что меня от неба отдалило:
Душа пьяна от терпкого вина
Житейской суеты неодолимой.
Но я иду на чистый свет креста
И каюсь, и молюсь, грехом палима,
И жажду милости неутолимо.
Прости меня, прости ради Христа!

В Сергиевом Посаде

Купола вокруг, купола
Да кресты, златые кресты.
И полна душа, и полна
Этой жертвенной красоты,
Тихо молится вновь и вновь,
Славить Бога не устаёт,
И любовь, Христова любовь
В ней небесной птицей поёт.

Душа России

Дубы, берёзы да осины —
Простой, привычный глазу вид...
Великая душа России
Не на поверхности лежит,
Но здесь она: в любой росинке
Слезой молитвенной дрожит
И в каждой маленькой былинке
Христу безмолвно предстоит.
Здесь колокольный звон былинный
Над полотном веков разлит,
Над каждой церковкой старинной —
Крест Божий и покров молитв.
И оттого России душу
Злу не постичь, не побороть —
Оно напрасно с воем кружит,
Терзая страждущую плоть.
Душа жива, хоть и недужит.
Жива! Храни её, Господь!

Татьяна Уварова

Притча о светильнике

Когда зажигают светильник,
Не ставят его под кровать.
И зла не сокроют насильник
И лжец, что привык воровать.
Иисусовой притче внимая,
Поверю: всё выйдет на свет.
Земная Фемида — немая,
Но Богу даём мы ответ.
И станет всё тайное явным,
Грехам не избежать огня.
Всё просто, как истина: я в Нём —
И Он прочитает меня.
С обеих сторон подступая,
Нас тьма ожидает иль Свет?
Душа, осторожно ступая,
Готовит последний ответ.
С годами всё уже дорога,
Всё круче над бездной ступень.
И просит прощенья у Бога
Душа за греховную лень.

* * *

Гордыня — грех. И плачут гордые
В годину горестной расплаты.
Цветут сады любви горние.
Поют в них ангелы крылатые.
Туда идут путём смирения,
Обид не помня и гонения.

* * *

Проснёшься, помолишься Богу
И радостью мир обоймёшь.
Забудешь былую тревогу,
Души предвечернюю дрожь.

Захочешь быть светлым, как ангел,
Стоящий за правым плечом,
Кружить под весеннее танго
На травке весёлым грачом.

Живым воплощением счастья
Под утренним солнцем сиять.
Играя, надеть на запястье
Воды изумрудную гладь.

За праздник ликующей жизни,
За милость родиться и жить
Во славу небесной отчизны
Всевышнему вирши сложить.

* * *

На душе извечная тревога.
Не прогнать её, не истребить...
А народы делят землю Бога -
И никак не могут разделить.

Удобрять почву тёплой кровью,
Собирают мести урожай.
Слёзы материнские и вдовьи
Научились смертью угрожать.

Нет у мести ни конца, ни края,
Кровью не насытится война.
Отвернулся Бог, не одобряя.
Потирает лапы Сатана.

Молитва о спасении

Господь, помилуй и прости,
Помилуй и прости!
И все грехи мои скости
Для светлого пути.

На тыщи вёрст я вижу зло.
Везде блуждает зверь.
Молюсь, чтоб милым повезло,
Чтоб постучались в дверь.

Господь, нечистых отгони,
Развей мой жуткий страх.
Мы точно в золотой броне —
С молитвой на устах.

Ты не устанешь нас пасти —
Ягнят своих стада.
И Ты сумеешь нас спасти,
Как Ты спасал всегда.

Из цикла «Парижская тетрадь»

Ставлю свечи я в церквях Парижа
Божьей Матери, Отцу и Сыну
И Святому Духу. Кто мне ближе
Будет в эту грустную годину?

Старость одиночеством печальна,
И тепло к нам близких остывает.
Но душа — ребёнок изначально —
Все обиды быстро забывает.

Православная, в церквях Парижа
Я чужой себя не ощущаю.
И мои молитвы здесь услышат
Те, кто помогают и прощают.

Молитва за невинных

Господи, как странно, что вокруг
Чистых душ слабеет свет в ненастье.
Господи, как страшно: враг и друг —
Ищут все виновников несчастья.

Огради невинных, Боже мой,
От расправы скорой и кровавой.
Разве будут эти «судьи» правы
Из толпы, от ярости слепой?

* * *

Над Москвою облака, как цветы.
Это день сегодня нежный такой.
Никакой пока ещё суеты.
Утро раннее, воскресный покой.

Колокольный звон нас в храмы зовёт.
Солнце тёплый шлёт привет с высоты.
Мы проснулись без тоски и зевот
С ощущением счастливой мечты.

Пусть чирикают о ней воробьи.
Пусть о ней воркует голубь-сизарь.
У мечты, конечно, крылья свои -
Никогда их никому не связать.

Ты лети, моя мечта, над Москвой,
Чтоб была она, как Небо, чиста,
И деревьями полна, и травой,
И людская в ней цвела красота.

Геннадий Кобылкин

* * *

Мне снится гул безудержной воды,
Свинцовые, нахмуренные лужи
И на горе унылые сады,
Раздетые от холода и стужи.

Спешат, спешат по небу облака,
За ними вслед застигнутые птицы.
И далеко видны им свысока
Забытых сёл немые вереницы.

Уносит стая зыбкую черту.
Остановлюсь и... слышу за спиною:
Бряцает меч по битому щиту
В потоке войск, спешащих стороною.

И слышу зов... И чудится вдали
Мне поле брани с жаркими огнями.
И вороны, сидящие в пыли
И реющие жадно над полями...

И я молюсь за чистые луга,
За тихий дым, сползающий в низины.
За ширь полей, зажатую в стога,
За рябь реки, укрытую в лозины.

Кричу во сне... И чувствую тогда
До боли мне знакомое рыданье.
И снова снится гулкая вода
И берегов родное очертанье.

Очевидец

*Посвящается храму Покрова
в г. Переяславле Залесском,
где крестили Александра Невского*

Лоснились от пота косматые крупы коней,
На площади топот: холопа тащили за ворот.
У храма толпились, и стон из открытых дверей
Собою заполнил весь этот захваченный город.

Стреляли монголы, и луки звенели, а дым
Над крышами вился, и громко кричал воевода.
Княгине, и князю, и отпрыскам их молодым
Главы отсекали при полном смятенье народа.

И, площадь очистив, они гарцевали, а храм
Стоял, златоверхий, и колокол бился натужно,
И люди внутри всё тесней прижимались к углам,
И пламени змеи из хвоста вырвались дружно.

Широкое облако едкого дыма в окно,
В другое и третье уже не спеша проникало,
И смрадом нещадным по храму повисло оно,
И видели люди огня ядовитое жало.

«Спасите!» — кричали и ждали, что грянет с небес
На всех святотатцев великая грозная кара,
И кто-то невидимый в храме мелькнул и исчез.
И... всё исчезает в дыму и угаре пожара.

...Как прежде, дымятся печурки по нищим дворам,
И ветром кольшутся старые тусклые ивы,
Но в листьях багровых обрушится призрачный храм,
И в кронах осенних взвоятся косматые гривы.

Маргарита Филатова–Клюева

Боголюбская Богородица

Загляжусь в небеса высокие —
Ненаглядные небеса.
Светят ясные, светят строгие
Очи — звёзды ли, образа?

У лесного молюсь подножия
При бессонной седой луне:
«Боголюбская Матерь Божия!
Плач, заступница, обо мне!

Вкруг меня твои руки сходятся.
Дай испить мне живой воды.
Боголюбская Богородица!
Сбереги любовь от беды!»

* * *

Небо серое. Крест золотой.
Над крестом — воспарившая птица.
Смой беду дождевою водой,
Научи меня, Боже, молиться!

Дай, незрячей, мне счастье найти,
Что в твоих откровениях скрыто.
Заплутавшую душу прости,
Что назвали в миру Маргарита.

Дай восход с путеводной звездой,
Чтобы снова с пути мне не сбиться,
Небо серое, крест золотой,
Над крестом воспарившую птицу.

Максим Ключев

* * *

Гонят вёрсты что есть силы —
Так, что кругом голова.
Началась окрест Россия,
Где закончилась Москва...

Неприкаянную душу
Ждёт нелегкий дальний путь.
Не спеши, судьба, послушай,
Дай с дороги отдохнуть

В старой церкви деревянной,
Где заброшенный погост,
С думой тяжкой, покаянной,
Не скрывая горьких слёз.

Доведёт меня дорога...
Что отвечу я тогда? —
«С Богом был и против Бога,
Но без Бога — никогда...»*

Исповедуй, отче! Крикну:
«Боже, есть тут кто живой?»
Только Память, только Лики,
И бессмертный Дух Святой...

Негасимую лампадкой
В дальней праведной глуши
Сердце молится украдкой
О спасении души.

* Парафраз от афоризма: «Русский человек всегда был или с Богом, или против Бога, но никогда без Бога».

Натали Влаго

* * *

Спасибо, Господи, за снег!
За царство белого покоя.
И время замедляет бег,
А настроение какое!

Узорных окон синева
И месяц — долькаю лимона,
И снова душу рвут слова.
Ах, эта радость перезвона!

Пусть будет счастлив человек!
Исчезнут боли и злословье.
Спасибо, Господи, за снег!
За царство светлого безмолвья.

Угличу

Ах! Места твои святые,
Перезвон колоколов,
Грустной тайной налитые
Песнопения без слов.

Отойду и успокоюсь
На высоком берегу,
Красотой благой исполнюсь,
Свои чувства сберегу.

Дождь, как будто омовенье!
Окроплюсь святой водой,
Чтобы снова исцеленье
Не откликнулось бедой.

Вечер гаснет тихой песней.
Чу! Звонят колокола,
И уходят в поднебесье
Золотые купола.

* * *

Нет, боли не было, она пришла потом
В колючих гроздьях маленькой обиды.
И мы, покинув тёплый яркий дом,
Ушли в дожди с весёлостью завидной.

Холодною тоскою сжало грудь,
Забилось сердце раной воспалённой,
Какая-то непролитая грусть
Сквозила в листьях, влагой напоённых.

Нас принял старый монастырский сад,
И хоть деревья показались порознь,
Здесь каждый лист был несказанно рад —
И закружила бесшабашно осень.

Неприхотлив под древом древним стол...
И в гости к нам — продрогшая дворняга.
Мы пировали, опершись на ствол,
Так, как пируют только лишь бродяги.

Давай же за спасение души,
За эту осень, пьяную, шальную,
За то, чтобы огонь не затушить,
За то, что любим так напропалую....

Остатки грусти бедолага-дождь
Снял как рукой, растаяла тревога,
Обиды колкой маленькая гроздь,
Рассыпавшись, осталась на дороге.

Ия Фролова

Богослово

Посёлок назван Богослово,
В нём церковь дивная стоит.
О Боге слово, от Бога слово
И к Богу слово в тиши звучит.

Полнолуние

Луна пятнистой тарелкой повисла. Ночь.
Сегодня волки хотят без толку овце помочь.
Кого-то тянет к луне поближе сесть на карниз.
Бессонных много, одних у окон, смотрящих вниз.
А я гадаю: придёт ли милый — судьбы сюрприз?
Но сердца жженье своим движеньем луна хладит.
Стареет тело, одна в бессмертье душа не спит.

* * *

Помолиться мне сердцем лень,
Нет свечи на столешнице,
Завершаю я жизни день
Закоренелой грешницей.

Боже, прости, в чём грешна.
Душа во мне — христианка,
Она богата, а я бедна...
И молчу я, как партизанка.

Не тревожит совести зуд,
Может, праведницею стала?
Жизнь моя — почти что абсурд.
Как начать мне её сначала?

Анастасия Мигова

Родной город

Майская зелёная трава,
Инеем покрытая с утра.
Вишни расцветают во дворах.
Здесь, пожалуй, лучшая пора.

На рассвете к дому я приду,
Оборву крапиву–лебеду,
Посажу на месте том цветы
Необыкновенной красоты.

А ещё я посажу каштан...
Хоть я повидала много стран,
Нет на свете ничего родней,
Чем тот край, где дом семьи моей.

* * *

И вечное свечение
Всевышнего добра.
И первое мгновение
Ожившего костра.

И радостные крики
Летящих к югу птиц.
Загадочные лики
Героев со страниц.

Прикосновение к тайне.
Сбылась моя мечта.
И светлое сознание —
Как чистая вода.

Михаил Ложников

Ванька-встанька*

Что с тобой случилось, Ванька,
Что лежишь ты на боку?
А вокруг такое — глянь-ка:
Грабят вороги страну.

Но ты, братец, прежде встань-ка,
Как и Муромец Илья,
Подымись-ка спозаранку
Да седлай, дружок, коня.

Сам ты нынче на лихого
Сядь, Иван, на скакуна —
Ведь тебя же, удалого,
Ждёт родимая страна.

И зазря во вражьем стане
Смех недобрый слышен днесь.
Так скорее, Ванька, встань-ка —
Покажи, каков ты есть!

Эй, вы, Руси удалые
Добры молодцы, сыны!
Где же ваши вороны
Боевые скакуны!

* В основу стихотворения легло предание, относящееся ко времени татаро-монгольского ига. Ордынский хан, будучи в дурном настроении, велел пленному русскому мастеровому Ивану сделать для него что-нибудь весёлое, пообещав отпустить на волю. Иван выстругал из цельного куска дерева игрушку, позднее названную «ванькой-встанькой» (не путать с полой неваляшкой, издающей бренчащие звуки). Позабавившись вначале ванькой-встанькой, хан вдруг нахмурился, бросил игрушку на землю и начал топтать. Видно, он разгадал её скрытый смысл: сколько русского ни вали, он всё равно поднимется.

В путь скорее за Иваном
Вас зовёт, зовёт труба,
И решается на ратном
Поле Родины судьба.

Медовый Спас

Пришёл желанный праздник Спас,
Явилось с ним жары дыханье.
Влечёт сегодня, манит нас,
Пьянит медов благоуханье.

В них чистый видится янтарь,
Букет в них ароматов разных.
Отметим, как бывало встарь,
Мы с мёдом, с чаем этот праздник.

Смиренно к небу обратим
Свои молитвенные взоры.
Мы Спаса возблагодарим
И каждый сам, и вместе — хором.

Любовным взглядом обозрим
Поля бескрайние России.
О Боже! Дай сил новых им,
Хлеба чтоб тучно колосились.

Анна Картавец

Вселенская любовь

Я — зов небес. Я — тайна высшей цели.
Я — ритм сердцебиения земли.
Моря бы без меня заледенели,
Сердца людей в тоске изнемогли.

Я — только звук, манящий и невнятный,
Я — вечной жизни свет и торжество.
Я к вам приду и покорю внезапно,
Ведь я одна прекраснее всего.

Молитва

Он мне не муж и не любимый,
И нет родства у нас в крови,
Но Ты, Господь, Кем жизнь хранима,
Пути его благослови.

Ты проведи его по кручам
И сохрани от новых бед.
Пусть эта жизнь нас не разлучит,
Не разведёт нас белый свет.

* * *

Одинокое, пёстрое племя поэтов
В этом суетном мире затеряно где-то.
Их услышат, оценят, увы, единицы,
И сотрутся чернила с заветной страницы.
Пусть избранников Божиих в мире немного,
Им в счастливую Вечность открыта дорога.

Анастасия Ангелярова

Молитва

Я сильная и всё перетерплю,
Сжимая сердце твёрдою рукою.
Но, Господи, в душе Тебя молю:
Ответь, что сделалось теперь со мною?!
И почему от горя так кричу
Ночами лунными в пустой квартире
И видеть никого я не хочу?
Одна на этом свете... в целом мире!
Опять Тебя я, Господи, молю.
Лишь на один вопрос, прошу, ответь:
За что его так сильно я люблю,
Что за него готова умереть?!

* * *

Я думала, и вправду полюбил,
А он хотел лишь развлекаться.
И с парой лёгких белоснежных крыл
Пришлось недавно мне расстаться.
...А я летела ввысь влюблённой птицей
И растворялась в пене облаков.
Но мне пришлось на землю опуститься,
Когда покрылась льдом моя любовь.
Нет, не хочу я верить, будто чувства
Нас заставляют по земле ходить
И отнимают высшее искусство —
В бескрайности небес легко парить.
Я знаю, что Господь подарит вновь
Мне пару крыльев белоснежных,
И унесёт взаимная любовь
Меня во всепрощающую нежность.

Искандера Кондрашова

Уходящим — покой

*Уходящим — покой, а идущим — удачи.
И теперь нас с тобой только небо оплачет...*
Jam

Осталось лишь беззвучно плакать,
Когда уйдёшь в полночный час.
Дорог иного мира слякоть
Навеки разделяет нас.

Я тихо сяду в изголовье,
Даря последние мечты,
Немою, каменной Любовью
Оберегать твои черты.

Но ты уходишь по ступеням
К пещерам вечных дивных снов,
А в тишине так длинны тени,
И веет льдом прощальных слов...

После Войны Гнева

Ты помнишь, брат, как точно по часам
Прощались с миром — странным и любимым,
И павшие недавно к небесам
Всё восходили белым травным дымом,
Ждало успокоенье на века,
Виденья зыбко проплывали мимо,
И в море отражались облака,
Но мир менялся так необратимо?
Ты помнишь ли безвыходность усилий,
Как яростно все наши дни текли?
Под парусом лебяжьих белых крыльев
Нас уводили в Вечность корабли...

Любовь Щипанова

«Даждь нам днесь...»

Валентина уже устала, а не присесть: гостей ждёт. Стол накрыт, в квартире всё блестит, и запахи такие густо-вкусные, что хоть ложкой черпай. Осталось сделать салат. Смотрит она в окно: мужа отправила за горячими напитками — в этом их пол разбирается лучше. Вон пошагал по улице, что пролегла на месте бывших огородов её родной деревни Гремячево. Город подмял все окрестности, даже названий не осталось. Один только Николо-Угрешский монастырь утёсом светлым стоит среди незатейливых многоэтажек. Ведь сколько порушили всего, а он уцелел и возродился. Значит, на нужном месте стоит и о важном напоминает.

День сегодня праздничный — Пасха! И гости придут самые дорогие: дети и внуки, сёстры и брат. Вот Валя и волнуется. Так... Теперь последнее. Вчера вроде бы решила сделать модный ныне салат цезарь, да лиловый вилочек цикория в магазине прямо из-под рук выхватила какая-то фифа, а без него это не цезарь, а подделка — она такое едала. Важно преподносят, а делать-то не умеют, в Италии не были. Она тоже не была, но будьте спокойны: знает, что кладут в этот салат.

А ведь как просто было раньше! Нарубила тазик оливье по-советски — с варёной колбасой — и все довольны. Теперь же исхитряются, чем бы гостей удивить, хотя за стол садятся есть, а не удивляться.

Вот её бабушка Катерина Николаевна — Царствие ей Небесное — говорила, что на столе главное — хлеб да соль. И права была! А уж как пекла! — сравнить не с кем. Всё Валино детство — это сладкие воспоминания о её кухонном творчестве. Умение готовить и гостей принять у Вали тоже от неё. На столе главное сегодня — кулич. Подошла она, приподняла хрусткий рушник, вдохнула запах, и закружили душу воспоминания...

На Новый Год сидели они, внуки, кучей малой за отдельным от взрослых столом и лакомились вкуснейшей кулебякой со сладким чаем. Наевшись, бежали на улицу, гроздью наваливались на большие дровяные сани, кати-

лись с горы, с раската падали в снег, визжа от счастья. Детское-то счастье малое, независтливое, простое: сыта, любят тебя — вот и довольна.

А придёт масленица — всем табором к бабушке на блины. На столе мёд, сметана, варенье всякое. Катерина Николаевна несёт стопку блинов, тонких, как кружево. У Валуши такие не получаются. Сидят бабка с дедом и смотрят, как внуки, краснощёкие с мороза, метут всё дочиста. Дед, усмехаясь, поварчивает: «Пореже, пореже... Это вам не каша...»

Пасха — особый разговор. К ней готовились целую Страстную неделю. Сначала бабушка делала из молока творог, затем в марлевом кулке уминала его в старинную липовую пасочницу и ставила на холод в сени, наказав всем следить, чтоб там кошка не шастала. Следом красили яйца. Тут строго — только в луковой шелухе. По-другому бабушка не признавала, брезговала. Наконец в пятницу ставилось тесто на куличи — целое ведро. Вот оно творчество-то где! Катерина Николаевна так и говорила: «Затворила я тесто!»

Тут она начинала волноваться ужасно, потому что пекла не один-два кулича, а каждому в семье по куличу. Сначала сажали в духовку главный дедов кулич, с которым надо было идти в церковь, а потом — каждой дочери, каждому внуку или внучке. Пекли в разных старых кастрюльках и кружках, а самому маленькому — Лёнке — в консервной баночке. Собирались и толклись в крохотной кухоньке все — её семья. Сердиться грешно было, и бабушка просто старалась куда-нибудь всех выпроводить. Ща-ас! Каждый ждал свой кулич, чтобы его украсить и самому поставить на хрустящие вышитые петухами полотенца под киот, перед которым горела лампадка. Всё это происходило в непередаваемом торжественно-почтительном состоянии души, и даже чистка форм на крыльчке поздним вечером казалась полной чего-то сокровенного. А в субботу утром бабушка в плюшевой жакетке и кружевной шали, наплевав на «совещу власть, что против веры», ставила главный кулич, пасху и яички в сумку и шла в церковь. Путь неблизкий — за Москву-реку в село Беседы. Там в храме батюшка и святил их.

В воскресенье чистое и нарядное её потомство важно ело свои куличи и пило чай с пасхой. Все терпеливо ждали,

когда дед начнёт дарить внучатам денежки — копеечки, конечно, но это были уже их копеечки. И не засть! Сами с усами — разберёмся!

Потом начиналось лето, а с ним — знаменитые бабушкины пироги с луком и яйцами, щавелевые с крапивой щи, шипучий ядрёный квас с пухлыми изюминками и, наконец, само варенье-делание с огромным количеством пенок, липких пальцев, подзатыльников... И так до первой квашеной капусты, белой и маслянистой, твёрдого пупырчатого солёного огурца, скользкого маслénка, ухи из судака, сложенного зятём, пельменей, которые лепили всей семьёй.

Да, много чего ещё стряпала Катерина Николаевна для них, её детей и внуков... Однажды Валя, покачивая на коленях сынишку, спросила у бабушки, чем та кормила своих малых детей. Ушла бабушка в кухню и, немного погремев посудой, принесла и поставила на стол миску. Там были кусочки чёрного хлеба с накрошенным луком, залитые водой и слегка приправленные постным маслом.

— Вот! Это мы звали мурцовкой. Попробуй, очень вкусно. Особенно, когда присолишь.

Стоит Валентина и, забывшись, качается в воспоминаниях, как в лодке, что плывёт по затуманенной реке времени. И пассажиры ей близки и бесконечно дороги. Но тут стукнула входная дверь, и в прихожей затоптался вернувшийся муж. Ой, времени-то уже сколько! Скоро народ придёт. Нет, не будет она делать салат. Просто нарежет свежие овощи и выложит на блюдо.

Валя опять подняла хрусткое полотенце на куличе, вдохнула запах. Хорош! Едоки сами разберутся, что главное. Цезарь — это у них, в Италии. А у нас — хлеб да соль, а в Христов День — кулич!

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Борис Щербатов

* * *

Верую, Господи, верую!
Я ещё различаю пока,
как по русскому небу серому
голубые плывут облака.

От осенних дождей обессилев,
вижу чудное поутру:
как Небесная смотрит Россия
на земную свою сестру,

где, слепые, бредём наудачу,
стонет ветер, слышна стрельба.
Захолонет душа и заплачет.
Это — Родина. И судьба.

Я на вызов её отвечаю!
Плавлю тучи горячим лбом.
Вот уже и глаза различаю —
голубые на голубом.

* * *

Поэты, мы все вне закона,
вне времени, вне суеты.
Цвета соловьиного звона
ложатся на наши холсты...

О, как расцветает над бездною
на вечер, навеки, на час
Поэзия - царство небесное,
которое в каждом из нас!

* * *

«...стучите, и отворят вам».

Новый Завет

Годы лучшие позади.
Мы грустим, подходя к итогу.
Всё тревожнее стук в груди —
это сердце стучится к Богу.

В шуме утра, в глухой ночи
то настойчиво, то вдруг тише —
но стучит моё сердце, стучит!
И Господь моё сердце слышит.

А когда оборвётся стук, —
что б там люди ни говорили, —
улыбнись, мой усталый друг:
сердцу верному отворили.

Голос

О, Русь!..
Колокольные звоны
плывут на восход и закат,
где мёртвых людей миллионы
в твоих беспределах лежат.

Лежат и незванные гости,
и гордый Отечеством росс...
Светло на великом погосте
от мрамора русских берёз.

Мы слышим, как в мире безбожном
глумится бесовская рать.

Мы, мёртвые, вам не поможем.
Но мёртвым дозволено знать:

пророки пройдут и мессии,
последним оплотом Любви
останется в мире Россия —
берёзовый храм на крови.

* * *

Отче наш,
я один из многих
блудных твоих сынов.
Дай мне в конце дороги
отчий увидеть кров.

Блудному смутно помнится
детство в Твоей стране.
Всюду за мною гонится
всадник на бледном коне.

Злым, молодым и гордым
ушёл я за Твой порог.
Отче, я сыт по горло
горем моих дорог!

Сердце к Тебе стучится
днём ли, в ночи немой.
Вот и опять мне снится:
будто пришёл домой,

будто я, тих и кроток,
принят, обласкан, рад...
Но почему за ворота
смотрит мой младший брат?

* * *

Мы в вечный бой вовлечены.
Наш горек хлеб, в огне — дорога.
Мы с детства жить обречены
в соседстве дьявола и Бога.

А дьявол всюду: там и тут.
В глухой ночи и в полдень ясный
нас неотступно стерегут
его ловушки и соблазны.

Лукавый врёт тебе в глаза,
что ты безгрешен, ты свободен.
Но разверзает небеса
уже не гром, а гнев Господень!..

Больные, блудные сыны,
что мы ответим в час расплаты:
какой мы родине верны,
какой мы армии солдаты?

Пришла по наши души тьма,
а сердце — в плаче и молитве...
И надо не сойти с ума,
и устоять в великой битве.

Содержание

Угрешский летописец

Историко-краеведческие статьи

<i>Елена Егорова. Святой благоверный князь Дмитрий Донской</i>	6
<i>Иоанн (Рубин), игумен. История Никольского собора Николо-Угрешского монастыря в свете новейших исследований</i>	28
<i>Елена Егорова. Преподобный Пимен Угрешский и его последователи</i>	40
<i>Елена Егорова. Новые архивные находки по истории Угреши</i>	62
<i>Инесса Антонова. Философ Константин Леонтьев и драматург Николай Соловьёв — угрешские послушники</i>	72
<i>Елена Егорова. «Святая музыка стиха» игумена Антония (Бочкова)</i>	78
<i>Антоний (Бочков), игумен. «Бисер Евангельский тайнонайденный...»</i>	95
<i>Елена Егорова. Архимандрит Пимен (Благово) и его поэма «Инок»</i>	100
<i>Пимен (Благово), архимандрит. «За пределом жизни тленной...»</i>	116
<i>Андрей Колганов, иерей. Последний настоятель Угрешской обители архимандрит Макарий (Ятров)</i>	120
<i>Иов (Чернышёв), иеродиакон. Святитель Макарий (Невский-Парвицкий)</i>	152
<i>Елена Егорова. Ярослав Смеляков на Угрешской земле</i>	176
<i>Ярослав Смеляков. «История не терпит суесловья...»</i>	201
<i>Елена Егорова. «Певучие строки стиха» Сергея Красикова</i> ..	206
<i>Сергей Красиков. «Я иду полоскою заката...»</i>	215
<i>Елена Егорова. Николо-Угрешский монастырь: краткая летопись событий 1380–2010 годов.</i>	219

Поэтический венок Угреше

Стихи

<i>Валерий Аушев. России уголок</i>	234
<i>Борис Щербатов. Поединок</i>	236
<i>Елена Егорова. Угреша малиновозвонная</i>	238

Татьяна Уварова. «Медовая тишь в монастырском дворе...»	239
Валерий Аушев. Ботик юного Петра	240
Елена Егорова. Рождественское утро на Угреше	242
Геннадий Кобылкин. Угрешский монастырь	243
Эмма Сироткина. Угреша	243
Галина Черкес-Филатова. Мой город	244
Ия Фролова. Весна на Угреше	244
Валерий Аушев. Мы из Угреши	245
Максим Ключев. «Дьякон в церкви погасит свет...»	246
Елена Егорова. В монастырском саду	247
Валерий Аушев. Гремячевский родник	248
Евгений Хазов. Угрешские звоны	249
Елена Егорова. Угрешский родник	250

Духовный цветник Угреши

Поэзия и проза

Валерий Аушев. Завещание великого князя Дмитрия Ивановича	252
Елена Егорова. Цветы Куликова поля	255
Татьяна Уварова. Притча о светильнике	260
Геннадий Кобылкин. «Я слышу гул безудержной воды...» ..	264
Маргарита Филатова-Ключева. Боголюбская Богородица ..	266
Максим Ключев. «Гонят вёрсты что есть силы...»	267
Натали Владо. «Спасибо, Господи, за снег!»	268
Анастасия Мигова. Родной город	270
Ия Фролова. Богослово	271
Михаил Ложников. Ванька-встанька	272
Анна Картавец. Вселенская любовь	274
Анастасия Ангелярова. Молитва	275
Искандера Кондрашова. Уходящим — покой	276
Любовь Щипанова. «Даждь нам днесь...»	277
Борис Щербатов. «Верую, Господи, верую!»	280

Авторы альманаха

Аушев Валерий Петрович, поэт, прозаик, сценарист, председатель правления Международной ассоциации писателей, член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат многих литературных премий.

Ангелярова (Иванова) Анастасия Сергеевна, поэт, победитель конкурса «Юная муза Угрешши» (2007).

Антонова Инесса Васильевна (1938–2001), краевед.

Владо (Ананова) Натали Владимировна, поэт, член Союза писателей России.

Егорова Елена Николаевна, поэт, прозаик, краевед, член Союза писателей и Союза журналистов России, заместитель руководителя литобъединения «Угреша», лауреат московской областной литературной премии им. Я.В. Смелякова, дипломант московской областной литературной премии им. М.М. Пришвина, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН.

Иоанн (Рубин), игумен, ректор Николо-Угрешской духовной семинарии.

Иов (Чернышёв), иеродиакон, преподаватель Николо-Угрешской духовной семинарии.

Картавец Анна Олеговна, поэт, член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии им. Я.В. Смелякова.

Клюев Максим Алексеевич, поэт, член Союза писателей России.

Кобылкин Геннадий Иванович, поэт, член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии им. Я.В. Смелякова.

Колганов Андрей Владимирович, священник храма Большого Вознесения у Никитских ворот (г. Москва).

Кондрашова Искандера (Александра) Александровна, поэт, победитель конкурса «Юная муза Угрешши» (2008).

Ложников Михаил Григорьевич, поэт, журналист, заслуженный работник культуры России, член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Золотое перо Московии».

Мигова Анастасия Алексеевна, поэт, член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии им. Я.В. Смелякова.

Уварова Татьяна Иосифовна, поэт, член Союза писателей России, руководитель литобъединения «Угреша», лауреат московской областной литературной премии им. Я.В. Смелякова, дипломант московской областной литературной премии им. Р.И. Рождественского.

Филатова-Клюева Маргарита Алексеевна, поэт, член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии им. Я.В. Смелякова.

Фролова Ия Павловна, поэт.

Хазов Евгений Васильевич, поэт.

Черкес-Филатова Галина Степановна, поэт, член Союза писателей России, лауреат московской областной литературной премии им. Я.В. Смелякова.

Щербатов Борис Николаевич, поэт, член Союза писателей России.

Щипанова Любовь Ивановна, прозаик.

История Угрешы

Историко-краеведческий альманах

Выпуск 1

Составление, редактирование, худож. оформление: *Е.Н. Егорова*
Подготовка текстов XIX века: *Е.Н. Егорова, Е.М. Аксёненко,*
иеродиакон Антоний (Козин)
Технические редакторы: *В.Н. Киселёва, Е.Н. Егорова*
Корректор: *О.С. Бахтиярова*

Литературное объединение «Угреша» им. Я.В. Смелякова
Московской областной организации Союза писателей России
<http://www.lito-ugreshanarod.ru>, lito_ugresha@mail.ru

ДМУП «Информационный центр». 140093, г. Дзержинский
Московской обл., ул. Томилинская, 14а, тел. (495) 551-22-93.

Сдано в набор 20.05.2010. Подписано в печать 20.07.2010. Формат 60х90/16.
Гарнитура «Bookman». Усл. печ. л. 18. Тираж 1500 экз.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская область, г. Можайск, Ул. Мира, 93; тел.: (496) 20-685,
(495)745-84-28. <http://www.oaompk.ru>, oaompk@oaompk.ru. Заказ №

ISBN 978-5-900999-59-3

В тексте использованы фотографии из личных архивов Е.Н. Егоровой, А.С. Красикова, В.К. Журавлёвой, архива издательского отдела Николо-Угрешского монастыря.

На 1-й странице обложки: Никольский собор Николо-Угрешского монастыря. Рис. Е. Нистратовой с фото 1894 года. 2010 г.

На 4-й странице обложки: Никольский собор Николо-Угрешского монастыря. Рис. Е. Нистратовой. 2010 г.

На стр. 1. Икона явления святому благоверному князю Димитрию Донскому образа Святителя Николая. Николо-Угрешский монастырь. 2004 г.

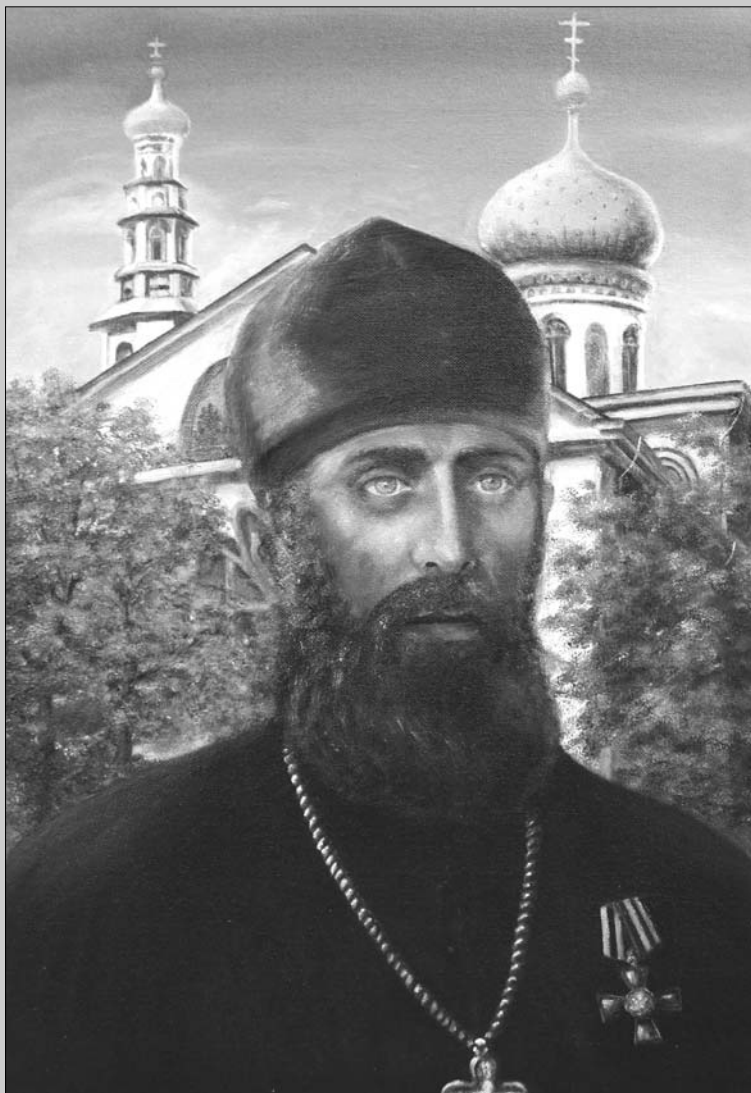
На стр. 3: Вид на колокольню Николо-Угрешского монастыря. Фото 1894 г.

На стр. 233: Вид на колокольню от среднего пруда. Фото Е. Егоровой. 2009 г.

На стр. 251: Вид на Петропавловскую церковь. Фото Е. Егоровой. 2010 г.

ISBN 978-5-900999-59-3

*Краснослободцева Е.М.
Архимандрит Филофей (Антипычев) на Угреше
весной 1918 года. 2009 г. Холст, масло
Историко-краеведческий музей
г. Дзержинский Московской обл.*

*Краснослободцева Е.М.
Архимандрит Макарий (Ятров) на Угреше
весной 1909 года. 2009 г. Холст, масло
Историко-краеведческий музей
г. Дзержинский Московской обл.*